

БЕЛЫЙ ТОПОЛЬ

Новосибирск
2017

ББК 63.3(2)
Б 43

БЕЛЫЙ ТОПОЛЬ. *О программе по увековечиванию памяти выдающихся новосибирцев.* — Новосибирск, 2017. — 176 стр. с илл.

...А вечность — это просто наша память

Законы бытия просты и строги,
И, глядя неизбежному в глаза,
Не знаем мы, где кончатся дороги,
Но мы над ними видим небеса.

Мы не стремимся к золотым чертогам,
Но теплую и тоненькую нить
Той жизни, что подарена нам Богом,
Мы сможем и спасти, и сохранить...

Ты в мире будь с собой, страной и веком,
И постарайся главное решить —
Ведь если каждый станет человеком,
Мы все тогда как люди будем жить.

А кто окончил все земные сроки
И улыбнулся нам издалика,
Тот знает — мы нигде не одиноки
Пока дух чист и вера глубока.

Ушедшему всего дано и вдоволь,
Душа его без горести летит
И вслед ей наша память — белый тополь —
Листвою серебристой шелестит...

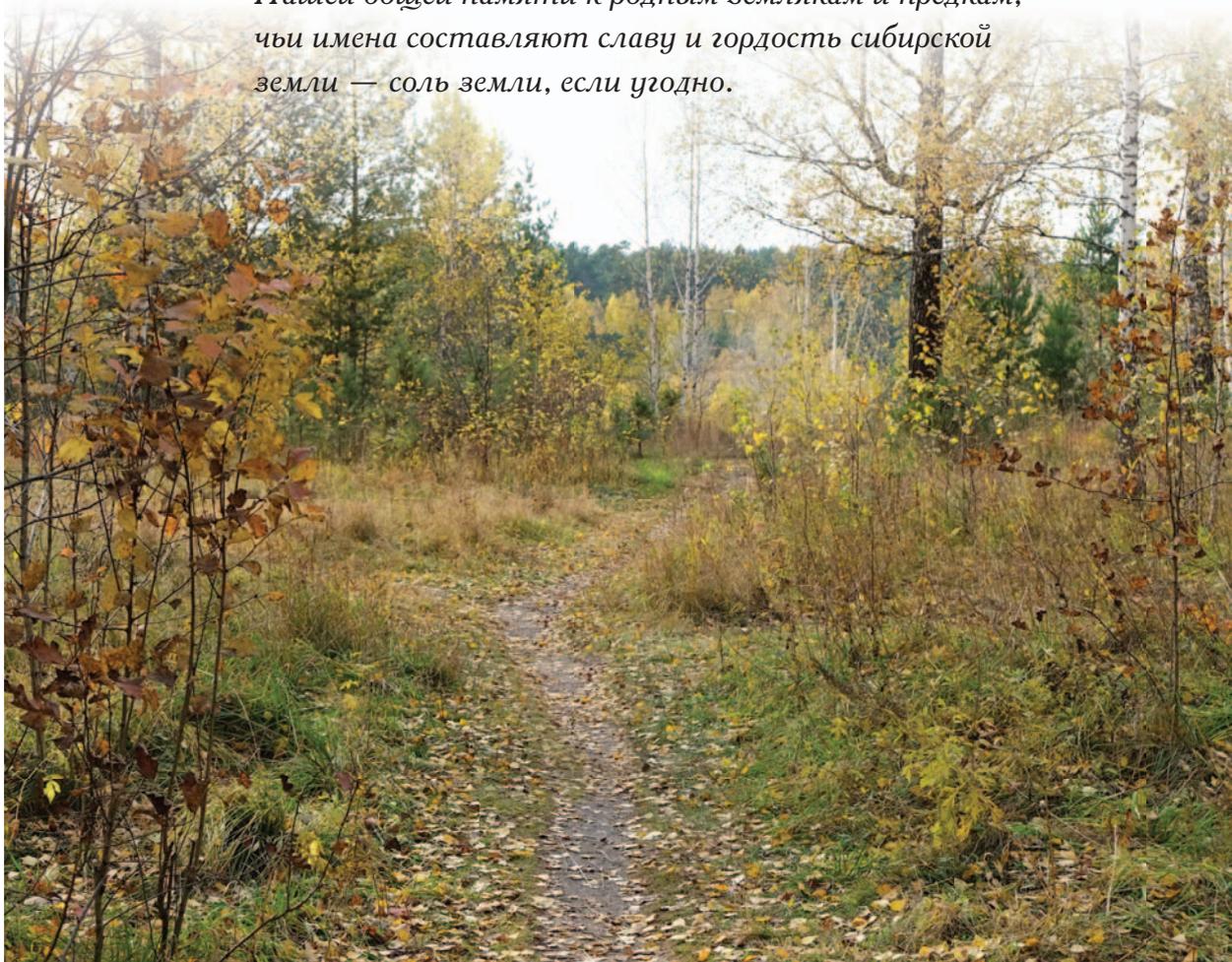
Родион БУРАНОВ

Человек, увы, не вечен. И уход его в иной мир точно такая же закономерность, как и рождение. Каждый из живущих, заканчивая свой земной путь, предстает в свой час перед неизбежностью. Во все времена отношение к уходу человека из жизни было связано с особыми чувствами, которые находили свое зеркальное отражение в фольклоре, обычаях и обрядах. Со временем, с изменением условий, они дополнялись, изменялись, порою кардинально, но в главной своей сути оставались, как это ни покажется странным, незыблемыми: отношение к смерти — чувство сакральное.

И точно такое же чувство — это отношение к памяти тех, кто ушел. И пока эта память живет в нас, мы можем считать себя достойными людьми, достойными гражданами своего Отечества.

Программа «Белый тополь», которой и посвящена данная одноименная книга, — дань памяти. Нашей общей памяти к родным землякам и предкам, чьи имена составляют славу и гордость сибирской земли — соль земли, если угодно.

Сергей Бондаренко:

«БОЖЬЯ НИВА В ЗАПУСТЕНЬЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ...»

Любое дело имеет свое начало, свою отправную точку. Было такое начало и отправная точка и в программе «Белый тополь». Впрочем, когда все начиналось, не имелось ни программы, ни ее названия, да я и сам я думал и размышлял совсем не так, как сегодня. Начиналось же все обычно и даже, я бы сказал, прозаично. Это уже позднее пришло осознание важности и необходимости такого проекта, когда он не просто осуществляется, а живет у тебя в душе.

Итак — начало.

Идет сессия Новосибирского городского совета депутатов. Среди прочих вопросов зашла речь о сохранении нашей отечественной истории и культуры. Тема, что и говорить, острая, животрепещущая, но обсуждение, как у нас, к сожалению, часто бывает, вылилось в многословные страдания, в которых имелось много эмоций, но почти полностью отсутствовали конкретные предложения. Правда, одно, вполне конкретное, прозвучало: очередной выступающий гневно сетовал, что у нас похоронена известная актриса Екатерина Савинова и могила ее находится на Клещихинском кладбище в самом неприглядном виде — в болотине. И в конце своей речи уточнил, что по этому поводу он уже уже написал депутатский запрос.

На дворе тогда стоял 2006 год. В этом году я был впервые избран депутатом Новосибирского совета депутатов, и, когда мне, как директору Похоронного Дома «ИМИ», легла на стол казенная бумага вышестоящего начальства, я сразу же вспомнил обсуждение на сессии и речь моего коллеги, который сообщил высокому собранию, что направил по данному вопросу депутатский запрос. Начальственная резолюция гласила: в трехдневный (!) срок привести могилу в порядок и доложить об исполнении.

Я поехал на Клещихинское кладбище. После долгих поисков разыскал могилу

(толком сказать, где именно она находится, никто не мог) и, когда подошел к ней поближе, невольно замер. Ржавый металлический памятник треугольной формы, холмик уже почти сровнялся, вокруг, действительно, низина. Но не эта печальная картина поразила меня, поразила фотография — удивительно светлая, добрая... И смотрела она, так показалось мне, всенародная любимица Фрося Бурлакова, словно хотела о чем-то спросить — лично у меня...

О многом тогда подумалось на Клещихинском кладбище у заброшенной и позабытой могилы. Фотография, если так можно выразиться, буквально «ранила» меня. И с этого момента главным для меня

было уже не распоряжение начальства, не «трехдневный» срок, а совсем иное — собственное, личное отношение.

Дальше началась работа, не совсем простая. Сразу пришлось решать дилемму — каким образом поступить с могилой Екатерины Савиной?

Можно было пойти по нака-
танному пути: покрасить пира-
мидку, подсыпать на хол-
мик земли, немного мраморной
крошки и отписать по начальству,
что «ваше распоряжение выпол-
нено». И все бы, к слову ска-
зать, остались довольны. И автор
депутатского запроса, и началь-
ство и я, грешный, как исполни-
тель. Но стояла перед глазами
фотография актрисы, и душа про-
тивилась, потому что я прекрасно
понимал — весь этот «макияж»
здесь, в низине, продержится
месяца два-три, не больше. А
после истечения этого срока
могила по-прежнему будет пре-
бывать в плачевном состоянии.
Надо было искать другой выход.
Поделился своими сомнениями с
коллегами, и мы, в конце концов, пришли к единому мнению — могилу надо
из низины переносить, то есть произвести перезахоронение.

Но как это сделать? Во-первых, нужны определенные материальные
затраты, во-вторых — разрешение родственников, в третьих, в четвертых...
Список проблем получался довольно внушительным, но я уже не мог оста-
новиться на половине пути — фотография актрисы словно отпечталась в
памяти...

И вдруг, впрочем, в благом деле, как я не один раз убеждался позже,
«вдруг» не бывает, наоборот — закономерно! — приходит помощь, кото-
рой ты и не ожидал. Настоятель храма Александра Невского протоиерей
Александр Новопашин, узнав о том, что мы озаботились могилой Екате-
рины Савиновой, деятельно нас поддержал. Он, оказывается, знал и лично
был знаком с супругом актрисы, кинорежиссером Евгением Ташковым и с
ее сыном Андреем. Сам съездил в Москву, привез доверенность от мужа и
сына, да и вообще поддержал нас добрым пастырским словом.

В скором времени мы смогли перенести прах актрисы Екатерины Сави-
новой на новое место, подобающим, достойным образом оформить могилу, а
заодно и рассказать многим новосибирцам о замечательной актрисе с трагиче-
ской судьбой, которая покоится в нашей земле.

Отец Александр лично отслужил возле новой могилы молебен.

Вот это и стало началом программы «Белый тополь»...

ЕКАТЕРИНА САВИНОВА: ГРАНИ ТАЛАНТА

Кинематограф обладает поистине мистическим свойством возвращать из небытия тех, кто ушел из жизни навсегда. Это свойство кино дарит нам возможность вновь и вновь видеть на экране образы любимых актеров, к числу которых относится и актриса Екатерина Федоровна Савинова (1926–1970). Она была человеком искренним, увлеченным, с необычайно широкой, светлой, тонко чувствующей, любящей душой.

Ее короткую и яркую жизнь невозможно представить в виде подробного жизнеописания. Так сложилось, что два временных отрезка, наполненных детскими и юношескими впечатлениями и их художественным воплощением в образе экранной героини Фроси Бурлаковой из фильма «Приходите завтра...», являют нам жизненный путь актрисы, который можно назвать восхождением к самой себе.

В сердце Екатерины Савиновой всегда жила благодарная память о родной алтайской земле, одарившей ее самородком неповторимого таланта актрисы и певицы. Теплые воспоминания детства нашли свое отражение в фильме «Приходите завтра...», изобилующем многими автобиографическими деталями, подробностями из жизни самой актрисы и ее окружения.

■ Школа, где училась Е. Савинова;
на фото справа — Кате 14 лет

Алтайская деревня Ельцовка, красоты природы ее окрестностей стали истоками таланта Кати Савиновой, который, как Божий дар, открылся для всех еще в детские годы актрисы. И именно в Ельцовке, далекой сибирской деревне, появилась у молодой девушки мечта — посвятить себя сцене.

В фильме «Приходите завтра...» Екатерина Савинова выбрала для своей героини необычное имя — Фрося Бурлакова. Справедливости ради заметим, что наполовину это имя ельцовской подруги актрисы — Евдокии Бурлаковой. И история эта давняя...

Семьи Савиновых и Бурлаковых, переселенцев из Пензенской губернии, прибыли в Сибирь в годы Столыпинской реформы. Первыми обосновались на Алтае, в Ельцовке, Савиновы, а через год-два приехали и Бурлаковы. Как и в прежней жизни, на пензенской земле, решили держаться друг за друга. Главы семейств — оба Яковы — строились сообща, вместе корчевали лес, и на расчищенных местах рядом поставили свои дома.

Было у двух Яковов по сыну: у Бурлакова — Петр, а у Савинова — Федор. Как и отцы, были они друг другу добрыми соседями. Стали подругами и их дочери — Евдокия и Екатерина.

Летом у Савиновых в ограде стояла кровать. Вечером, нагулявшись, Дуся и Катя ложились на нее и подолгу смотрели на небо в надежде увидеть падающую звезду. Катя загадывала желания... О ее заветной мечте знали все — она хотела стать актрисой. Катю знали на селе как певунью и участницу самодеятельных постановок. И когда она собралась ехать в Москву, односельчане верили, что у нее все получится.

Но путь к успеху оказался тернистым. Впервые увиденный Екатериной на железнодорожной станции пассажирский

■ Участницы художественной самодеятельности Ельцовского района. Катя Савинова — в первом ряду в центре (1943 г.)

■ Екатерина Савинова

состав не совершил чуда легендарного люмьеровского поезда. Его неспешное движение, мерный стук колес, бесконечные остановки в многодневном пути как бы давали Кате Савиновой возможность сойти на полпути и вернуться в родные места.

Но 17-летняя девушка считала это невозможным, она точно знала, что должна посвятить себя служению искусству, а для этого надо учиться! Однако первые попытки поступления в театральный вуз оказались неудачными.

На следующий 1945-й год Екатерине повезло. При поступлении во ВГИК она была замечена педагогами О. Пыжовой и Б. Бибиковым, которые и приняли Екатерину в свою мастерскую. И не ошиблись. Как позже не ошиблись и те, кто принял в число студентов ВГИКа В.М. Шукшина, тоже лишенного столичного лоска, крепкого, тертого жизнью алтайского парня.

Такие люди, как Е. Савинова и В. Шукшин, «едут в Москву» и добиваются своего, потому что в них упрямо и победоносно живет сила осознания своего призвания. Природа их таланта перебарывает все препятствия, побуждает работать над собой, много трудиться для достижения творческих целей.

Студенческие годы одарили Екатерину Савинову радостью постижения тайн актерской профессии, незабываемыми встречами с актерами и режиссерами — легендами отечественного кино. Закончив в 1950 г. ВГИК с отличием, Екатерина жила предвкушением настоящей, интенсивной работы в кино.

■ Кадр из кинофильма «Кубанские казаки» (1949 г.) Е. Савинова в роли Любочки;
на фото внизу — группа студентов ВГИКа в мастерской С.А. Герасимова (1950 г.)

■ Кадр из кинофильма «Лена» (1950 г.) Е. Савинова в роли Лены

■ Снимок слева: кинофильм «Тень у пирса» (1955 г.). Екатерина Савинова в роли Клавы Шубиной

Ее дебют состоялся в роли Любочки в комедии И.А. Пырьева «Кубанские казаки». И кто мог подумать, что случившийся на съемках этой картины конфликт с режиссером закроет актрисе путь к большим ролям, достойным ее таланта.

Творческая карточка Е.Ф. Савиновой содержит записи о съемках почти в трех десятках картин, среди которых есть фильмы таких мастеров, как: С.А. Герасимов, Г.В. Александров, М.К. Калатозов, И.Е. Хейфиц, Г.Н. Чухрай, но в этих картинах актриса сыграла маленькие эпизодические роли.

Есть в карточке и фильмы: «Таинственная находка», «Тень у пирса», «В один прекрасный день» и др., — в которых Савинова исполнила главные роли, но о них вряд ли кто сейчас помнит.

Казалось, актрису не замечают, а точнее — не хотят замечать. Все, что было ею сыграно, не соответствовало уровню ее возможностей, актерскому потенциалу.

Еще студенткой Екатерина начала придумывать «свой» фильм. По воспоминаниям актрисы Клары

■ Роли, пробы...

■ «Приходите завтра...»
(1963 г.). Екатерина
Савинова в роли
Фроси Бурлаковой.
В роли Николая
Васильевича —
Анатолий Папанов

Лучко, снимавшейся вместе с Савиновой в «Кубанских казаках», Екатерина на съемках часто вслух тихо проговаривала такие слова: «Девочка в черном платьице, на босу ногу — башмаки, у телеги идет в город учиться на артистку...». Это был зачин будущего фильма.

Мечта об этой картине была выстрадана.

Осуществить постановку фильма взялся актер, режиссер и супруг Е. Савиновой Евгений Иванович Ташков.

К моменту запуска фильма в производство Екатерина множество раз сыграла его внутри себя. И все же показать на экране собственную жизнь оказалось делом трудным. К началу съемок у актрисы был маленький сын, долгое время она оставалась «за кадром». Поначалу на съемочной площадке она то «переигрывала», то становилась вдруг скованной. Но это состояние быстро прошло. И наступил тот момент, когда актриса слилась с образом своей героини. Игра Савиновой восхищала. Когда Екатерина выходила на съемочную площадку, царивший на ней шум сам собой затихал. Все присутствовавшие замирали, замороженные игрой актрисы.

На первый взгляд сюжет картины «Приходите завтра...» прост. Фильмов с подобным сюжетом в истории кино много. Отчего же именно героиня Савиновой так полюбилась кинозрителям? Возможно оттого, что эта роль, как и весь фильм, — невыдуманная история, это экранное отображение собственных переживаний Е. Савиновой.

Образ Фроси Бурлаковой был оживотворен светом таланта Савиновой, таланта актрисы и певицы. Екатерина Федоровна обладала редким по силе и красоте голосом. Во время съемок фильма она училась в институте им. Гнесиных по классу вокала. И все музыкальные номера в фильме были исполнены самой актрисой.

Картина «Приходите завтра...» обрела зрительский успех и долгую

экранную жизнь. В 1963 г. роль Фроси Бурлаковой в исполнении Е.Ф. Савиновой была признана лучшей женской ролью года. В 1965 г. Екатерине Федоровне было присвоено звание «Заслуженная артистка РСФСР». Она стала известной, ее узнавали на улицах, подходили, просили автограф...

Фильм «Приходите завтра...» пленил души не одного поколения кинозрителей, так как затрагивает очень важную тему. Он показывает,

как происходит осуществление дарования. Образ Фроси — это образ человека, которому дан талант. Осознавая и принимая этот дар, человек понимает, что этот талант не принадлежит ему одному. Он должен отдать полученный дар людям, порой жертвуя для этого личным счастьем. В роли Е. Савиновой эта философская мысль читается четко и однозначно. Органичность, предельная искренность Е. Савиновой — Фроси Бурлаковой — обусловлены тем, что актриса играла в фильме саму себя. Она не играла, на съемочной площадке она вновь проживала свою жизнь.

В отечественном кино 1960-х годов было много «актрис одной роли», к сожалению, Е.Ф. Савинова пополнила их число. Актриса, которую называли «Шляпин в юбке», вновь оказалась «за кадром».

Талант, не имевший возможности

■ Вверху — кадр из фильма «Таинственная находка» (1953 г.), Е. Савинова в роли учительницы Елены Сергеевны; фото слева: «Медовый месяц» (1956 г.), Екатерина Савинова — Зоя, секретарь комсомольской организации

реализовываться, стал мучить ее. К тому же пришла болезнь, победить которую не удавалось. Екатерина Савинова очень страдала, осознавая, что в ней происходит внутреннее разрушение. Что оставалось? Семья, сын, выступления в концертах... Но это не спасало. Итог — трагический уход из жизни.

Актер кино остается вне времени и пространства. Запечатленный на киноплёнке в роли, он продолжает жить в своем творении, обретая иллюзию бессмертия.

Актрис, подобных Е.Ф. Савиновой, больше нет. Екатерина Савинова являла собой тот редкий тип людей, которые почти физически излучают свет и тепло. И эта доброта пробивается сквозь завесу времени в день сегодняшний.

В Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая хранится большое собрание материалов (фотографии, рукописи, документы), посвященных жизни актрисы. Когда посетители музея, находясь в зале киноискусства, рассматривают фотографии Е.Ф. Савиновой, их лица светлеют. Кто-то помнит актрису по фильму «Приходите завтра...» и практически отождествляет ее с образом непосредственной и простодушной Фроси. А те, кто знает больше о судьбе актрисы, пускаются в размышления о трагичности ее жизни. Равнодушных нет.

Прожить жизнь, оставив в людских душах добрый след, — для этого тоже нужен талант. Именно

■ Кадр из фильма «Женитьба Бальзаминова», (1964 г.), Е. Савинова в роли кухарки Матрёны

■ «Косолапый друг» (1959 г.), Е. Савинова в роли Тамары, ассистентки дрессировщика Леснова

он сближает двух таких разных и таких дорогих Алтаю людей, как Екатерина Савинова и Василий Шукшин.

Мироощущение этих двух людей схоже. Душа, воспитанная в чистоте деревенской жизни, с трудом выдерживает натиск порой жестокого, агрессивного города. Жизнь неизбежно раскалывается на две половины: одна из них прожита у чистых родников в мечте об искусстве, другая — жизнь внутри круга людей искусства, с его условностями, неписаными правилами, зависимостью от других. Между творчеством Е. Савиновой и В. Шукшина есть незримая связующая нить. Заявленная фильмом «Приходите завтра...» тема не только раскрыла природу личности и дарования Савиновой и Шукшина, она как бы предварила собой появление в отечественном кино такого значительного явления, как «Кинематограф Шукшина».

У Екатерины Федоровны, как и у Шукшина, было поразительно тонкое чутье на правду жизни в искусстве. Е.Ф. Савинова, имея не так уж много предложений сняться в главной роли, от некоторых отказывалась, не чувствуя в предлагаемых ролях живого, жизненного начала.

Как и В.М. Шукшин, Савинова жила ощущением тесной, кровной связи личной судьбы и судеб своих героинь. В своем творчестве она черпала силы из реальной жизни, с интересом наблюдая за ней, осмысливая и описывая ее.

Помимо актерского таланта, Екатерина Федоровна обладала даром рассказчицы. Ее выступления перед зрителями имели огромный успех. Но больше всех любили слушать ее рассказы друзья и близкие. Эти истории могли быть и смешными, и грустными, но всегда увлекательными, заворачивающими слушателя. Легко сходясь с людьми, она расспрашивала их о житье-бытье, узнавала, что они думают о жизни. Некоторые впечатления и отдельные истории она записывала, и очевидцы утверждают, что подобных

рукописей было много. Но сама актриса не придавала этим записям особого значения, она просто фиксировала жизненные наблюдения. Почти все эти записи были утрачены.

Но одна рукопись с рассказом случайного попутчика в поезде, по счастью, уцелела. Сейчас она хранится в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая.

Еще в детстве у Екатерины Савиновой появился интерес к самобытным деревенским рассказам — байкам. С годами он перерос в любовь к живому народному слову. И это было великолепно продемонстрировано Е. Савиновой в речи и интонациях ее героини — Бурлаковой Фроси.

И вновь — параллель. Как и Василия Шукшина, Екатерину Савинову интересовала обыденная повседневная жизнь людей. Как художников их отличало то, что они могли возвести ее в степень художественного обобщения, в своем бытописании находясь на грани правды и вымысла.

Мы не причисляем Е.Ф. Савинову к писательским кругам. Но и по одной рукописи можно судить о больших литературных задатках актрисы. Она обладала шукшинским пониманием сути рассказа как литературной формы. Для Шукшина образцом были устные рассказы своих земляков:

«...в народе мастер устного рассказа всегда чувствовал прежде всего надоб-

ность в своем рассказе. Не помню, чтобы кто-то взялся рассказывать, не задавшись целью сообщить что-то новое, нужное, интересное, а просто так — чтобы себя показать или фокус словесный какой-то выкинуть.

Всегда в таких рассказах была цель, какая-то прямая жизненная необходимость. Рассказчику непременно надо было что-то сообщить, так сказать, к делу, к случаю. И не просто сообщить — дескать, вот

■ На фото сверху — Е. Савинова в роли Аннушки в фильме «Расплата», 1970 г.; слева — кадр из кинофильма «Жажда над ручьем» (1968 г.), Екатерина Савинова в роли продавщицы Оли

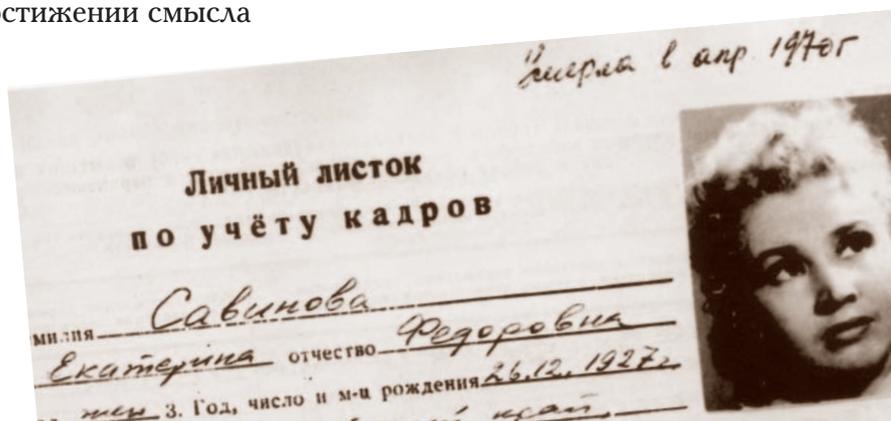
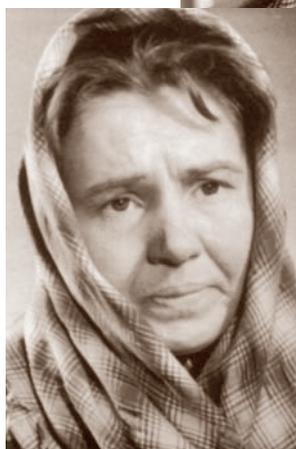
помню, было однажды то-то и то-то. Рассказ должен был разбередить душу, войти прямо в сердце слушателей. Утешить их, успокоить, чему-то научить, поделиться тем, что самого рассказчика волнует, из души рвется.

Вот отсюда и возникала простая и доступная форма рассказа». «Мастерство есть мастерство, — писал В.М. Шукшин, — и дело это наживное. И если бы писатель-рассказчик не сразу делал (старался делать) это главным в своей работе, а если главным оставалась его жизнь, то, что он видел и запомнил, хорошее или плохое, а мастерство бы потом приложилось к этому, получился бы писатель неповторимый, ни на кого не похожий».

Ростки именно такого отношения к рассказу обнаруживают и рукописи Е. Савиновой. Это объединяет Е. Савинову и В. Шукшина, они одинаково понимали значение Искусства. Отвергая все сиюминутное, они не разменивались на мелочи. Как будто осознавая краткосрочность своего пребывания на земле (Шукшин прожил 45 лет, Савинова — 43 года), они с самоотречением подчиняли свою жизнь постоянному поиску главного в искусстве. Пристально вглядываясь в окружающую жизнь, в лица людей, они находили источник творческого горения в постижении смысла человеческого бытия, постижении вечной тайны человеческой души.

Е. ОГНЕВА

(Из книги «Свет погасшей звезды: Екатерина Савинова». — Барнаул: АЗБУКА, 2011.

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

(На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.)

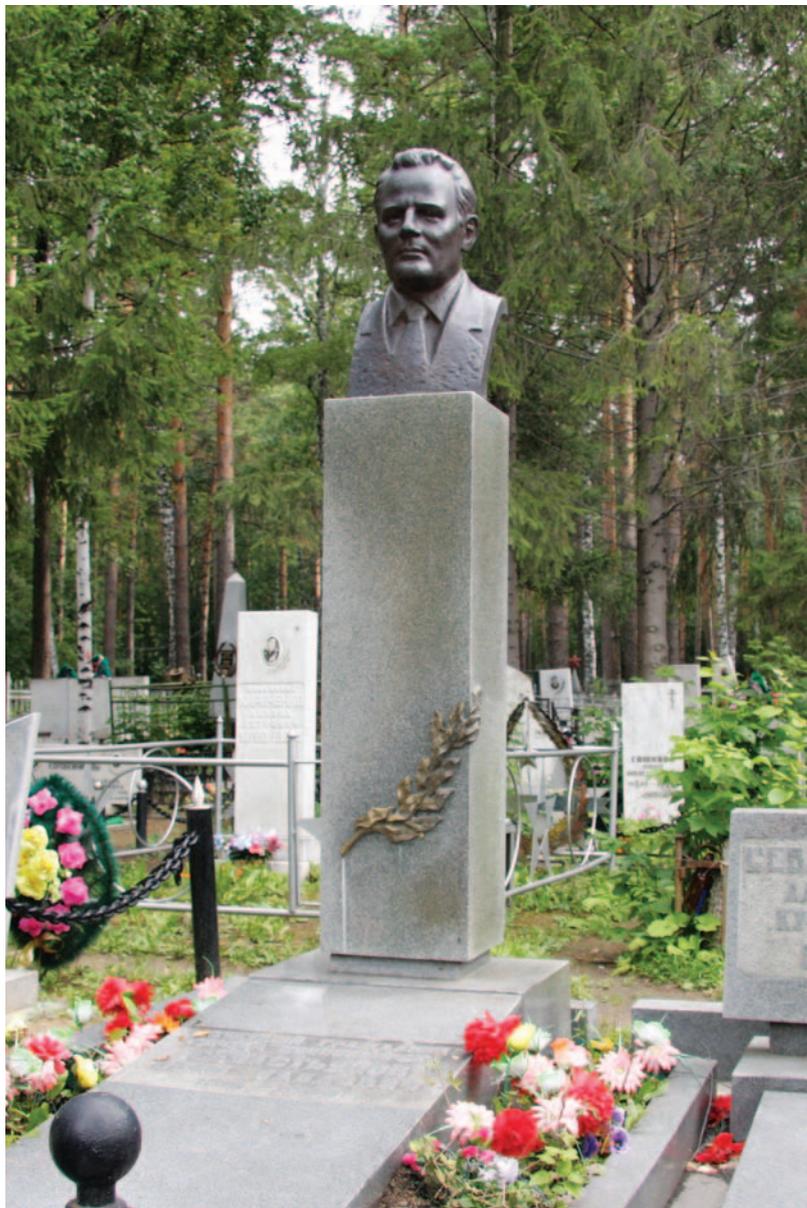
Александр ПУШКИН

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

СЕВАСТЬЯНОВ
Иван Павлович
(1918–1996) —
председатель
Новосибирского
горисполкома
(1963–1983)

М рудовую деятельность начинал на Томской железной дороге. В 1961–1963 гг. — первый заместитель председателя Новосибирского горисполкома, в 1963 г. избран председателем исполкома Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся и в течение 20 лет оставался «градоначальником» Новосибирска. После трех месяцев его работы в председательской должности на сессии горсовета прошло серьезное обсуждение благоустройства Новосибирска, архитектурных достоинств города. Стараниями Ивана Павловича были проложены Вокзальная магистраль, улицы Нарымская, Плановая, Жуковского, проспект Димитрова, вырос второй мост через Обь, количество жилья увеличилось почти в три раза, а площадь снесенных бараков исчислялась миллионами квадратных метров.

Совместно с первым секретарем обкома КПСС Ф.С. Горячевым он убежденно отстаивал необходимость строительства метро в Новосибирске. И когда решение было принято, началась главная

работа И.П. Севастьянова. В ту пору для строительства метро в городе ничего не было: ни проектной организации, ни производственных мощностей. Поэтому создание собственной специализированной проектной и строительной организации — это заслуга Ивана Павловича.

Время И.П. Севастьянова — это время больших мощностей. Под его «административным крылом» в городе построили самые мощные за Уралом тепломagистралы, реконструировали ТЭЦ-3, ТЭЦ-4, ввели пять котлов на ТЭЦ-5.

В 1982 г. Севастьянов стал лауреатом премии Совмина СССР за проектирование и строительство моста через Обь.

За выдающийся вклад в развитие города и многолетнюю плодотворную деятельность на посту Председателя исполкома городского Совета народных депутатов Ивану Павловичу Севастьянову в июне 1993 г. было присвоено звание «Почетный житель Новосибирска».

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

НИКОЛЬСКИЙ

**Николай
Порфирьевич**
(1911–1973) —
крупный
хозяйственный
руководитель
и организатор
железнодорожного
транспорта, Герой
Социалистического
Труда. Возглавлял
Западно-Сибирскую
железную дорогу
почти 20 лет. Позже
этот период жизни
дороги назовут
эпохой Никольского

Николай Порфирьевич Никольский родился в семье железнодорожника. После окончания семилетней школы в 1928 г. пошёл работать в депо Боготол. В 1931 г. был направлен в Томский электромеханический институт инженеров транспорта на паровозный факультет. После окончания института в 1936 г. Николая Порфирьевича по разнарядке Наркомата путей сообщения распределили в паровозное депо Боготол. Работал в должности мастера, позже — заместителем начальника депо по ремонту.

С 1939 г. Никольский — начальник паровозного депо Красноярск. В 1941–1948 годах возглавлял паровозную службу Красноярской железной дороги. В 1955 г. был назначен начальником Томской железной дороги.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1959 г. за выдающиеся успехи в развитии железнодорожного транспорта Н.П. Никольскому было присвоено звание Героя Социалистического

Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

После объединения в 1961 г. Томской и Омской железной дорог Никольский становится начальником образованной Западно-Сибирской железной дороги и возглавляет ее в течение 12 лет. Все эти годы ЗСЖД является передовым предприятием отрасли, «школой передового опыта».

В 1973 году Николая Порфирьевича не стало. Проститься с покойным пришли и приехали тысячи людей. Траурный кортеж растянулся по Красному проспекту Новосибирска на несколько километров. Похоронили его на Заельцовском кладбище.

На фасаде управления Западно-Сибирской железной дороги установлена мемориальная доска Н.П. Никольскому. Поезду 83/84 Красноярск — Новосибирск присвоено наименование «Николай Никольский».

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

МАЛАНИН

Иван Иванович

(1897–1969) — легендарный сибирский музыкант, баянист. Победитель первых в Сибири конкурсов исполнителей на народных инструментах. Один из организаторов и музыкальный руководитель радиопередачи военных лет «Огонь по врагу» (1941–1944).

*И*ван Иванович Маланин родился в семье рабочего, восемнадцатый ребенок в семье. Был слепым от рождения.

С раннего детства обнаружил абсолютный музыкальный слух, самостоятельно, в пятилетнем возрасте, научился играть на гармонии. По протекции владельца Троицкого винокуренного завода Патушинского переехал в Иркутск, обучался в школе-интернате для слепых детей и игре на скрипке у И. Д. Шевцова (скрипача, концертмейстера симфонического оркестра Иркутской оперы). После окончания школы работал тапёром в кинотеатрах Иркутска («Маяк») и Томска.

В сентябре 1927 г. победил на конкурсе гармонистов и баянистов в Томске, был отмечен вручением золотого жетона «Лучшему гармонисту». С 1928 г. выступал по новосибирскому радио, баянист Новосибирского радиокомитета.

В годы Великой Отечественной войны создал и вёл радиопередачу «Огонь по врагу!» на новосибирском радио с участием артистов

эвакуированного в Новосибирск Ленинградского академического театра имени Пушкина К. И. Адашевского и А. Ф. Борисова, создавших на радио образы весёлых бойцов-разведчиков Козьмы Ветеркова и Ильи Шмелькова. Выступал в госпиталях, выезжал с творческой бригадой радиопередачи «Огонь по врагу!» на фронт.

После окончания Великой Отечественной войны с 1948 по 1967 гг. работал в хоре ветеранов Новосибирской филармонии.

На доме №53 по ул. Советской, где жил в последние свои годы И. И. Маланин, установлена мемориальная доска.

С 1987 г. раз в два года в Новосибирске проходит традиционный «Маланинский фестиваль», посвященный памяти народного музыканта Ивана Маланина.

В 2000 г. в Новосибирске был создан Музей сибирского баяна и гармони имени И. И. Маланина.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

МЫШ Владимир Михайлович
(1873–1947) —
хирург, академик
АМН СССР,
Заслуженный
деятель науки.

Владимир Михайлович Мыш родился в семье юриста. В 1895 г. окончил Императорскую Военно-медицинскую академию. В 1898 г. как военный врач, учившийся на казенную стипендию, Владимир Мыш получил назначение в Калужский военный лазарет на должность младшего врача, где находился до 1901 г.

В 1901 году по конкурсу был избран экстраординарным профессором по кафедре теоретической хирургии Томского университета, в 1907 году стал ординарным профессором.

С 1909 г. возглавил кафедру факультетской хирургической клиники (современное название — кафедра факультетской хирургии), которой заведовал до 1930 г. Состоял консультантом хирургических отделений Института физиотерапии, военного госпиталя, гинекологической больницы и Томской железнодорожной больницы.

Практическую и научную деятельность профессор Мыш совмещал с активной преподавательской

работой. В 1927 г. в Томске был организован Институт усовершенствования врачей, первым профессором которого стал Мыш.

В 1932 г. вместе с Институтом он переехал в Новосибирск, где организовал первоклассную клинику на 150–180 коек. В 1935 г. на базе Института усовершенствования врачей был образован Новосибирский государственный медицинский институт.

В годы Великой Отечественной войны свой огромный опыт, силы и знания Мыш отдавал лечению раненых в эвакогоспиталях.

В. М. Мыш опубликовал 136 работ, посвященных актуальным вопросам хирургии почек, черепно-мозговой и брюшной хирургии. Им было проведено 30 тысяч операций, подготовлены тысячи учеников, среди которых многие заняли видное место в отечественной хирургии (Г. М. Мухадзе, К. Н. Черепнин, М. С. Рабинович, Б. И. Фукс, В. С. Левит, В. С. Галкин, С. Л. Шнейдер и др.).

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**ЛЕЛЮХ
Игорь
Викторович**
(1967–1995) —
капитан,
Герой России
(7.12.1995)

Родился в Витебске в семье офицера. Со второго по девятый класс учился в школе №9 города Абакан. Окончил среднюю школу №1 в поселке Топчиха Алтайского края.

В 1989 г. окончил Новосибирское высшее военно-политическое общевоинское училище. Служил заместителем командира роты по политической части в Центральной группе войск (Чехословакия), в Киевском военном округе, с 1992 г. — в Сибирском военном округе.

С 1992 г. — заместитель командира роты по воспитательной работе в СибВО. С 1993 г. — командир группы специального назначения 67-й отдельной бригады специального назначения ГРУ ГШ, с 1994 г. — заместитель командира отдельной роты специального назначения. В декабре 1994 г. убит в Чечню в составе сводного отряда специального назначения. Успешно командовал разведгруппой при выполнении боевых задач против дудаевских формирований, под его командованием было проведено 22 спецоперации.

1 января 1995 г. при штурме Грозного части 131-й бригады попали в окружение. Командование поставило перед разведгруппой капитана Лелюха задачу как можно скорее прорвать кольцо окружения и способствовать выходу бригады из города. Разведгруппе удалось прорваться и выйти на позиции бригады. Но в скором времени подошли резервы дудаевцев, было принято решение отступить. Игорь Лелюх был ранен и остался прикрывать отход бойцов. В течение 30 минут он удерживал боевиков огнём из автомата и гранатами, после чего был вторично ранен и в бессознательном состоянии расстрелян в упор.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, указом Президента Российской Федерации от 7 декабря 1995 г. капитану Лелюху Игорю Викторовичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Именем героя названа улица в городе Бердске Новосибирской области, на доме №13 по которой установлена мемориальная доска.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Сергей Бондаренко:

«БОЖЬЯ НИВА В ЗАПУСТЕНЬЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ...»

Нимо этой могилы несколько десятилетий проходили сотни, тысячи новосибирцев, не обращая на нее никакого внимания — мало ли могил на Заельцовском кладбище!

И лишь немногие старожилы да наши городские краеведы знали, что здесь покоится прах одного из отцов-основателей нашего Ново-Николаевска, будущего Новосибирска, Николая Михайловича Тихомирова.

Сегодня о судьбе этого человека много написано, и я не буду повторяться, да и в этой книге, на следующих страницах, есть рассказ о Николае Михайловиче, поэтому ограничусь лишь одним примером — сослуживцы, вспоминая о нем, говорили так: «Мы даже шаги его уважали!»

А уж как уважали его новониколаевцы! На старом снимке, где запечатлена похоронная процессия, хорошо видна огромная людская лента — это благодарный Ново-Николаевск провожал в последний путь своего отца-основателя, строителя храма Александра Невского, моста через Обь, блестящего русского инженера. Похоронят его возле стен храма Александра Невского. Когда храм будет разрушен, могилу сравняют с землей, закатают асфальтом, и лишь в семидесятые годы прошлого века, случайно, когда будут копать траншею для прокладки кабеля, наткнутся на нее, долго будут думать, что с ней делать и, в конце концов, придумают — тайно, почти по-воровски, едва ли не ночью, перенесут прах на Заельцовское кладбище, подальше от главного входа. Как говорится, с глаз — долой, из сердца — вон!

Но нельзя окончательно вытравить память из сердца, если сердце это любит родную землю, ее историю и ее лучших сыновей.

В начале двухтысячных годов, после долгих лет забвения, начались в Новосибирске разговоры о Тихомирове и о том, чтобы привести его могилу в надлежащий вид. Были даже такие предложения — снова перезахоронить, перенеся прах к собору Александра Невского. Но дальше разговоров, как у нас бывает, дело не двигалось.

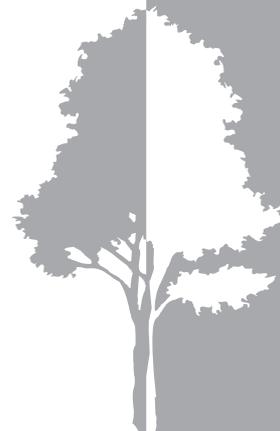
И вот Владимир Викторович Шамов, вице-президент гуманитарно-просветительского клуба «Зажги свечу», высказал идею — создать настоящий мемориальный комплекс, достойный такого выдающегося человека, каким, безусловно, был Николай Михайлович Тихомиров. И не просто высказал, а сумел убедить, как он умеет это делать, что идея реальна и вполне осуществима.

Сам я, чем больше узнавал о судьбе Тихомирова, тем сильнее загорался этой идеей, и даже не заметил, как она полностью мной овладела, стала родной, если так можно сказать.

Идею эту удалось донести до Владимира Филипповича Городецкого, который тогда был мэром Новосибирска и который ее горячо поддержал, не на словах, а на деле. Он сам приехал на Заельцовское кладбище, мы вместе осмотрели могилу, предварительно обговорили этапы и объемы работ, а уже через несколько дней было издано специальное постановление мэра, что явилось для нас весомым подспорьем, официальной поддержкой властей, ведь мемориальный комплекс изначально предполагалось возводить методом народной стройки, иными словами — без бюджетных денег.

■ В.В.Шамов, Ю.Бурика, С.В. Бондаренко и В.Ф.Городецкий обсуждают проект мемориального комплекса на могиле Н.М. Тихомирова

Проблем было много, все и не пречислить. Одна из них заключалась в следующем: рядом с могилой находится захоронение экипажа самолета «ТУ-154», погибшего в авиакатастрофе, — совсем рядом, и для того, чтобы расположить мемориал, требовалось это захоронение чуть «подвинуть». Но родственники погибших летчиков сразу и категорически сказали — нет! После, как удалось выяснить, нашелся один «доброжелатель», который нарасказывал им баек о «нехорошем Бондаренко»... Что делать? И тогда я поехал к этим людям. Сначала они даже двери мне открывать не хотели, но я стоял на своем — давайте поговорим! Открыли, и разговор состоялся. И оказалось, что люди все прекрасно поняли, как это и бывает, по крайней мере, должно быть, когда идешь к ним с ясными и понятными замыслами, а они видят, что нет в этих замыслах корыстного расчета. Взаимопонимание в столь деликатном вопросе было найдено, а могилы летчиков мы привели в порядок.

Между тем продолжалась работа над проектом, который был разработан Юрием Бурикой и Евгением Прониным, продолжался сбор средств. Сегодня я с огромной благодарностью хочу сказать самые добрые слова олимпийскому чемпиону Александру Карелину, Александру Целько, который руководил в то время филиалом РЖД, Почетному жителю Новосибирска Альберту Кошкину, президенту Новосибирской службы спасения «СПАС-001» Сергею Захарову — всем-всем, кто откликнулся. Особенно мы были тронуты участием рядовых

■ Фрагмент мемориала

новосибирцев. Одна из школ Заельцовского района, например, перечислила 2100 рублей. Эти деньги дорогого стоили, ведь их собрали ребяташки. Одна из пожилых жительниц Новосибирска, которая была еще знакома с женой Н.М. Тихомирова, принесла скромную сумму и сказала: «Я твердо знала, что рано или поздно этому замечательному человеку воздадут должное».

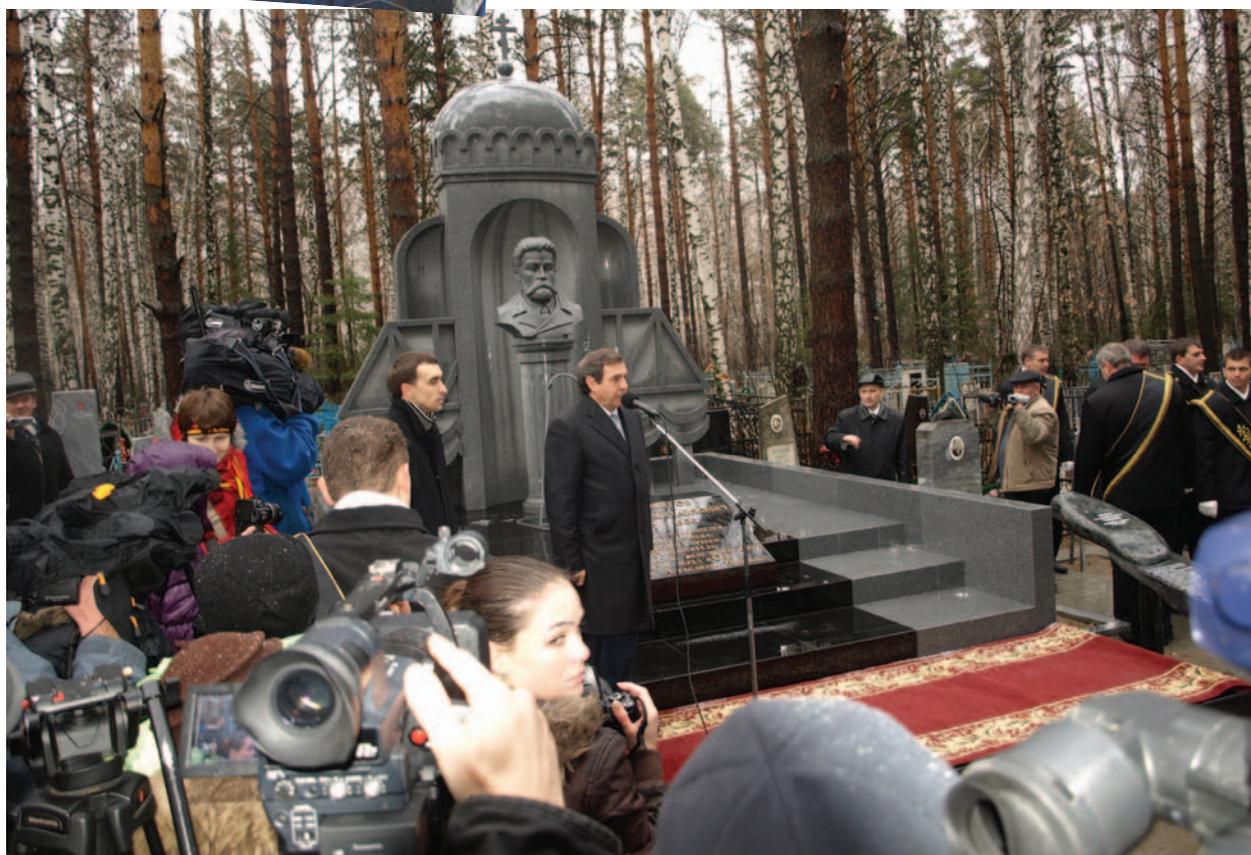
И вот он, долгожданный момент! Состоялось открытие мемориального комплекса Николая Михайловича Тихомирова. День выдался дождливым, хмурым, но я этого просто не замечал, потому был счастлив, как счастлив любой человек, когда видит зримые результаты своих трудов.

Комплекс получился достойным — просто, без вычурностей и монументально. Гранитный монумент, по мнению специалистов, сделан на века.

В этот день было сказано много взволнованных и добрых слов. Я приведу краткие выдержки только из двух выступлений; мне кажется, что они очень точно передают ту атмосферу, которая всех нас объединяла на открытии мемориального комплекса.

Александр Новопашин, настоятель собора во имя святого благоверного князя Александра Невского, протодьякон:

— Это событие было столь важным, что мы и освящали

мемориал Николаю Михайловичу Тихомирову и поминали в молитвах этого человека с особыми чувствами. Долг каждого — чтить прошлое, чтить дела своих предков. Именно Николай Михайлович Тихомиров, как инженер, завершил строительство моста через Обь, и он же воздвиг храм в том поселке, где жили рабочие. Он сотворил духовный центр, дав возможность каждому приобщиться к наивысшим ценностям, найти поддержку и утешение в дни невзгод. Человек, положивший хоть один камешек в стену храма, получает постоянное молитвенное поминовение. Это и есть вечная молитвенная память.

Владимир Шамов, писатель, вице-президент гуманитарно-просветительского клуба «Зажги свечу»:

— Я думаю, что теперь у новосибирцев появится новая традиция — приходить на могилу одного из основателей города. Наша святая обязанность — чтить прошлое. Я считаю, что память — это великое качество человека. Если мы будем детьми, не помнящими отцов, тогда и наши дела, которые мы сегодня делаем, потомки просто забудут. А мемориал Николая Михайловича Тихомирова, установленный нами в эти дни, через 10, 50, через 100 и 200 лет будет для горожан вечным напоминанием об истоках их родного Ново-Николаевска — Новосибирска.

Мне нечего добавить к этим словам.

Разве что одно уточнение: традиция, о которой говорил Владимир Викторович Шамов, живет уже в наше время — каждый год торжества, посвященные Дню города, начинаются с возложения цветов к мемориалу Н. М. Тихомирова.

ЗВЕЗДЫ СВЕЯТ ИЗ ПРОШЛОГО

Документальная повесть о Николае Тихомирове

В самом центре города, возле стен бывшей каменной церкви, в июле 1971 года рабочие коммунальной службы рыли траншею под кабель. Лопата наткнулась на камень. После некоторой расчистки обнажилась верхняя часть каменного склепа. Что там — клад?! Лучшее, что тогда смогли придумать рабочие, это притащить лопы.

В то время в здании храма квартировала Западно-Сибирская студия кинохроники, хранился киноархив. Для нужд студии и подводился кабель. Чтобы понять все происшедшее дальше, необходимо небольшое отступление.

Старейшее культовое здание Ново-Николаевска-Новосибирска, построенное в XIX веке, каменный храм, во второй половине двадцатого являл собой огромный мрачный монолит. Обшарпанные стены, давно вылинявшая крыша, черные от копоти и грязи, полвека не мытые верхние окна. Гранитные

■ Новосибирск, 1960-е. Вид на храм с Коммунального моста

брусы фундамента, всегда украшавшие своим естественным цветом монастыри, какой-то «реставратор», вероятно, по его разумению для красоты или для прочности, покрыл толстым слоем темно-красной краски, под цвет кирпичной кладки храма. Краска побурела, облупилась, висела клочьями.

Полный развал царил и внутри собора. На уровне второго этажа на огромные швеллера, которые насквозь прошли исторические стены, настелили пол.

Таким образом, из купола получилась комната. Все исторические изящества соскоблили, замазали толстым слоем краски или забелили. Лестница, ведущая на клирос, теперь вела в эту самую комнату для просмотра киноматериалов. На первом этаже храма понастроили множество деревянных перегородок, где размещались чиновники студии и хранился киноархив...

И вдруг у восточной стены бывшей церкви находят какой-то склеп. Стены у склепа толстые, полуметровые, поэтому, хотя рабочие их и долбили ломом всюду, дыру пробили далеко не сразу. А зевак прибавлялось. Толпа росла, кто-то вызвал милицию, кто-то догадался позвонить музейным работникам.

Когда пыль улеглась, в склепе разглядели гроб, на котором лежала форменная фуражка с кокардой и перекрещенные шпага и ножны. Гроб прочный, полированный, под цвет ореха, с шестью никелированными ручками. Сверху он был покрыт серебристо-зеленой (частью истлевшей) парчой.

Гроб, фуражку, шпагу и ножны доставили в краеведческий музей. Вскоре было установлено, похоронен в склепе был инженер-путеец Николай Михайлович Тихомиров. Расскажем о нем.

■ Открытка с видом на собор Александра Невского (1910-е)

■ Н.М. Тихомиров

а молодая Раиса Филимонова, как говорится, положила глаз на крепостного артиста Михайлу, сына крепостного крестьянина Владимирской губернии. Как выяснилось позже, не просто заприметила кавалера и влюбилась, а решила пойти за него замуж. Конечно, и отец Филимонов, и его друзья не могли не воспротивиться. Раиса окончила столичный институт благородных девиц, знала несколько языков, уже прослыла тонким знатоком и ценителем искусств, получила серьезные навыки ведения домашнего хозяйства. Можно себе представить, о каком муже для нее мечтал отец. И вдруг каприз — за Михайлу! Нравы того времени просто не допускали подобного: как это столбовая дворянка пойдет замуж за крестьянина, пусть и артиста, да еще и крепостного? Однако Раиса Павловна оказалась крепкого характера. Отринув все сословные предрассудки, а они в то время были очень сильны, заявила о том, что, если родители не пойдут навстречу, она сбежит из дома и все равно добьется своего. Что делать?! Однако власть есть власть — связи, знакомства и прочее. В итоге Михайло Тихомиров пожалован самым малым чином и сменил крепостные театральные подмостки на канцелярскую работу. Его артистической природы хватило лишь на 10 лет барской супружеской жизни. Попил вволю, разорил родовое имение и почил, оставив Раису Павловну Тихомирову с семьей детьми: пять девочек и два сына — Павел и Николай.

Как, на какие средства жить дальше, на что воспитывать и обучать детей? Отец, сенатор Филимонов, давно умер. А что если обратиться к его старым и ныне могущественным коллегам, друзьям или родственникам, некоторые из них еще продолжали службу? Остановилась на дальнем родственнике, обер-прокуроре, некогда находившемся с отцом в хороших отношениях. Обер-прокурор Саблер встретил Раису Павловну в своем

На Руси издавна существует род Филимоновых. Есть и подтверждение — Филимоновы занесены и значатся в книге родословий Департамента уделов.

Отдав положенный срок, покидает государеву службу сенатор Филимонов и удаляется на покой в свое родовое имение под г. Вяткой. В то время было принято ездить в гости к своим соседям-помещикам. Ездил и Филимонов и брал с собой дочь Раису. Каждый помещик хвастал чем-то особенным в личном хозяйстве, а один даже представил гостям личный театр. Выступили артисты перед гостями,

шикарном кабинете стоя, холодно, с хмурым лицом и даже не предложил сесть. Первая фраза, которую он выдал из себя, была такова: «Как смела выходить за крестьянина? Оскорбила низким браком своим наш дворянский род». Хватило истинной дворянке мужества и гордости не отвечать на оскорбительные слова. Вышла молча, не стала просить и молить о помощи. Дома уже проплакалась. Но завещала детям своим — никогда и ни при каких обстоятельствах не просить помощи у власть имущих.

В то время в России возникло множество свободолюбивых кружков. Туда входили и дворяне, и аристократия, и купцы, и промышленники. Многие из них являлись достаточно состоятельными людьми. В один из таких кружков, «Некрасовский», вступила и Раиса Павловна. Там, узнав о ее беде, помогли. Пошли благотворительные пожертвования. Подняла и обучила мать дочерей. Павел Михайлович стал архитектором, Николай Михайлович Тихомиров окончил Санкт-Петербургский институт путей сообщения, стал инженером-путейцем.

■ Раиса Павловна Филимонова (Тихомирова) на склоне лет

■ Строится Транссибирская магистраль

Позднее обоих братьев судьба свела в маленьком городишке на Оби — Ново-Николаевске. Кстати, материнскую заповедь-наказ Николай Михайлович Тихомиров исполнял строго. Встретил молодую девушку. Нравы в России изменились не очень: дворянин мог жениться на крестьянке лишь в исключительных случаях, по личному разрешению самого царя. Однако характер у Николая Тихомирова был в мать и он не стал он ждать высокого соизволения, сложился с отцом невесты по 50 целковых, заплатили священнику, и венчание состоялось. На этот счет имеется подтверждающий документ.

«Выписка из метрик Симбирской епархии Сызранского уезда села Городище-Костычей. Вознесенская церковь.

Девица Марья Ананьевна, дочь крестьянина Черкасского округа Донской области Анания Родионова, православного вероисповедания. Лета невесты — 21.

Титулярный советник Инженер Путей Сообщения Николай Михайлович Тихомиров, православного вероисповедания, первым браком. Лета жениха — 36».

Царское «благословение» пришло спустя три месяца.

■ Н.М. Тихомиров в кругу родных и близких

Каждое поколение оставляет потомкам свои великие дела. Одним из таких величайших дел в XIX веке явилось в России строительство Транссибирской магистрали.

Весной 1891 г. состоялась торжественная церемония закладки Великой Сибирской железнодорожной магистрали. Рельсы прокладывали одновременно навстречу друг другу сразу из двух городов — Челябинска и Владивостока. Понятно, что проведение железной дороги через всю Сибирь требовало от страны колоссальных средств и сил. Стройка века предусматривала укладку 7 тысяч км рельсов. Протяженность одних только мостов составляла по расчетам 10 верст.

По масштабу работ это строительство сопоставимо лишь с такими достижениями человеческой цивилизации, как проведение трансконтинентальных магистралей Северной Америки или строительство Суэцкого и Панамского судоходных каналов. Что касается средств, то Россия — одна из богатейших мировых держав — могла себе позволить такое строительство.

Что касается сил, то на стройку века были брошены самые передовые инженерно-технические силы, уже прославившие себя рядом строительств в европейской России. Это — К. Я. Михайловский (не путать с Н. Г. Гариным-Михайловским, которого в официальных бумагах именовали «Михайловский-второй»), А. Пушечников, А. Н. Урсати, О. П. Вяземский и ряд других. Существовал Кабинет по строительству железнодорожной трассы (кстати, курировал стройку и возглавлял Кабинет сам наследник престола, будущий император

■ Н.Г. Гарин-Михайловский; на фото внизу — Н.А. Белелюбский

Николай Александрович). Нас же больше интересует конкретный участок железнодорожного строительства «Челябинск — Обь». В его проектировании принимал участие, например, Николай Георгиевич Михайловский (Гарин — его литературный псевдоним, под которым он публиковал свои художественные произведения). Автор этих строк бывал в архивах Санкт-Петербурга, смотрел дело Гарина-Михайловского. Там имеется карта, на которой обозначен мостовой переход у села Большое Кривошеково. Есть и подпись — «Г-н Михайловский».

НАЧАЛЬНИК
ПО ПОСТРОЙКЕ
ЕДНЕ-СИБИРСКОЙ
ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

От Господину
на, князя Хвильова
считающего себя
По вполномочию
работы по проектированию
стационарных железных
платформенных вагонов, для
ратификации Высочайшему, во
ручии, благодаря своим личным
отъезду в Швейцарию, отлучившись
и вкратце и под руководством
"О тановании некая унаша
отны и благоволении к
бывшего пути, лично
согласованиями по
делами моему
познанию, по
координации
ко Монарху
Катавских работ
Ильясом Мей...

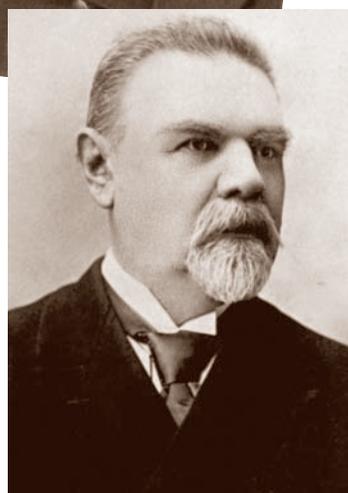
Упомянем автора проекта железнодорожного моста через Обь, кстати, проекта уникальнейшего, с так называемым консольным соединением ферм — Н. А. Белелюбского. Были и другие строители, основатели будущего города. Восемь пролетов моста проложил над Обью «контр-агент Г.М. Будагов». Он же открыл первую школу, избу-читальню, в которой по вечерам начал работать народный театр.

Следует упомянуть и Н. П. Меженинова. Заслуги перед нарождавшимся городом у него тоже немалые. Не случайно благодарные жители Ново-Николаевска в честь «отцов города» Будагова и Меженинова назвали улицы. Они существуют и по сей день, только зачем-то переименованы: Будаговская — в Большевикскую, а Межениновская — в Челюскинцев.

Внес свой солидный вклад в дело основания города и Н.М. Тихомиров.

Что же за человек был инженер-путеец, дворянин Тихомиров, каким он был?

Вот как описывал Николай Михайлович своей жене Марье Ананьевне один из эпизодов своей работы еще до переезда в Сибирь.

■ Г.М. Будагов (верхний снимок);
Н.П. Меженинов; на фото
внизу — группа прибывших в
Новониколаевск инженеров

■ Фрагмент панорамы П.Я. Пясецкого «Великий Сибирский путь»

В 1884 году нам с партией изыскателей потребовалось преодолевать болото. А холодно уже, октябрь месяц. Рабочие отказались, говорят мне: «Иди, Михалыч, если хочешь, сам. А мы поглядим-подумаем». Ну что же, пришлось идти пускать пузыри. Рабочим куда деваться — пошли следом. Мокрые все, озябли. Пока до стана добрались, промерзли насквозь. Спаслись тем, что натерли тела имевшимся в наличии коньяком. Тепло стало, хорошо.

Казалось бы, простой эпизод, подумаешь — болото вброд перешел. Но именно в таких эпизодах раскрывается человек. Все же начальник изыскательской партии, дворянин, а с простыми работягами никакой субординации. Не

хотите рисковать, боитесь — ладно, пойду сам, первым. Есть дело, по большому счету — долг перед Россией-матушкой. Именно так и зарабатывается неформальный авторитет.

Что характерно, нередко Николай Михайлович брал с собой на работу и жену. Запомнила она, как на постройке моста через Кыштымские пруды обустроивали котлован и как это непросто вручную 25-пудовой «бабой» забивать рабочим сваи. Кстати сказать, за работу в Петропавловске и за успешное строительство моста через реку Кыштым Екатеринбург-Челябинской соединительной ветки, «за усердно-отличную службу» Тихомиров награжден орденом Святого Станислава 3 степени. Опыт в строительстве моста ему очень даже пригодится. Вскоре он получает новое назначение — начальником строительства 9 участка железной дороги Каргат — станция Кривощцеково. В августе 1896 г. поселяется в

■ *Возводятся опоры моста через Обь*

Ново-Николаевске, тогда небольшом поселке на правом берегу Оби, а затем вызывает и семью. Начнется последний и самый главный период его жизни и деятельности.

*М*ихомировы поселились в доме на берегу реки Обь (ныне территория ТЭЦ-1).

После того, как Будагов завершил главный этап строительства (то есть проложил над Обью восемь пролетов моста), были назначены другие люди,

■ *Отсыпка железнодорожной насыпи возле Кривощекова*

и дело пошло ни шатко, ни валко. В этой связи кое-что проясняют чудом сохранившиеся воспоминания жены Тихомирова, Марьи Ананьевны:

«При строительстве железнодорожного моста через Обь были значительные злоупотребления и недоделки. Мужу пришлось выехать в поселок на Оби, принять работу и заканчивать строительство — возводить последний 9-й пролет».

Становится ясно — на строительстве моста началось воровство государственных средств, и потребовался честный и квалифицированный руководитель. Тогда и был назначен начальником 9 участка Тихомиров.

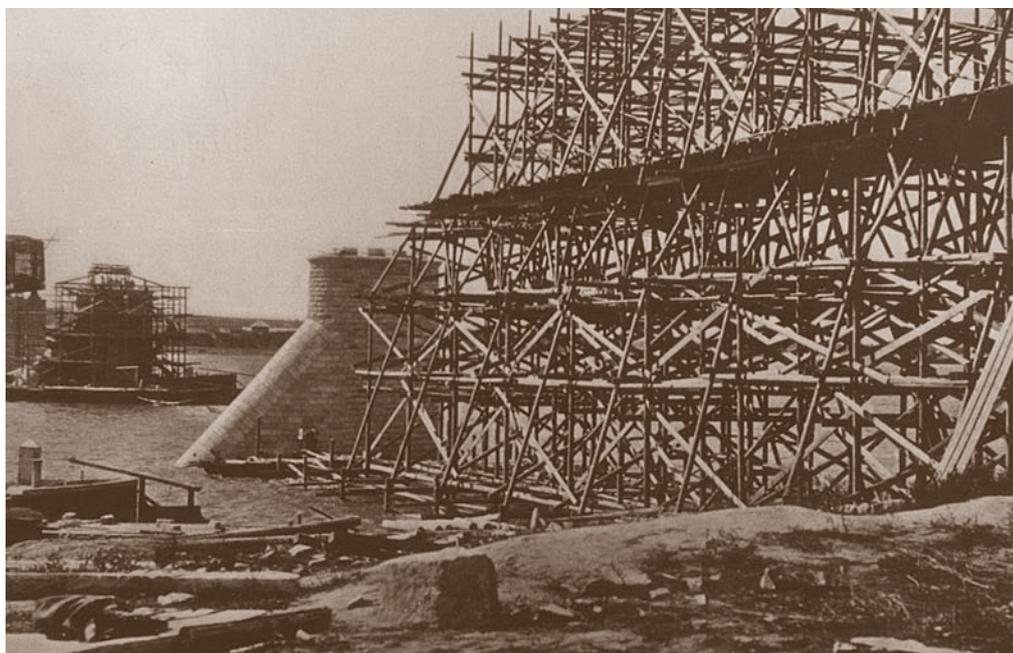
«В свое время, — пишет Марья Ананьевна, — сокурсник и друг Николая Михайловича по столичному институту инженеров путей сообщения Михайловский (имеется в виду Гарин-Михайловский — авт.), сделав заявку на изыскания, лично приезжал в район будущего строительства моста и интересовался у местных жителей (сёла Большое Кривощеково и Кривощеково — авт.), из каких материалов они строят фундаменты своих домов. Залежи камня, шедшего на фундамент, располагались поблизости. Однако недобросовестные люди во время строительства моста пытались нагреть руки. Так, Самуил Полняков, захватив сдачу железнодорожной насыпи, устроил торги и начал использовать не местные дешевые материалы, а предлагал привозные дорогостоящие стройматериалы. При этом брал взятки и всячески затягивал строительство.

Николай Михайлович в свою контору подобрал людей честных и работников старательных. Помню, заболел у него счетовод Сосульников, и муж мой с большим огорчением говорит: «Кем же я его теперь заменю? Из работников 10 участка я никого и на пушечный выстрел не подпущу. Там достаточно воров. Об этом говорит и случай с выемкой снега, у них по документам показано в 10 раз больше, чем сделано на самом деле»».

На достройке моста через Обь у Николая Михайловича была очень напряженная работа. Несколько месяцев он спал по два-три часа в сутки.

■ Торжество по случаю начала работы у моста. Со второй тачкой грунта — инженер Тихомиров

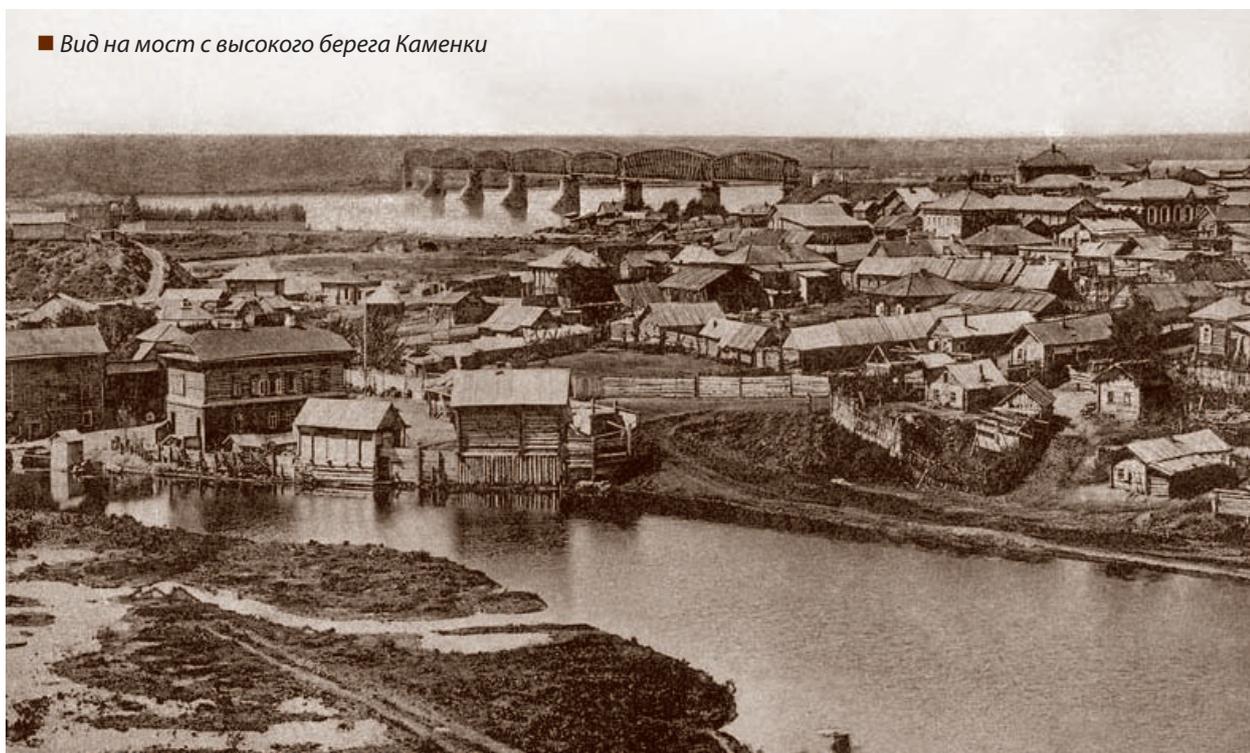
■ Так велось строительство моста (снимок 1894–95 гг.)

На вопросы жены — когда же будешь отдыхать? — Николай Михайлович отвечал так: «Вот организую все, налажу контору и кадры, покатится правильное движение, тогда и буду лежать и плевать в потолок».

Лукавил, конечно, Николай Михайлович, не хотел удручать молодую жену. Теперь-то мы уже знаем — не тот это был человек, чтобы мог лежать и поплевывать в потолок. А спал по два-три часа в день потому, что предшественники затянули строительство моста по срокам, а ему приходилось исправлять недоделки, наверстывать упущенное и входить в установленный график работ.

Успешное испытание моста прошло зимой 1896 года. По полотну прошло четыре

■ Вид на мост с высокого берега Каменки

■ *Испытание моста*

сцепленных паровоза-«кукушки». На них проехали принимавшее мост начальство, строители, среди них, конечно, и Тихомиров.

Итак, о первом шаге инженера Тихомирова в Ново-Николаевске уже сказано — достроил и сдал мост через Обь. Но за что современники называют человека первостроителем, основателем, одним из «отцов города»? Конечно, за его вклад в общественную жизнь. Город был узловым, на пересечении судоходной реки и железнодорожной трассы. И кого только сюда ни заносило: беглые каторжники, революционеры, «лихие» люди, подданные приграничных государств и

■ *Одна из ближайших к Новониколаевску железнодорожных станций*

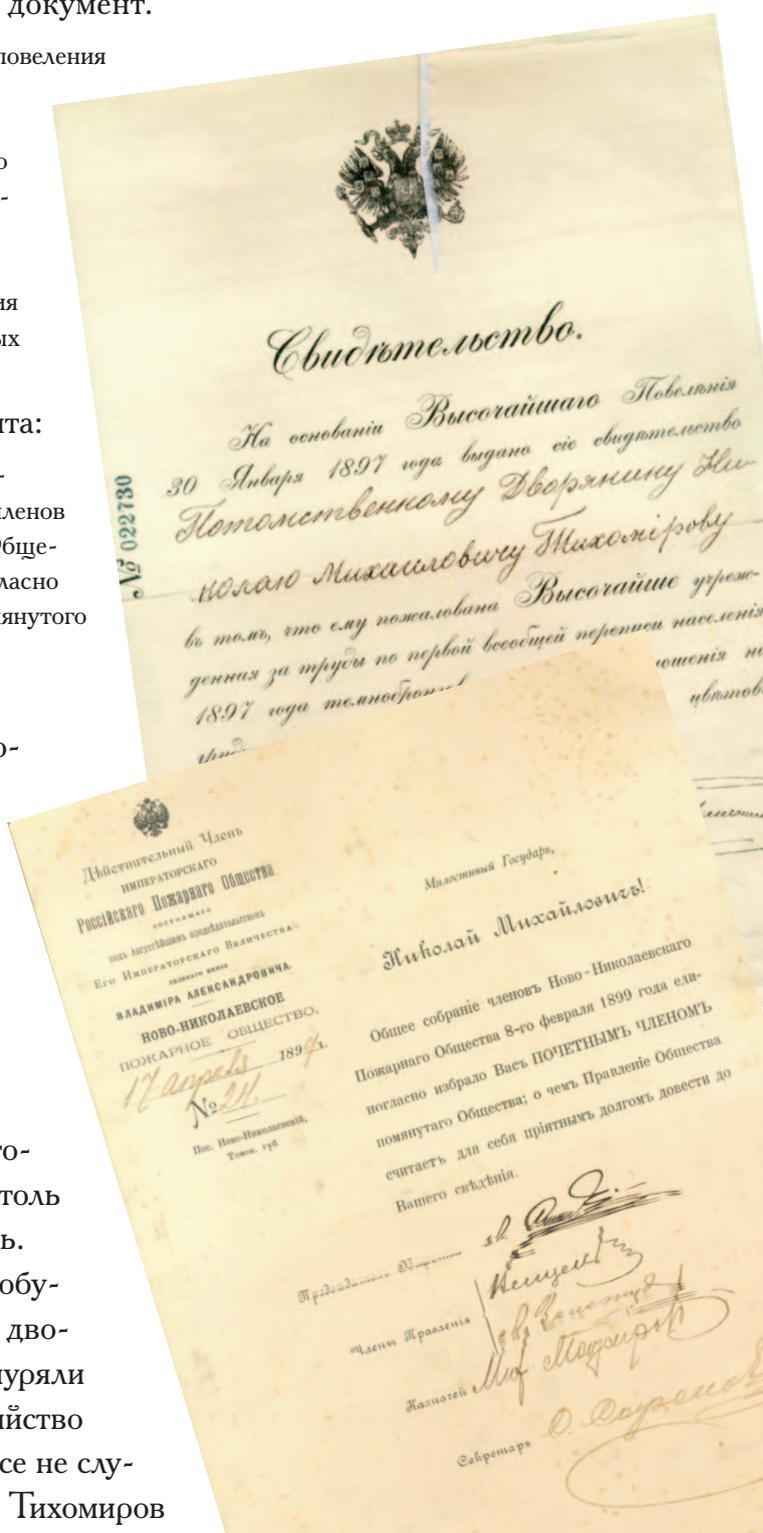
т.д. и т.п. В городе хватало всевозможных шантанов, публичных домов, прочих увеселительных заведений, где гуляли офицеры и купцы, а обслуживали их молоденькие девицы из «заморских» стран, с характерной южной внешностью и не умеющие разговаривать по-русски. В городе случались не только пьяные драки, но и убийства, и ночные грабежи. Но одно дело — сетовать на беспорядок, совсем другое — изменять жизнь к лучшему, участвуя в самых обыденных делах, например, в переписи населения. Об этом есть следующий документ.

На основании Высочайшего повеления выдано сие свидетельство Потомственному дворянину Николаю Михайловичу Тихомирову в том, что ему пожалована Высочайшие учреждения за труды по первой всеобщей переписи населения в 1897 году — темно-бронзовая медаль для ношения на груди, на ленте из государственных цветов.

Выписка из другого документа:

Милостивый Государь, Николай Михайлович, Общее собрание членов Ново-Николаевского Пожарного Общества 8-го февраля 1899 года единогласно избрало Вас Почетным Членом помянутого Общества...

Что за этими скупыми благодарственными строчками? Ново-Николаевск конца XIX и первых десятилетий XX века по преимуществу — город деревянный. Пошел нетрезвый неосторожный хозяин на сеновал, не поберегся со свечой — и пошло полыхать сено, под ветром надворные постройки, соседние дома. Улицы, целые кварталы выгорали. Некоторые пожары были столь сильны, что люди в реке спасались. Гибло много скота. Почерневшие обуглившиеся туши выволакивали из дворов прямо на улицы. Пожары изнуряли деревянный город. Городское хозяйство несло миллионные убытки. И вовсе не случайно начальник 9 участка Н. М. Тихомиров

хранил городской пожарный обоз на своей территории. Горожане этот важный участок так и называли — «ограда Тихомирова». Встал очевидный вопрос о создании Добровольного Пожарного Общества. И Николай Михайлович принял в его организации непосредственное участие. Кирпичная пожарка была выстроена в виде корабля с капитанской будкой и высоченной трубой-каланчой, на которой крупными буквами вывели девиз: «Один за всех, и все за одного!»

В летнее светлое время, в зависимости от того, в каком районе горит (Железнодорожном, Центральном или Закаменском), на каланче вывешивались один, два или три больших красных шара. В ночное или зимнее время использовались фонари с красным стеклом. Жители всегда спешили на помощь пожарникам. «Красного петуха» унимали сообща. Жила в городе традиция: «Один за всех, и все за одного!»

Не потерять бы за сухим перечислением общественных деяний дворянина Тихомирова лицо Николая Михайловича, душу его живую. Но как это сделать, как прорваться сквозь железный вековой занавес времени? Мы помним, как он первым рискнул идти при изысканиях через болото, мы уже знаем, чего стоило ему закончить и сдать мост через Обь, понимаем, сколько потребовалось честности и труда русскому человеку, можно понять, что значили для него честь дворянина и долг перед Отечеством. К счастью, сохранилось поразительное воспоминание одного из сослуживцев

■ Здание Добровольного пожарного общества. Надпись на смотровой вышке: «Один за всех и все за одного»

о Тихомирове: «Когда он шел по коридору нашей конторы, мы знали, что это идет Николай Михайлович. Мы даже шаги его уважали!»

Как это так можно — шаги уважать? Да что же это за человек такой был?! Вот, был...

Пытаясь доказать право человека называться основателем города, можно ведь поставить вопрос и шире. А чем вообще отличается великий человек от нас, простых смертных? Почему в свое время стал известен Тихомиров? Он, так же как и любой другой горожанин, лишний раз не отказывался от рюмки, имел семью, хватало личных проблем и драм: умер грудным первый сын, умерла от дифтерита (тогда эту болезнь не лечили) 10-летняя дочь Таня. Но в том-то и отличие известного многим, что, проживая свою обычную, как у других, личную жизнь, он сумел сделать нечто такое, что было нужно не только ему, а и другим, в данном случае горожанам, потомкам, городу. И великие мира сего, так же проживая свои личные жизни, сумели прожить их не только для себя, но и для других, сумели оставить после себя те или иные дела, важные и необходимые уже для всей страны, или свершения, значимые для целого мира, для всего человечества.

И Тихомиров готовился, был готов к главному шагу в своей жизни.

■ По Транссибу пошли поезда

Обратимся снова к воспоминаниям жены Тихомирова, Марьи Ананьевны:

«Муж мой — натура горячая, творческая. Не успел закончить мост через Обь, с большим вдохновением взялся возводить по приказу Министерства путей сообщения собор в честь Александра Невского. Когда брал меня с собой на разные этапы строительства, я просто любовалась им. Устроил хоры для певчих, алтарь. Бегает по всему зданию, кричит: «А здесь как слышно, а здесь?!»

Акустику проверял. Вот ведь что значит — на совесть работать. Не просто руководить и перстом указывать, а именно бегать, самому...

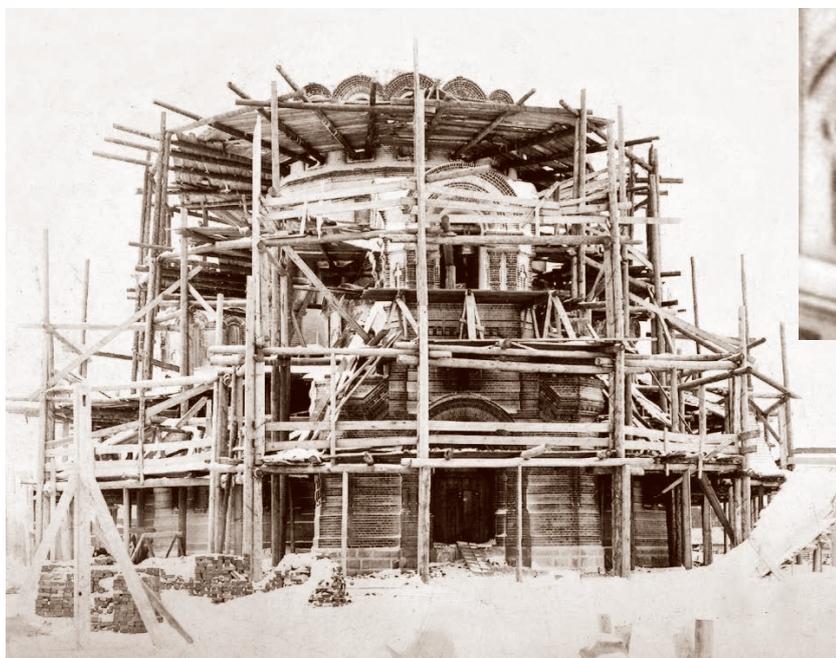
«Николай Михайлович не раз говорил мне: “Ты долго будешь жить. Исаакиевский всегда в лесах стоит, а здесь, запомни, ни одной трещинки не будет”. Я даже заплакала, говорю: “Что же ты. Мы недавно поженились, жить начали...” Он отвечал с какой-то горькой усмешкой: “Не плачь, тебя не бросят, за мной 15 лет полезной работы...”»

Вот, значит, как оценивал свой труд, без излишней героики и пафоса, просто называл свой труд полезным.

Кстати сказать, слова Николая Михайловича оказались пророческими. Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге действительно и сегодня стоит в строительных лесах. Дело в том, что грунт в городе Петра болотистый и массивное каменное сооружение медленно проседает, от этого появляются трещины. С Александровским храмом в Ново-Николаевске другая история. Еще и сегодня можно видеть, что храм выстроен на взгорье. Раньше это было еще более заметно. Сегодня трудно сказать, кто и почему

■ Вид на центральную часть Новониколаевска из Закаменки

■ *Собор Александра Невского в лесах; на верхнем снимке — одно из украшений храма; по семейной легенде, моделью для изображения ангела послужил племянник Николая Михайловича — Миша, сын архитектора Павла Тихомирова*

выбрал это благостное место. Вероятно, эта информация утеряна навсегда. Но зато известно другое (то, что, конечно же, знал Тихомиров, говоря жене о прочности культового здания), а именно — храм выстроен буквально на основании разрушившейся скалы, на скальном грунте. Трудно сказать, откуда в лесу (во время строительства не только храм, но и большая часть всего города утопали в сосновом бору) скальные образования, вероятно, несколько веков назад место, где выстроен храм, могло быть каменным берегом Оби. Пророческими оказались слова Тихомирова и еще в одном аспекте, хотя ему, наверное, и в самом кошмарном вещем сне вряд ли могло привидеться то, что произойдет в будущем. А произошло то, что спустя несколько десятилетий «благодарные» потомки решат храм, народное достояние, уничтожить. Как? А очень просто — взорвать.

Несколько раз под храм закладывалась взрывчатка, и несколько раз его взрывали. Подвалы, конечно, изуродовали, а храм — ни трещинки. Все же был искус заложить взрывчатки столько, чтобы все — вверх тормашками. Но передумали, ибо тогда был бы причинен значительный ущерб располагавшимся поблизости административным зданиям, тому же Запсибкрайисполкому и другим. Проще было крупнейшее культовое здание города закрыть и использовать затем не по назначению, а по собственному усмотрению.

Почему храм правомочно называть народным достоянием? Да, его строили простые рабочие, наши деды и прадеды, отпечатки их талантливых рук можно обнаружить на швах кирпичной кладки. Но народным храм стал и по другой причине.

Еще молодым престолонаследником будущий царь Николай Второй, посещая Сибирь, неприятно поразился скудностью как народного

образования, так и религиозно-нравственного воспитания. В этой связи, в частности, в Ново-Николаевск на строительство храма была направлена из царской казны определенная сумма. Но денег не хватило, и тогда горожане создали фонд. Возглавлял организацию фонда известный городской деятель, бывший колыванский купец, начальник строительства Средне-Сибирского участка железной дороги Н. П. Меженинов. Деньги на строительство храма вносили и богатые, и бедные, знатные и простые работники железной дороги. Так что храм достраивался на народные деньги. Еще и поэтому понятно, как дорог он был горожанам и как уважаем был тот, кто руководил строительством.

Еще один эпизод из того времени, из жизни Тихомирова. Об этом тоже есть в воспоминаниях его жены:

«Когда строился собор, то на каждый этап строительства (возведение этажей, установку крыши, даже их покраску и т. д.) полагалось приглашать священника, отца Макария из Томска. (Ново-Николаевск был городом Томской губернии — *авт.*) А отец Макарий, в свою очередь, мог приезжать на освящение только с хором. Всех этих людей требовалось содержать, всем им нужно было оплачивать дорогу сюда и обратно. Тихомиров подсчитал,

■ Николай Михайлович с женой, детьми и коллегой во дворе дома Тихомировых

что только один подобный приезд стоил бы не менее 500 рублей и значительно бы отодвигал срок сдачи объекта. И Тихомиров батюшку каждый раз не звал».

Конечно, после окончания строительства Тихомиров обязательно пригласит отца Макария, все будет освящено, как положено. Но отец Макарий принародно выскажет Тихомирову свои претензии. Будет ждать, что руководитель строительства признает вину и поцелует руку. Но Тихомиров этого не сделает и пояснит жене: «Должен знать отец Макарий, на какие, на чьи деньги строился храм. Выговорил мне принародно, думал стану я ему руку целовать. А я не стал».

Едва ли тут уместно говорить о некоем непримиримом споре честного инженера с батюшкой. Для нас важнее еще раз отметить, что Тихомиров был человеком с характером, в мать, к тому же кристально честным. Ну а то, что он был глубоко верующим, сомнений не вызывает. Иначе он не взялся бы с такой любовью, как писала Марья Ананьевна «с большим вдохновением», строить храм. Скорее из конфликта со священником для нас другое проясняется: торопился, очень торопился Николай Михайлович, буквально сжигал

себя на работе. Может, предчувствовал свой скорый уход и не хотел никому другому отдавать главное дело своей жизни.

Итак, постройка храма успешно завершена. Освящение собора состоялось 29 декабря 1899 года. Пришла и награда.

«Божию Милостию, МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ, император и самодержец Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Надворному Советнику, состоящему штатным по Министерству путей сообщения инженером 7-го класса, Начальнику участка службы пути Сибирской железной дороги, Инженеру Путей Сообщения, Николаю Тихомирову.

По засвидетельствованию Министерства путей сообщения об отлично-усердной службе и особых трудах ваших Всемилостивейше пожаловали Мы Вас, Указом, в 9-й день Апреля 1900 года капитулу данным Кавалером Императорского Ордена Нашего Святых Анны третьей степени.

Грамоту сию и свидетельство подписать, орденою печатью укрепить и знаки Орденские препроводить к Вам Повелели Мы Капитулу Российских Императорских Царских Орденов.

Дана в Санкт-Петербурге в день июня 1900 года».

Смерть застигла Николая Михайловича внезапно. 24 октября 1900 года его не стало — кровоизлияние в мозг.

В фонде Тихомирова есть фотография. Большой ладный деревянный дом, где он жил, обширный двор, огороженный палисадником, стоят подводы с лошадьми, и много людей — в доме, на крыльце, за оградой. Можно только представить, кто и сколько пришли проводить Николая Михайловича в последний путь. Судя по фото, похоронная процессия уже началась. По

■ Похороны Тихомирова

дороге от дома идут люди, развиваются хоругви, впереди всех трое несут большой разлапистый надгробный крест. Процессия движется к храму Александра Невского — недалеко идти и недолго. По пути к процессии присоединяются все новые и новые люди. Панихидный звон колокола слышен во всей округе. Храм, где идет отпевание покойного, переполнен. А к церковной ограде идут и идут люди. От храма до кладбища, расположенного поблизости, рукой подать. Но могила и склеп не там, а в рожице, рядом с восточной стеной каменной церкви. Так, в церковной ограде, по русской традиции испокон веку положено хоронить основателя, того, кто построил церковь, храм или монастырь.

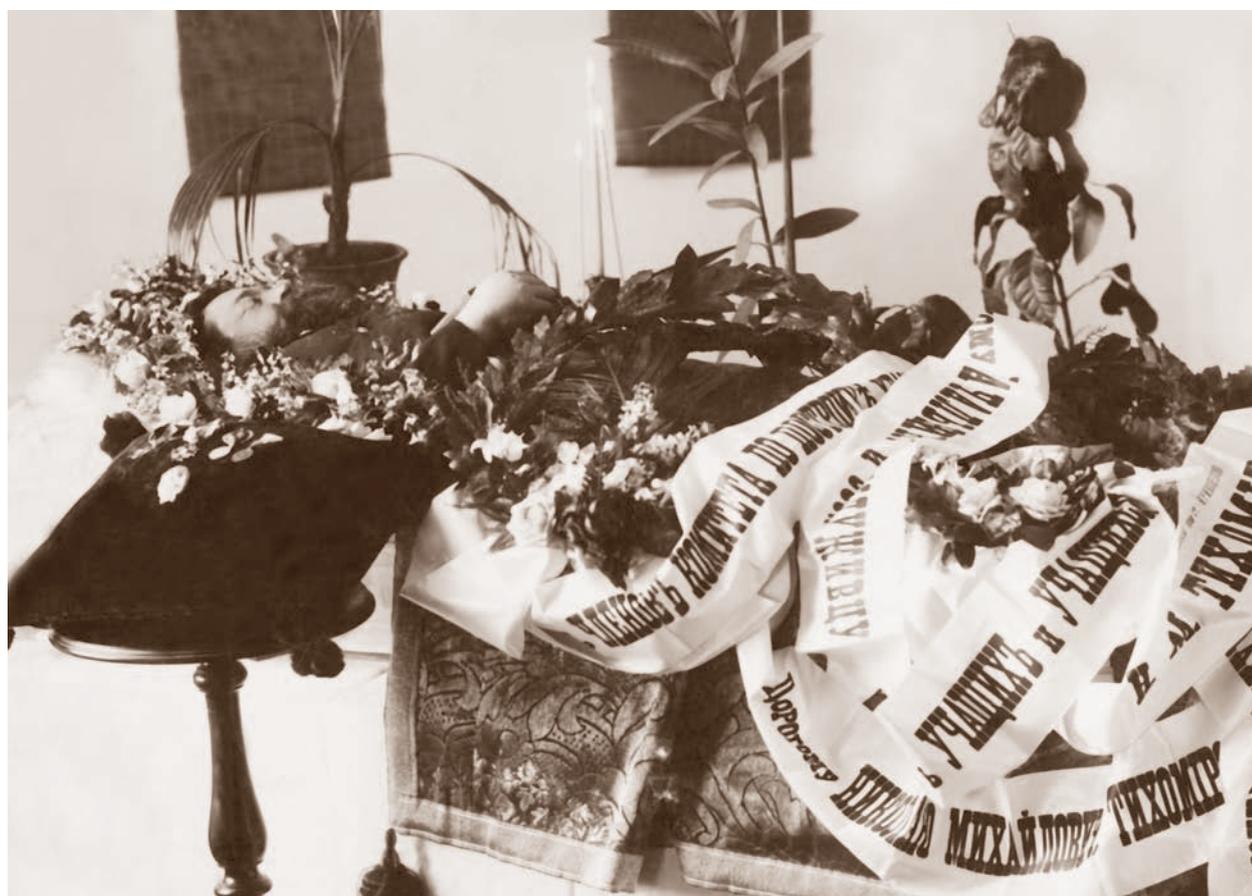
Опущен гроб, установлен деревянный крест, на могильном холмике сняты фотографом оставшиеся без отца дети Николая Михайловича.

Похоронен там, где спустя 71 год будет случайно обнаружен.

Прав был Тихомиров, когда говорил жене: «Не плачь, тебя не бросят. За мной 15 лет полезной работы». Такие уж порядки были в России, такие морально-нравственные устои — если честно трудился, государство семью не бросит. Управление железной дороги и

■ На могиле Тихомирова в ограде храма

друзья поставили семье Тихомировых новый добротный дом на ул. Барнаульской, 17. Вдове Марье Ананьевне подыскивали подходящую работу и устроили кассиром на железнодорожный вокзал Обь. Детям из кассы взаимопомощи назначили пенсионное довольствие. Посодействовал семье сокурсник по институту путей сообщения и давний друг Тихомирова — Гарин-Михайловский, который принял участие в судьбе старшей дочери Николая Михайловича — Ольги. Она поступила и блестяще окончила столичный Ксенинский институт благородных девиц.

Сын Тихомирова Александр поступил в Ново-Николаевское реальное училище, затем стал студентом Томского политеха. Не мог Николай Михайлович предвидеть другого — что грянут в России другие ветры. Начнутся репрессии, уйдут на второй план честь, достоинство и прочие бывшие морально-нравственные ценности. На многие десятилетия в страну придет мода забывать старое.

Трагичной окажется судьба его сына Александра Николаевича. Известно, что он учился в Томском политехническом институте, там и жил, оттуда и был призван на фронт первой мировой войны. Успел похвастаться и за царя и отечество, затем воевал сначала на стороне белых, потом на стороне красных. Вернулся с гражданской войны опять в Томск и сразу попал в

1924 г. под так называемую чистку совучреждений. Многих тогда арестовали и расстреляли. Тихомиров-младший уцелел, — вероятно, сыграл роль и тот факт, что в бытность командиром роты получил за доблесть от вышестоящего красного начальства серебряный портсигар. О Тихомирове очень хорошо отзывались его бойцы. Трудно сейчас сказать, бывал ли Александр Николаевич на могиле отца в Ново-Николаевске, а если бывал, то как часто. Недолго прожил сын Николая Михайловича, сказалась нажитая на фронтах язва. Оперировал Тихомирова-младшего известный профессор Мыш, но, увы, исход оказался летальным. В возрасте 30 лет Александр Николаевич умер. Осталась жена и сын Миша. Внука Николая Михайловича называли не в честь деда Николаем, а в честь

■ Мария Ананьевна с детьми

прадеда — крепостного артиста Михаила Тихомирова. Жена Александра Николаевича была еще достаточно молода и вышла замуж за питерского рабочего Широкова. Михаил принял фамилию отчима. Прошел Великую Отечественную, учился в военной академии, дослужился до генеральских погон. Вряд ли он афишировал свое дворянское происхождение, иначе в продвижении по службе могли бы появиться проблемы.

Ну, а что же Марья Ананьевна, жена Тихомирова, и последняя оставшаяся в живых дочь Тихомирова Ольга Николаевна?

Две женщины, жена и дочь Тихомирова, жили в большом доме, который нужно было ремонтировать, поддерживать, зимой отапливать и т. д., одним словом, содержать. Однако жене дворянина советская власть в пенсии отказала. Жили на скромную зарплату, а затем на мизерную пенсию дочери Тихомирова, Ольги Николаевны. Она преподавала в мужской 42-й школе Железнодорожного района немецкий язык. Преподавала, кстати, блестяще, не раз получала за работу благодарственные грамоты.

В последние годы жизни Марья Ананьевна ослепла, и даже тогда пенсии ей так и не дали.

Глядя из сегодняшнего дня, не перестаешь поражаться нравственной твердости и моральной стойкости настоящей русской интеллигенции. Как жили мать и дочь Тихомировы, каково им приходилось — понятно. А между тем дом их — полная копилка. Например, изящное трюмо, которое в свое время Гарин-Михайловский подарил своему другу Тихомирову. А что если предложить его кому-либо на продажу? С руками и ногами оторвут. И на пропитание деньги появятся. Но как же можно?! Это же подарок одного знаменитого человека другому, историческая реликвия. Ну, а если предложить интеллектуалам дефицитнейшее полное собрание многотомного словаря Брокгауза и Эфрона? Пожалуй, на вырученные деньги не один месяц более-менее безбедно существовать можно, или хотя бы закупить уголь на зиму. Но ведь словарь из библиотеки самого Николая Михайловича! А фортепиано, купленное некогда Тихомировым у заезжих музыкантов, — тоже семейная реликвия, которую нужно оберегать и сберечь. Что уж там говорить о дорогостоящем настольном письменном приборе, серебряных часах, богатейшей коллекции фотоальбомов по истории строительства Транссибирской магистрали. И о массе других предметов старины, дорогих и не очень, вернее сказать, очень дорогих, бесценных.

Марья Ананьевна Тихомирова умерла в 1961 г. в возрасте 90 лет.

■ Ольга Тихомирова во время учебы в Петербурге

Спустя три года, 1 сентября 1964 г., скончалась заслуженная учительница Ольга Николаевна Тихомирова.

Возвратимся в 1971 год. Сотрудники краеведческого музея, куда, как мы уже писали, был доставлен гроб с останками Н.М. Тихомирова, решились, без преувеличения, на поступок. Во властные структуры, а именно — секретарю Новосибирского обкома КПСС Алферову М.С., зам. пред. облисполкома Глушкову Ф. Ф., зам. пред. горисполкома Овчинникову П. П. — отправилось письмо следующего содержания:

«Новосибирский областной краеведческий музей просит рассмотреть наше предложение о захоронении у набережной реки Оби, в районе железнодорожного моста или сквера, на месте засыпанной речки Каменки (район основания г. Новосибирска) останков Тихомирова Николая Михайловича, обнаруженных при строительных работах около церкви Александра Невского.

Н. М. Тихомиров — инженер-строитель, начальник 9 участка железной дороги... Учитывая заслуги Н. М. Тихомирова в деле строительства Новосибирска, предлагаем поставить на его могиле обелиск. Этот памятник на могиле Н. М. Тихомирова будет данью благодарности новосибирцев не только ему, но и всем тем, кто положил начало Новосибирску».

18 августа 1971 года на письмо-предложение сотрудников краеведческого музея последовало решение Новосибирского городского Совета депутатов трудящихся.

«На пути сооружения кабельных линий в Центральном районе оказался склеп, в котором находился гроб с останками Н. М. Тихомирова — инженера, руководившего строительством последнего пролета ж/д моста через р. Обь.

Исполком городского Совета депутатов трудящихся

Решил:

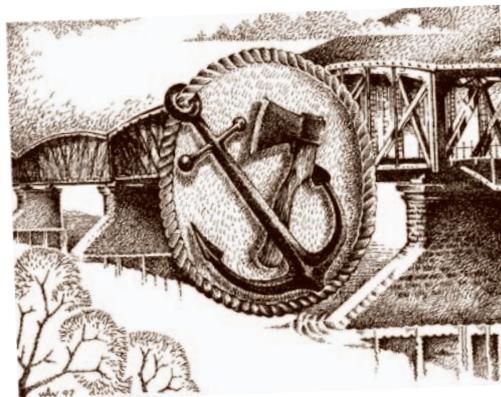
1. Обязать управление коммунальных предприятий перенести останки Н. М. Тихомирова на Заельцовское кладбище...»

Иными словами, захоронить, так сказать, на общих основаниях. Следует отметить, что все подробно перечисленные заслуги Тихомирова перед городом, которые сотрудники музея подтвердили документами, власти нивелировали очень просто — инженер, построивший пролет моста. И все. При таком раскладе никаких там обелисков и памятников. Не случайно нет в решении и упоминания о храме. Здание использовалось тогда студией кинохроники, и будоражить общественное мнение констатацией факта обнаружения останков дворянина, строителя храма Александра Невского, в задачу властей не входило...

Анатолий БРАТ

Но историческая память возвращается к нам. И тому свидетельство — программа «Белый тополь». 16 ноября 2010 года в Новосибирске произошло долгожданное событие. На могиле Николая Михайловича Тихомирова, расположенной на Заельцовском кладбище, торжественно был открыт мемориальный комплекс. Это было не просто мероприятие, это был благодарный и покаянный поклон новосибирцев одному из отцов-основателей нашего города. Восстановление справедливости и надежда на будущее. У тех, кто помнит прошлое, всегда есть надежда на будущее.

...И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;
И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

Василий ЖУКОВСКИЙ

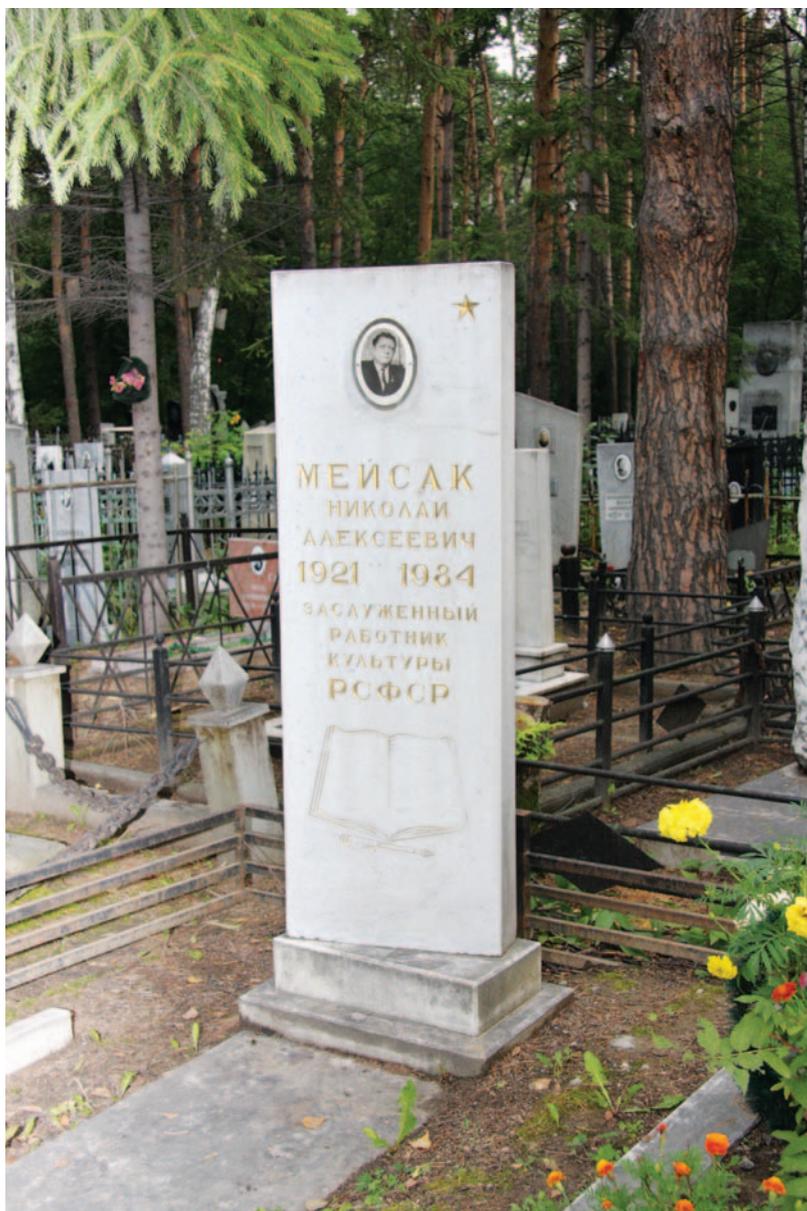

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

МЕЙСАК Николай Алексеевич

(1921–1984) —
прозаик, публицист,
Заслуженный
работник культуры
РСФСР

Родился в Новосибирске в семье железнодорожника. Сразу после школы был призван в армию. Служил связистом в Монголии. Осенью 1941 г. его полк был переброшен под Москву. Здесь, у деревни Копань на Можайском шоссе Н. Мейсак принял боевое крещение и совершил подвиг. Обеспечивая связь своей части, он после ее спешного отступления остался во вражеском тылу один. Н. Мейсак принял неравный бой, а потом подорвал в блиндаже себя и немцев гранатами. Лишившись обеих ног и пролежав в одиночестве несколько суток, пока его не обнаружили местные жители, он чудом остался жив. Потом будут госпитали, несколько операций, долгое мучительное выздоровление — уже в Новосибирске.

Став инвалидом, Н. Мейсак не сдался. Научился ходить на протезах, фактически повторив судьбу летчика Маресьева, окончил Новосибирский педагогический институт, занялся журналистикой.

Писать Н. Мейсак начал еще в госпитале. Публиковался в местных газетах, принимал активное

участие в популярной радиопередаче «Огонь по врагу». Выступал с очерками в журнале «Сибирские огни». Там же была опубликована в 1943 г. его автобиографическая повесть «62 дня», в которой он отразил перипетии своей военной судьбы. В 1954 г. в Новосибирске вышла первая книга Н. Мейсака — очерки «Свет на полях». Автор книг «Сибирь — край большого будущего» (1961), «Три открытия Сибири» (1970), «Поговорим о жизни. Злободневная публицистика» (1986). Книги Н. Мейсака выходили на английском, французском, испанском, арабском, японском языках.

Самой известной книгой Н. Мейсака стал сборник очерков «Сколько у нас Маресьевых?» (1962). Она неоднократно переиздавалась, а в 1977 г. была отмечена премией им. Н. Островского. Многие тысячи благодарных читательских откликов пришли на эту книгу. Писал Н. Мейсак также о сибирских ученых, строителях городов и заводов Сибири, выступал как острозлободневный публицист.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

ЛЫЩИНСКИЙ

Георгий

Павлович

(1922–1995) —
ученый, первый
ректор
Новосибирского
электротехниче-
ского института
(ныне НГТУ),
Почетный житель
Новосибирска

Кончив Московский энергетический институт, в 1955 г. в первой «волне» молодых ученых приехал в Новосибирск для работы в только что открывшемся электротехническом институте. В мае 1955 г. кандидат технических наук доцент Г.П. Лыщинский возглавил НЭТИ, став его первым ректором, и занимал эту должность до 1990 г.

Под его руководством развернулось строительство вуза: возводились учебные корпуса и общежития, создавались отделы и подразделения культурного, оздоровительного и спортивного назначения. В 1964 г. в НЭТИ был создан первый вычислительный центр на базе действующей вычислительной лаборатории ЭВМ «Минск-1». В 1968 г. в стенах института появилось собственное телевидение.

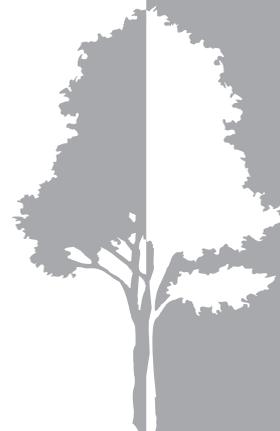
В эти же годы складывался научно-педагогический коллектив, закладывались традиции института. Под руководством Г.П. Лыщинского началось тесное сотрудничество НЭТИ с институтами СО РАН СССР — на базе институтов Ядерной физики и

Физики полупроводников СО РАН СССР в НЭТИ был создан физико-технический факультет.

С именем Г. П. Лыщинского связана и разработка новых направлений в организации учебного процесса: впервые в стране в техническом вузе был создан гуманитарный факультет, открыты кафедры педагогики и психологии. Кроме того, в стенах института появились академический хор, эстрадный оркестр, ансамбль скрипачей, стали традиционными дни поэзии.

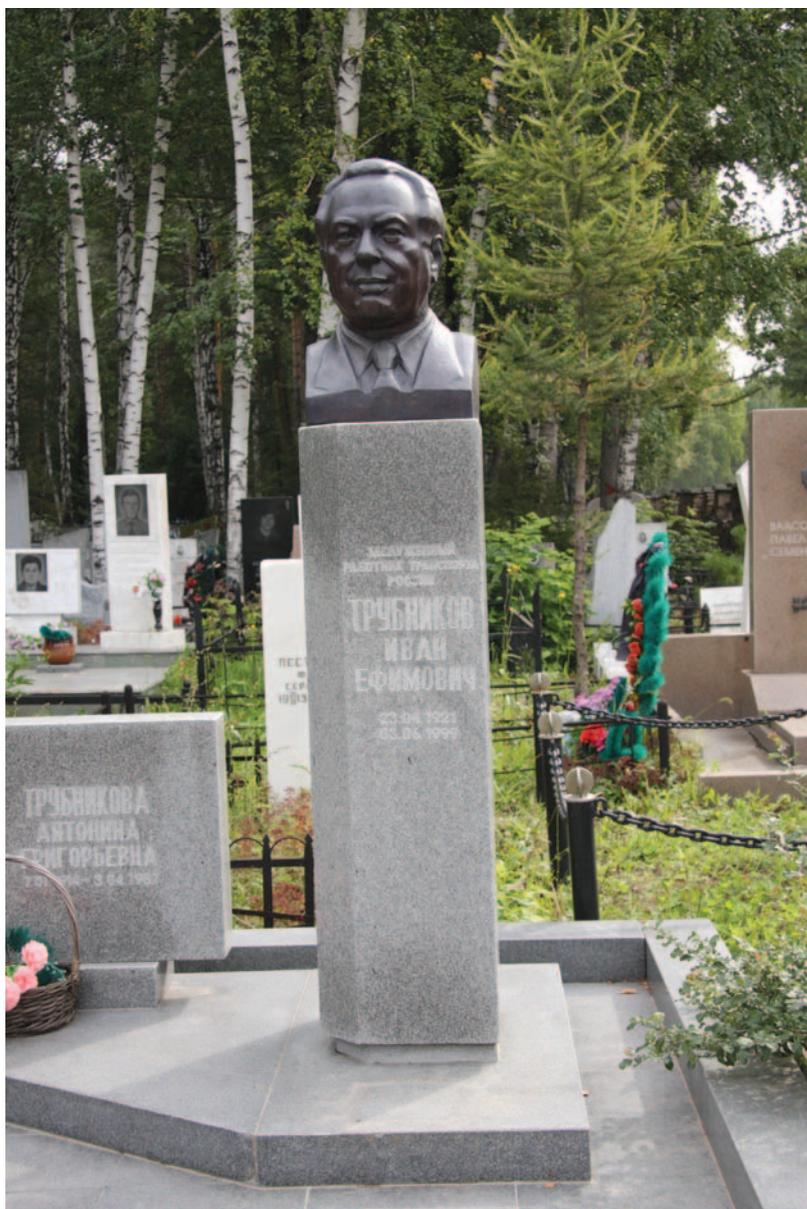
За многочисленные заслуги на посту ректора НЭТИ–НГТУ Георгий Павлович был награжден орденом Ленина, был избран почетным доктором ряда зарубежных вузов, удостоен званий почетного гражданина города Новосибирска и гражданина XX века Новосибирской области как человек, который внес огромный вклад в развитие региона.

В знак признания заслуг Г. П. Лыщинского в НГТУ открыта мемориальная доска, его именем названа площадь в Новосибирске.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

ТРУБНИКОВ
Иван Ефимович
(1921–1999) —
начальник
Западно-Сибирской
железной дороги

Родился в Курской области (с. Липовчик). Перед войной поступил в Новосибирский институт военных инженеров транспорта, который окончил в 1947 г., получил звание инженера-лейтенанта движения и направление на работу дежурным по станции Новосибирск-Главный. Через три года был назначен начальником станции Новосибирск-Пассажирский и получил звание инженера-майора движения. В июне 1952 г. стал главным инженером — заместителем начальника Новосибирского отделения дороги, в сентябре 1956 г. — начальником отделения дороги. С 1961 г. — первый заместитель начальника Западно-Сибирской железной дороги.

В 1973 г. И.Е. Трубников был назначен начальником дороги и возглавлял ее 10 лет до ухода на пенсию.

Под командованием Трубникова железная дорога наращивала объемы перевозок, улучшала

показатели эксплуатационной работы, развивала производственные мощности и социальную сферу. За время его руководства были введены в эксплуатацию Дорожная клиническая больница, Дворец культуры железнодорожников.

Иван Ефимович неоднократно избирался членом Новосибирского обкома КПСС, депутатом облсовета, в 1979 г. — депутатом Верховного совета СССР.

Заслуженный работник транспорта РСФСР (1980).

В 2002 г. площади в Железнодорожном районе, на которой установлен километровый столб с отметкой 3336, было присвоено имя Трубникова. На доме, где он жил (ул. Ленина, 18) установлена памятная доска.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**СМЕРДОВ
Александр
Иванович**
(1910–1986) —
писатель, критик.
В течение многих
лет А.И. Смердов
возглавлял
Новосибирскую
писательскую
организацию,
был главным
редактором
журнала
«Сибирские огни»

Александр Иванович Смердов родился в поселке Теплая Гора Пермской области, в семье рабочего-металлурга. В голодном 1920 г. умер отец, а в 1921 г. в надежде на лучшую жизнь семья переезжает в Сибирь и поселяется в с. Каргат нынешней Новосибирской области. Среднюю школу Александр оканчивает в Новосибирске. После чего снова попадает в деревню, но уже в качестве практиканта-землемера. В самый разгар коллективизации молодой землемер работает в Ачинском округе. Потом опять Новосибирск, строительство «Сибкомбайна» (нынешний «Сибсельмаш»). Рабочий коллектив даёт юноше комсомольскую путевку на учёбу в Московский плановый институт. После четырех курсов Смердов перешёл на газетную работу. Но и учёбу продолжал. Правда, теперь уже в Литературном институте имени А.М. Горького, который позже окончил заочно.

Со стихами Смердов дебютировал в 1930 г. в «Сибирских огнях».

Во время Великой Отечественной войны

Смердов становится военным журналистом. Зимой 1943 г. в составе 22-й гвардейской сибирской добровольческой дивизии Смердов отбывает на 2-й Прибалтийский фронт.

В послевоенные десятилетия его творческая активность не иссякала. Особо следует сказать о редакторской деятельности Смердова. В середине 1960-х годов Александр Иванович стал главным редактором журнала «Сибирские огни». И возглавлял он это издание более десятилетия (с 1964 по 1975 год). Без преувеличения, это был один из самых ярких периодов в жизни главного журнала Сибири. Именно тогда здесь начинали свой литературный путь такие в будущем знаменитые писатели, как Виктор Астафьев с повестью «Кража», Валентин Распутин с повестью «Деньги для Марии», Василий Шукшин, опубликовавший в «Сибирских огнях» три большие подборки рассказов и романы «Любовины» и «Я пришел дать вам волю (Степан Разин)». У Смердова в журнале выросла целая плеяда и других интересных и талантливых литераторов.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

АЛИДЖАНОВ

Али Халилович

(1932–1992) — первый заместитель председателя Новосибирского горисполкома, специалист по строительству и транспорту, общественный деятель

Али Халилович Алиджанов родился в с. Закаталы (Азербайджанская ССР). В 1955 г. окончил Московский институт инженеров железнодорожного транспорта, распределен в Новосибирск, в институт Сибгипротранс, где проработал долгие годы.

В 1963 году за работу над проектом железной дороги Тюмень–Сургут был награжден орденом ордена «Знак Почета». В 1973 г. стал директором института и проработал в этом качестве до 1980 года. В 1976 г. был удостоен ордена Трудового Красного знамени.

С 1980 по 1990 годы Алиджанов являлся первым заместителем председателя горисполкома Новосибирска по жилищному и гражданскому строительству, теплоэнергоснабжению,

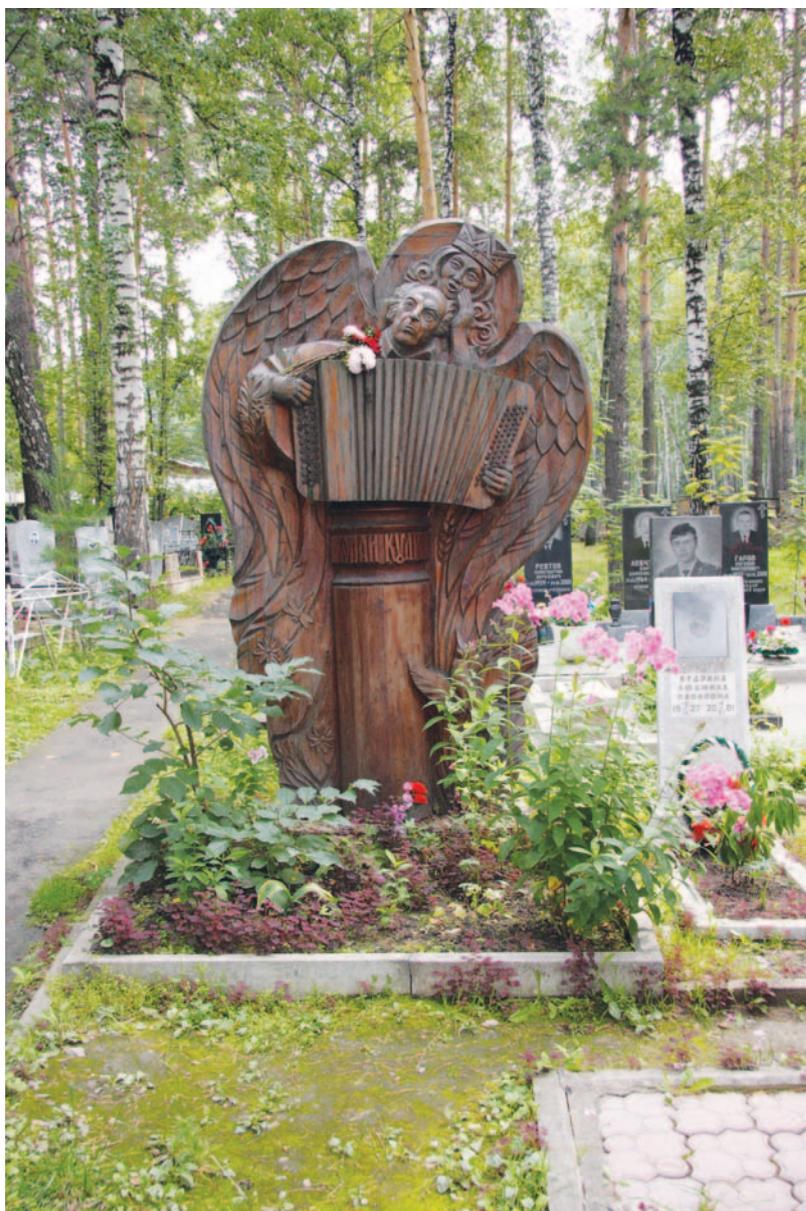
водопроводно-канализационному хозяйству. На этом посту он стал лауреатом Государственной премии СССР (1983 год). С его именем связано проектирование и строительство жилмассивов Молодежный, Горский, Новая Заря, Прибрежный, объектов общегородского назначения — МНТК «Микрохирургия глаза», гостиницы «Сибирь», детской инфекционной больницы и др.

Доктор технических наук, профессор А.Х. Алиджанов последние годы работал проректором Новосибирского института инженеров железнодорожного транспорта.

На доме, где он жил, установлена мемориальная доска.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**КУДРИН
Николай
Михайлович**
(1926–1998) —
композитор-
песенник,
Заслуженный
работник культуры

У

песен Николая Кудрина — известного сибирского композитора, подвижника и пропагандиста русской песни — счастливая судьба: их в свое время подхватила вся страна, сделав подлинно народными.

Тяга к музыке у него проявилась с раннего детства. В семье музыкантов не было, Николай же в шестилетнем возрасте с помощью соседей научился играть на гармошке. И отцу пришлось покупать ему инструмент, выделив для этого два пуда пшеницы из своего небогатого крестьянского хозяйства. Жили они тогда в с. Вассино Тогучинского района.

Когда Николаю было 10 лет, семья переехала в Новосибирск. В 14 лет Николай поступил на подготовительные курсы воинов-десантников, прыгал с парашютом. За год до окончания войны отправился юнгой на Тихоокеанский флот, где прослужил пять лет.

Вернувшись в Новосибирск, он сначала устроился баянистом в Сибирский народный хор.

В 1951 г. Кудрин перешел в Новосибирскую государственную филармонию, с которой и связал всю последующую жизнь. В 1970 г. он заочно окончил дирижерско-хоровой факультет Московского института культуры.

Одной из первых популярных песен Кудрина стала «Перепелка» на слова Н. Палькина. Благодаря своей необыкновенной лиричности, задушевности она получила широкую известность в России, а потом шагнула за ее пределы. Впервые ее исполнила в 1964 г. Людмила Зыкина во время гастролей в Новосибирске. Позднее появились такие замечательные, согревающие душу песни, как «Деревенька моя», «Хлеб — всему голова», «Сапожки русские»...

Кудрин получил звание «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1982), был награжден орденом Дружбы народов (1986), позднее стал заслуженным деятелем искусств России (1995). А в 1996 году по решению мэрии он был объявлен в Новосибирске «Человеком года».

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**ВАНАГ
Глеб
Алексеевич**
(1922–1991) —
директор
Новосибирского
авиационного
завода
им. В.П. Чкалова
(1964–1982), Герой
Социалистического
Труда, лауреат
Государственной
премии СССР

Родился в Ташкенте в семье рабочих. В 1940 г. окончил среднюю школу. Работал токарем в мастерских Казанского авиационного института.

В годы Великой Отечественной войны трудился слесарем-сборщиком, мотористом, механиком, старшим инженером, начальником цеха на заводе №208 им. Коминтерна, эвакуированном из Ленинграда в Новосибирск и выпускавшем радиолокационную технику для нужд фронта и защиты воздушного пространства страны.

В 1950 г. окончил Казанский авиационный институт, после чего работал старшим инженером, механиком, начальником линейки, заместителем начальника и начальником лётно-испытательной станции на Новосибирском авиационном заводе имени В. П. Чкалова. Участвовал в серийном производстве и испытаниях

реактивных истребителей МиГ-15, МиГ-17, МиГ-19, Су-9 и их модификаций.

В 1964–1982 годах Глеб Алексеевич — директор Новосибирского авиационного завода им. В. П. Чкалова. Под его непосредственным руководством завод освоил производство сверхзвукового перехватчика Су-15 и сверхзвукового фронтового бомбардировщика Су-24. Во время его руководства активно развивалась и социальная база предприятия — были построены дома для сотрудников, профилакторий, Дворец культуры им. В. П. Чкалова.

За особые заслуги в выполнении пятилетнего плана Ванагу Глебу Алексеевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1971 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**ГЛИНСКИЙ
Евгений
Дмитриевич**
(1932–1985) —
почетный мастер
спорта СССР по
лыжным гонкам,
Заслуженный
тренер СССР по
лыжным гонкам и
биатлону

Евгений Дмитриевич родился в городе Хабаровске в 1933 г. После 8 класса приехал в Новосибирск и поступил в техникум физкультуры, откуда был призван в ряды Советской армии. После демобилизации Евгений закончил техникум, но чувствовал, что для серьезной тренерской работы необходимо высшее образование, и поэтому поступил учиться в Омский институт физической культуры (заочно). Первым местом его тренерской работы стало общество «Спартак».

В 1965 г. Глинский перешел работать в общество «Динамо». Евгений Дмитриевич за годы творческого труда сумел воспитать целую плеяду лыжников. Это члены молодежной сборной СССР сестры Раиса и Надежда Патрины, сестры Клавдия и Зоя Дунаевы и др. Среди его воспитанников четырёхкратный победитель Олимпийских игр тринадцатикратный чемпион мира А. Тихонов. Всего же Евгений Глинский подготовил более 40 мастеров спорта и мастеров спорта международного класса, а также чемпион мира среди юниоров Сергей Левинский,

серебряный призер чемпионата мира Александр Петров и многие другие.

В 1976 г. он награжден медалью «За трудовую доблесть». Центральный совет «Динамо» присвоил ему звание «Почётный динамовец».

20 июня 1978 г. Евгений Дмитриевич погиб в автокатастрофе. Похоронен на Заельцовском кладбище Новосибирска.

В честь Евгения Глинского ежегодно в феврале в Новосибирске проводятся соревнования по биатлону на приз заслуженного тренера Е.Д. Глинского. В память заслуженного тренера открыта мемориальная доска на здании Новосибирской областной организации «Динамо» (ул. Коммунистическая, 60).

«Тренер века» — такое звание присвоено Евгению Глинскому областным комитетом физкультуры и спорта при администрации Новосибирской области в 2000 г.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**СИМАКОВ
Николай
Семенович**
(1915–1969) —
один из
руководителей
восстания в
Бухенвальде

Николай Симаков после окончания в 1931 г. семилетней школы учился в железнодорожной школе ФЗУ, а затем работал слесарем Новосибирского паровозного депо. В 1939 году закончил машиностроительный техникум, получив специальность техника по холодной обработке металла.

В январе 1940 г. был призван в ряды РККА. Служил старшим оружейным мастером полка.

Когда началась Великая Отечественная война, Николай Семенович Симаков с первых ее дней участвовал в боях. В июле 1941 г. под Минском он был ранен, взят в плен и оказался в концентрационном лагере Бухенвальд.

В марте 1943 г. военнопленные и политзаключенные объединили подпольные организации в единый военно-политический центр,

руководителем русской группы которого был избран Николай Симаков.

Не оправившийся от ранения, Николай Симаков был изможден нечеловеческим подневольным трудом на каменоломнях, болен туберкулезом. Однако он смог создать группу сопротивления и возглавить восстание. Бухенвальд — единственный концлагерь узники которого освободились самостоятельно.

О Н.С. Симакове прекрасно сказал руководитель международного антифашистского центра в Бухенвальде Вальтер Бартель: «Поведение Симакова служило примером для других национальных групп и являлось демонстрацией великой морали советских патриотов»

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Сергей Бондаренко:

«БОЖЬЯ НИВА В ЗАПУСТЕНЬЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ...»

Удивительное дело — сейчас, когда оглядываешься назад и вспоминаешь события, связанные с программой «Белый тополь», невольно приходишь к совершенно неожиданному выводу: «план мероприятий» нам всегда писала сама жизнь, устанавливая свои сроки. Одно событие, совершившись, притягивало за собой другое, порою третье, а идеи, практически все, исходили от самих новосибирцев, неравнодушных к истории города.

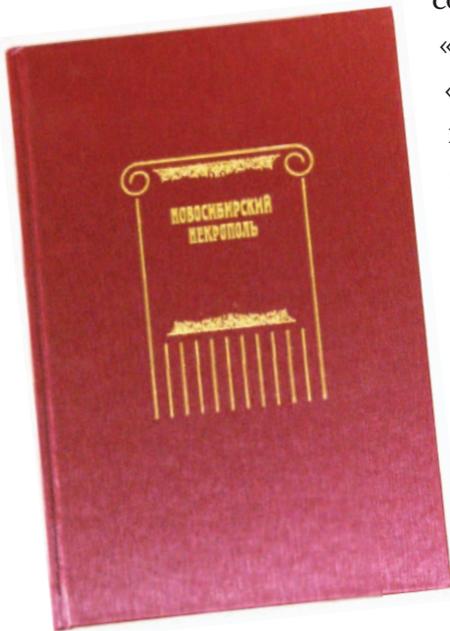
Я уже говорил, что началом программы «Белый тополь», отправной точкой, было перезахоронение актрисы Екатерины Савиновой. А вот сейчас засомневался... Может быть, все началось значительно раньше? Может быть, зародилась эта мысль о программе, еще не имевшей никакого названия, именно тогда, когда сотрудница Новосибирского областного архива Мария Ильинична Корсакова по собственной инициативе, не понуждаемая никакими приказами, принялась собирать сведения о старых новониколаевских и новосибирских кладбищах, ведь многие из них из-за стремительного роста города просто-напросто ушли в небытие? Сведения эти она собирала буквально по крупицам, на основе старых, сохранившихся документов. И в итоге родилась рукопись, которую она передала писателю Михаилу Николаевичу Щукину. Передала незадолго до своей преждевременной кончины.

С этой рукописью Михаил Николаевич и Владимир Викторович Шамов пришли ко мне. Решение наше было общим и однозначным — надо издавать книгу. А в скором времени появилась еще одна рукопись, принадлежавшая молодому ученому-историку Екатерине Косяковой (ныне Красильниковой) — «Божья нива». Так раньше на Руси называли кладбища и места упокоения предков. (Сразу признаюсь, что для своих заметок я позаимствовал именно это название). Конечно, и рукопись Екатерины Красильниковой пошла «в работу». Особо нужно сказать о том, что авторский коллектив книги «Новосибирский некрополь» проделал огромную работу, ведь трудность заключалась еще и в том, что подобного издания за всю историю Ново-Николаевска — Новосибирска просто не было.

Книга, на мой взгляд, получилась отличной. И это не только мое мнение. Приведу лишь один пример, наверное, не очень показательный и поучительный, но, тем не менее, он был. Одна из высоких проверяющих организаций,

согласно графику, пришла проверять «Похоронный дом «ИМИ», который был и является по сей день главным «двигателем» программы «Белый тополь». Одному из проверяющих я подарил книгу «Новосибирский некрополь», а тот, как позже выяснилось, дал почитать ее своему начальнику. И вот — звонок: «Сергей Валентинович, срочно явитесь...» Бросаю все дела, еду к начальнику высокой проверяющей организации, лихо радочно думая: какие мы допустили ошибки, в чем провинились? А начальник выходит в приемную, встречая меня, как генсека ЦК КПСС, обнимает и говорит:

— Ну, какой же ты молодец, что такую книгу издал!

Вот уж чего не ожидал, так не ожидал...

А теперь — продолжение, как круги на воде, которые расходятся все дальше и дальше.

В книжном магазине «Плиний-старший», который находится в самом центре Новосибирска, мы проводим презентацию нашей книги «Новосибирский некрополь». Выступают Михаил Николаевич Щукин, Екатерина Косякова (Красильникова), ваш покорный слуга, и все идет своим чередом. Но вот встает молодой человек, представляется журналистом одной из новосибирских радиостанций и спрашивает:

— А вы знаете о том, что на Заельцовском кладбище похоронен один из лучших поэтов харбинской эмиграции Алексей Ачаир?

Вот с этого вопроса и вернулся из небытия Алексей Алексеевич Ачаир (настоящая фамилия — Грызлов). Человек удивительной, потрясающей

судьбы, написавший строчки, которые можно считать эпитафией ко всему его творчеству: «Голубые глаза без Руси одиноки...»

Казачий офицер, оказавшийся в вынужденной эмиграции в Харбине, прекрасный поэт (с его стихами вы познакомитесь в этой книге), отсидевший более десяти лет в лагерях и приехавший в Новосибирск к своей возлюбленной, Валентине Васильевне Белоусовой, не замкнулся в своей обиде, не ушел в «подпольную эмиграцию», а пошел — вы только представьте то время! — в обычную среднюю школу, чтобы преподавать там пение, и создал замечательный детский хор, о котором теперь, спустя многие-многие годы, вспоминают с благоговением. Он умер на крыльце школы — сердце не выдержало. Мог бы и не ходить на занятия в связи с болезнью (времена изменились, и никто бы не осудил), но он пошел к детям, которые стали ему родными.

И умер...

На фасаде школы № 29 мы установили мемориальную доску, привели в порядок могилу Алексея Ачаира и, когда проводили работы, поразились: памятник на его могиле был сделан так мощно, так крепко и основательно, что свидетельствует только об одном — люди, которые его делали, относились к усопшему с величайшим уважением.

Алексей Ачаир этого заслужил.

Не сломила судьбе нас, не выгнула.
Хоть пригнула до самой земли...
А за то, что нас Родина выгнала,
Мы по свету ее разнесли...

ПОГОСТЫ, КЛАДБИЩА И БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Сегодня, в начале XXI века, в нашем городе действует семь кладбищ: Заельцовское, Клецихинское, Гусинобродское, Инское, Южное, Северное и Чемское. Работает ряд похоронных агентств, помогающих достойно проводить человека в последний путь. Но так было не всегда...

Погосты на месте будущего города

В конце XIX века территория нынешнего Новосибирска относилась к Томскому округу, куда в числе прочих входило и четыре десятка сельских поселений Кривошековской волости, где проживало около 16 тысяч человек. На месте будущего города располагались село Кривошеково, деревни Малое Кривошеково, Бугры, Криводановка, Вертково, Толмачево, Нижне-Чемская, Верхне-Чемская,

■ Первые дома будущего города

Огурцово, Каменка, Усть-Иня, Гусиный Брод, Ельцовка, Быкова, Барышевская.

Первые кладбища появились не в той части нашего города, которая считается историческим центром, а в деревнях и селах, образованных задолго до появления Ново-Николаевска и начавших вливаться в него после того, как город рос.

Одним из первых возникло так называемое Высокое кладбище, появившееся на левом берегу Оби неподалеку от начавшегося впоследствии строительства железнодорожного моста, давшего жизнь нашему городу. На этом месте ныне расположились корпуса областной клинической больницы. А официальное и более известное его название — Бугринское. Почти одновременно с ним появились Закаменское и Заельцовское кладбища, а также стихийно выросшие при деревушках, окружавших Ново-Николаевск.

По христианским традициям перед погребением покойника обязательно отпевали в церкви. Кроме духовного обряда, обязательен был еще и формальный ритуал: подробные записи в так называемых метрических книгах (это из-за них свидетельство о рождении долгое время называлось метриками). Они делились на три части: I — «О родившихся», II — «О бракосочетавшихся» и III — «Об умерших». Причем последняя разбивалась на колонки, в которых должны были отмечаться «счет умерших, месяц и день смерти, погребения, звание, имя, отчество умершего, лета умершего, от чего умер, кто исповедовал и приобщал, кто совершил погребение и где погребены». Священнослужители вели также и строгие статистические подсчеты.

■ Народное гулянье на Старобазарной площади поселка Александровский (Ново-Николаевский). Фото 1895 г.

Старое городское кладбище

Трудно определить дату образования кладбища. Откуда вести отсчет? С момента, когда местная власть приняла решение об отводе территории под захоронения? А если хоронить начали еще до принятия официального документа?.. Так произошло и с первыми новониколаевскими кладбищами, которые довольно долго еще не были городскими.

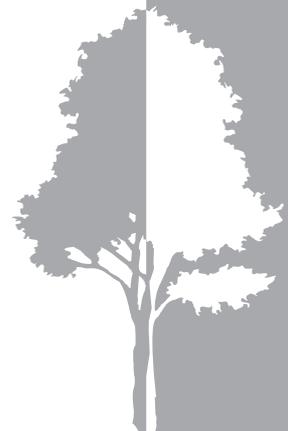
Ново-Николаевск начинался с поселка строителей железнодорожного моста через реку Обь в устье реки Каменки и быстро рос. В конце 1903 года царь утвердил положение Кабинета министров о возведении поселка Новониколаевский «на степень безуездного города» Томского уезда с упрощенным городским управлением, и только тогда стало правомочным определение «городской». Центральным в городе считалось место в устье реки Каменки в районе современного автовокзала. А погосты устраивали в значительном удалении не только от центра, но и от окраин населенного пункта. Чрезвычайно трудно было представить, что они когда-то окажутся в центре города.

Первое городское кладбище располагалось на территории нынешних Центрального парка и стадиона «Спартак». На старых городских планах и схемах оно изображается разбитым на две части по улице Вагановской (ныне Фрунзе). Первая — прямоугольником располагалась между улицами Александровской (Мичурина) и Каменской, Ядринцевской и Вагановской; другая — трапециевидная — продолжалась одним своим краем до улицы Крылова, другим доходила только до улицы Ермака.

Находившееся в стороне от полицейского надзора кладбище было свидетелем различных общественно-политических акций. В январе 1904 года

■ Николаевский (ныне Красный) проспект

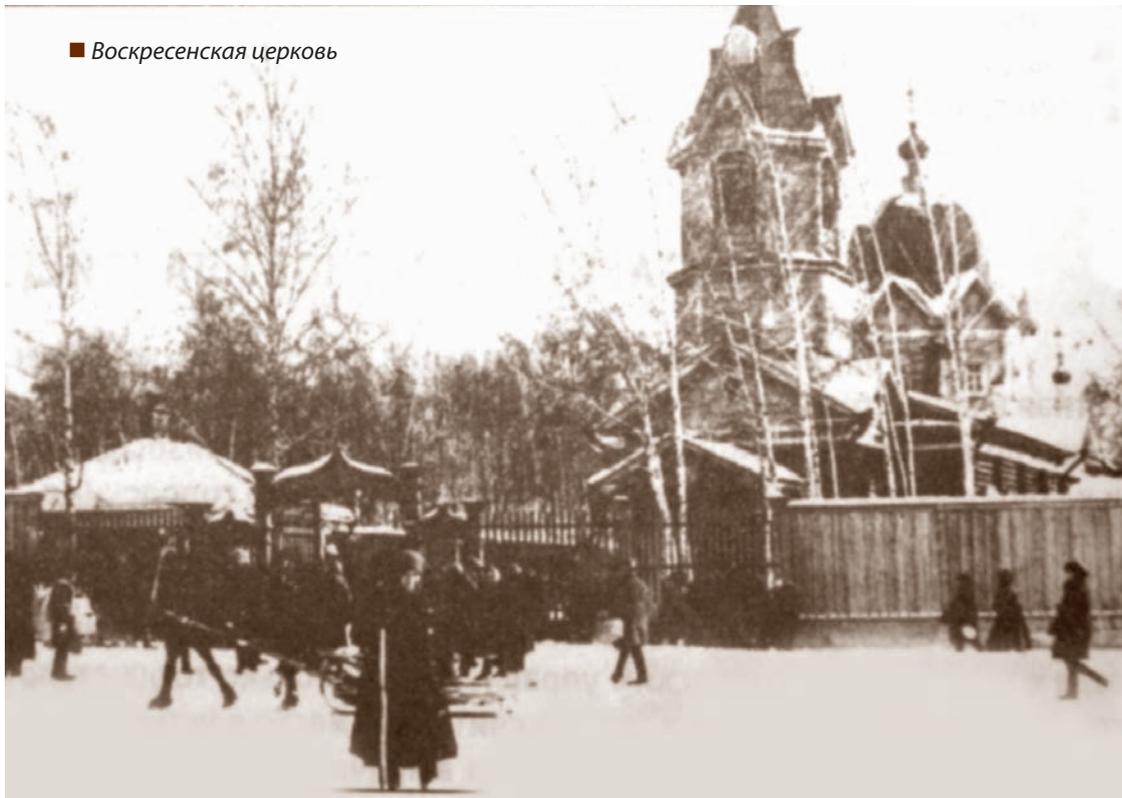
■ Вот так кладбище обозначено на одном из первых городских планов

оно было выбрано местом проведения антивоенной массовки, в которой вместе с рабочими-железнодорожниками впервые участвовали представители других слоев населения.

Уже в 1906 году стало ясно, что городское кладбище не на месте. Начали рассматривать варианты размещения нового кладбища, но и о благоустройстве старого не забывали. Мало того, в 1907 году при городском кладбище «тщанием церковно-технического попечительства» была построена деревянная однопрестольная Воскресенская (кладбищенская) церковь во имя Воскресения Христова. Строилась она на добровольные пожертвования горожан. 7 октября 1907 года она была освящена. Первоначально приход и все службы кладбищенской церкви обслуживались священниками собора Александра Невского. Лишь через пять лет там был открыт свой приход с причтом.

В 1908 году о возможном закрытии городского кладбища и выделении земли под новые захоронения заговорили всерьез. 3 октября состоялось заседание уполномоченных Ново-Николаевска по вопросу об отводе места под новые кладбища в Центральной и Закаменской частях города. Уполномоченные постановили: «...кладбище, как находящееся почти в центре города, закрыть, о чем довести до сведения подлежащих властей». Специальная комиссия, обследовавшая окрестности города с целью отвода мест под захоронения, представила планы, на которых, в частности, было указано место для православного кладбища в Центральной части — в районе нынешних улиц Семьи Шамшиных, Лермонтова, Некрасова, Достоевского — площадью в 15 с небольшим десятин. (Впоследствии место для нового захоронения в Центральной части было выбрано другое.) Еще одна комиссия, куда вместе с членами городской управы вошли врачи, полицейский и священник Александро-Невской церкви, проведя осмотр новых участков, решила: 1) отводимые земли «единственно удобны» и

■ Воскресенская церковь

подобраны с учетом медицинских и полицейских требований; 2) «ввиду переполнения трупами кладбища, находящегося в центре города, необходимо скорейшее освящение и открытие новых участков»; 3) «в целях охраны народного здоровья» кладбище, находящееся в центре города, нужно закрыть.

Однако это заключение было встречено в штыки представителями духовенства, заявившими, что закрытие старого кладбища вызовет большое неудовольствие со стороны обывателей и «поведет к недоразумению между ними и церковно-приходским попечительством», поскольку «многие обыватели купили на этом кладбище места не только лично для себя, но и для своих семей и имеют довольно значительные участки», а «попечительство эти деньги возратить не может». Городская управа после долгих споров вынуждена была вновь вернуться к рассмотрению этого вопроса и 18 сентября 1909 года решила часть кладбища, отведенную для «погребения мирян бесплатно» и переполненную трупами, закрыть, а остальную оставить как погост при Воскресенской церкви и захоронения там вести только по специальному разрешению. Отмечено было также, что должно быть выделено особое кладбище для всех исповедующих другую веру.

Новые кладбища открылись в 1911 году. В документальных материалах 1913 года о бывшем городском кладбище говорится уже как о закрытом.

Воскресенская же кладбищенская церковь все это время является действующей. Церковно-приходское попечительство при ней продолжает хлопотать о приличном содержании даже закрытого кладбища и по мере своих возможностей приводит его в порядок.

11 января 1920 года на заседание Новониколаевского губревкома был вынесен вопрос «О вырубке кладбищенской рощи». Не для того, чтобы обезобразить внешний вид кладбища. Гублескому было предложено в двухдневный срок обследовать ближайшие рощи и дачи на предмет рубки дров. Город замерзал...

По старому городскому кладбищу сохранилось немного документальных материалов, зато есть живые человеческие свидетельства. Заслуженная артистка РСФСР Зоя Булгакова вспоминает:

«Удивительно, но кладбище, расположенное так близко от нашего дома, совсем не казалось нам страшным. Напротив, оно давало возможность новых забав и приключений. Вернее, не оно, а огромный ров, окружавший его. Этот ров служил одновременно и оградой. Зимой в него свозили и сбрасывали снег со всей округи. Когда приходила весна, начиналось самое интересное — в образовавшемся потоке воды плыли корабли и кораблики, плоты и доски — мальчишки устраивали здесь целые флотилии. Когда наступало лето, во рву плавала и плескалась ребятня... Живая вода в центре города — то-то радость!.. А еще я помню, как в середине 20-х годов в газете появилось объявление: «Граждане! На месте кладбищенской территории будет создаваться парк. Желающие могут перезахоронить своих родственников». И назывались адреса новых кладбищ — у Березовой рощи и у аэропорта. И что тут началось! Боже мой! Весь Новосибирск, кажется, съехался сюда. Могилы раскапывали, из них доставали скелеты, укладывали в новые гробы, тащили батюшку. Он махал кадиллом, пел «Со святыми упокой», и гроб забивали и увозили на новое место. Батюшки сбивались с ног, отпевая потревоженные останки... Это продолжалось довольно долго. Потом приехал бульдозер, все сровнял, сделали всякие клумбы, посадили цветы, и получился парк, потому что кладбищенские березы как были, так и остались. Вот так и появился в Новосибирске парк имени Сталина, или Центральный парк».

В 1929 году было принято решение о закрытии Воскресенской церкви на Старом кладбище, воспринятое прихожанами резко отрицательно. В апреле 1930 года у церкви собралось около тысячи возмущенных жителей

■ Парк имени Сталина, 30-е годы

■ Прощание.
Новосибирск,
30-е годы

Новосибирска. Однако с помощью милиции толпа была оттеснена. Помещение церкви передали администрации парка. Некоторое время здесь располагался планетарий. В 1970-е годы церковь сгорела.

«Новое» городское кладбище в Березовой роще

На старых картах и планах нашего города недалеко от первого ипподрома можно обнаружить пятачок в крестиках и рядом с ним надпись: «Проектируемое кладбище». Такая пометка встречается на картографических документах уже в 1906 году. На более поздних планах, где уже определена разбивка на участки по религиозным конфессиям, в левом верхнем углу обозначено: «Старое русское кладбище 1907 года». Таким образом, новое погребение было определено рядом с уже отмеченной могильными крестами территорией.

■ Новониколаевск. Вид из центральной части города на Военный городок, 1910-е годы

Кладбище, разбитое на месте нынешнего парка «Березовая роща», в воспоминаниях иногда называется Татарским, видимо потому, что открытое вскоре после нового городского Татарское, или Магометанское кладбище располагалось неподалеку. На самом деле лишь небольшая часть кладбищенской территории была отведена под захоронения мусульман. На «новом» кладбище были выделены участки для захоронения представителей самых разных вероисповеданий: католиков, лютеран, иудеев, магометан, баптистов и старообрядцев. Такое раздельное погребение издревле было принято на Руси. Самый большой участок (около двадцати десятин) — нынешняя территория монтажного техникума с частью улицы Гоголя — был отведен под Православное кладбище. В северном его углу, там, где в 1907 году располагалось русское кладбище, более восьми десятин отводилось под братские могилы. А в юго-восточной части определялось место под военное кладбище.

Еще в начале 1910-х годов на «новом» кладбище задумывалось сооружение храма. Но лишь в 1925-м была построена Успенская церковь, которая имела и второе название — Новокладбищенская. Церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы была деревянной, выкрашенной в голубой цвет, с куполом и колокольней, имела форму креста. В церковной ограде похоронено несколько священнослужителей нашей епархии, например, настоятель Покровской церкви протоиерей Александр Васильев, умерший в тюрьме, а также митрополит Никифор (Асташевский).

В 1939 году составлен нотариальный реестровый план кладбища Ипподромского района с более точными границами.

В начале 1930-х годов началось строительство трамвайных линий, и 29 мая 1934 года горсовет принимает решение изъять для прокладки трамвайного пути аллею кладбища между первым и вторым кварталами, а

■ *В первом новосибирском трамвае*

находящуюся здесь часть могил сровнять, нулевой и первый кварталы кладбища для дальнейшего погребения закрыть.

У нового городского кладбища существовало и еще одно название — Молоковское. Дело в том, что одна из прилегающих к кладбищу улиц, носившая имя Бухарина, была переименована в честь знаменитого летчика в улицу Молокова, и кладбище стало называться Молоковским. Но со временем запретили присваивать имена живых людей каким бы то ни было объектам, и название улицы сменили в третий раз (она стала называться Светлой). В годы Великой Отечественной войны на Молоковском кладбище хоронили солдат и офицеров, умерших в эвакогоспиталях Новосибирска.

В 1940–1950-е годы и это кладбище вновь обступил город. Захоронения стали теснить птичий и вещевого рынки. В 1961 году принимается решение о ликвидации Успенской церкви, которое, как это уже было в 1930-е годы, верующие восприняли крайне негативно. Церковь вскоре закрыли и буквально за одну ночь снесли. Кресты и надгробия с кладбища были утилизированы. Служители церкви все же успели позаботиться об останках митрополита Никифора, которые перевезли на Заельцовское кладбище.

Расширение кладбищенского хозяйства Новосибирска

В 1941 г. вновь встает вопрос о расширении площадей для захоронений. В июле 1941 года Новосибирский городской Совет депутатов трудящихся принимает решение о выделении нескольких земельных участков

■ *Новосибирск строится и благоустраивается.
Красный проспект, конец 1930-х годов*

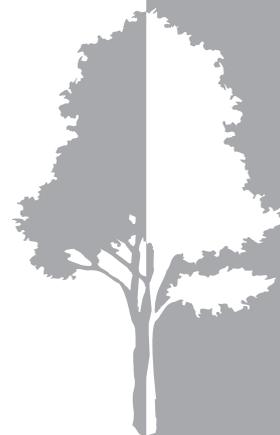

под новые кладбища. Один из них, площадью 10–12 гектаров, располагался в Заельцовском районе, в березовой роще к северу от развилки Мочищенского тракта и дороги на санаторий облизполкома, и предназначался для обслуживания Ипподромского, Заельцовского, Кагановичского, части Центрального и части Дзержинского районов. Участок в 16 гектаров в Октябрьском районе, на четвертом километре Гусинобродского тракта (вправо по направлению к деревне Гусиный Брод), выделялся для обслуживания Октябрьского, части Центрального и части Дзержинского районов. Этим же постановлением предусматривалось закрытие с 20 сентября 1941 года действующих кладбищ в Дзержинском и Октябрьском районах. В конце того же года горсовет выделил земельный участок под новое кладбище в Кировском районе площадью 14 гектаров, расположенный в юго-западной части Бугринской рощи. А к концу 1942 года решено «прирезать» дополнительный участок к кладбищу по Мочищенскому шоссе к северо-западу от развилки на шоссе. В проекте здесь предусматривалось устройство павильона для провожающих в последний путь и проведения гражданских похорон.

Магометанское кладбище

В 1908 году уполномоченные Новониколаевской городской управы обсудили вопрос об отводе земель под кладбища в Центральной и Закаменской частях города. Для магометанского кладбища было определено место между старым и новым (проектируемым) кладбищами.

В старой краеведческой литературе и справочных изданиях по Новониколаевску встречаются такие названия, как Обская, Веревоchnая, Ельцовская или Татарская слобода. И если месторасположение Веревоchnой определить трудно, то Татарскую слободу и по сей день знают многие. Она находилась в районе нынешней улицы Татарской и Татарского спуска, идущих от улицы Романова к Каменке параллельно улице имени Ольги Жилиной, и была конечной остановкой одного из четырех организованных тогда автобусных маршрутов. Маршрут № 4 (оранжевый) ходил от вокзала через центр как раз до Татарского кладбища. Сегодня его можно с трудом обнаружить лишь на одной карте Новосибирска — за 1928 год. Оно втиснуто между городскими постройками на небольшом клочке земли. Называют это кладбище также «магометанским», а еще — «узбекским», так как хоронили на нем одно время беглых узбеков, которых лишения вынуждали покидать родные места и некоторые из них стали оседать в нашем городе. Несмотря на то, что и на новом городском (Березовая роща), и на Заельцовском кладбищах были выделены участки земли под мусульманские захоронения, Татарское кладбище еще долго существовало в самом центре города, пока его не стали вытеснять многоэтажки.

Закаменское кладбище

Как и второе городское кладбище, оно появилось в Закаменском районе не на пустом месте. Эту территорию обжили и освоили задолго до заселения нынешнего исторического центра Новосибирска. Смертность населения, состоящего преимущественно из рабочих и мелких кустарей, была высокой, поэтому необходимость определить место для погоста появилась до того, как этим озаботились городские власти. А в 1908 году Новониколаевская городская управа решила эту проблему официально: под православное кладбище в Закаменском районе города отводилось «место, расположенное по меже с наделом крестьян деревни Ини, на расстоянии 200 сажень от последнего городского жилья, площадью 8 десятин 800 кв. сажень».

■ Одно из надгробий бывшего Закаменского кладбища

В начале 1920-х годов составляются планы городских кладбищ. На Закаменском, в районе улицы Воинской и нынешнего Аграрного университета (сельхозинститута), как и на новом городском кладбище, выделили сектора для захоронения магометан, иудеев, лютеран и католиков. Отвели место и для военного кладбища. Кроме того, устроители Закаменского погоста зарезервировали участки под будущую церковь и запасной для расширения.

Кладбище просуществовало до 1969 года. Но и до сих пор между разросшимися березами можно встретить надгробные плиты.

Воинские кладбища

В конце XIX века в России заговорили о создании специальных воинских кладбищ. Не обошла эта проблема и Сибирь. В 1914 году вопрос о создании отдельного воинского кладбища встал и в Ново-Николаевске. В конце ноября этого года томский губернатор направил городскому голове письмо, в котором просил «внести настоящий вопрос, об ознаменовании памяти жертв войны в местах их вечного упокоения и родины, на обсуждение городской думы» и о вынесенном решении его уведомить. А 4 февраля 1915 года городская дума постановила: «отвести место под братское кладбище, согласно плана городской управы, за старым закрытым кладбищем, на углу улиц Александровской и Карамзина... И оставив посреди кладбища свободную площадь для постановки в будущем памятника».

Многие жители нашего города считают, что на месте, отведенном для захоронения русских воинов, сегодня располагается Центральный рынок. Однако четких доказательств того, что именно здесь планировалось устроить братское кладбище, — ведь на пересечении Александровской и Карамзина

четыре угла, — нет. Правда, совсем свободным был именно тот, что примыкает сейчас к рынку. Кроме того, трудно теперь установить, реализовалось ли постановление городской думы полностью. Тем более что в это время уже было спланировано новое городское кладбище (Березовая роща).

Зато хорошо известно, что различные памятники устанавливались впоследствии на всех воинских кладбищах города. Самым значительным из них является Заельцовское воинское кладбище.

С началом Великой Отечественной войны в Новосибирск как тыловой город стали прибывать санитарные поезда. Впоследствии в городе и районах области развернули работу более полусотни госпиталей. И, несмотря на стоическую борьбу медицинского персонала за каждую жизнь, раненные (так называли пациентов госпиталей) умирали, и их требовалось достойно проводить в последний путь. В новосибирской земле нашли свое вечное пристанище украинцы и белорусы, татары и казахи, жители Европейской России, дальневосточники, сибиряки... Размещенные на территории города госпитали хоронили своих бывших пациентов сначала на Молоковском кладбище (Березовая роща). Но 4 июля 1941 года горисполком принял решение об организации специального воинского кладбища. А 3 февраля 1942 года принято еще одно решение, более конкретное, в котором Заельцовский райкомхоз обязывался к 1 апреля 1942-го сдать в эксплуатацию новое воинское кладбище.

■ *Воинское кладбище сегодня*

Умерших от ран и погибших воинов стали хоронить на нем. В своде памятников истории и культуры Новосибирской области его официальное название обозначено так: «Кладбище мемориальное советских воинов, умерших от ран в госпиталях в годы Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов». Оно имеет статус памятника истории.

Первоначально здесь все было предельно просто: привозили, хоронили, нумеровали могилы. В документах отдела эвакуогоспиталей облздравотдела есть списки умерших за 1943, 1944 годы, где указывается место захоронения и из которых можно узнать, кто похоронен в братской могиле, кто в отдельных могилах...

В послевоенные годы были более четко определены границы кладбища, а над главным входом сооружена ажурная арка. К концу 70-х годов кладбище было реконструировано по проекту архитектора Г.В. Гаврилова и окончательно распланировано. Сооружена бутовая ограда. Организующую роль получила центральная аллея из мозаичных плит, от которой отходят узкие, посыпанные гравием дорожки, делящие могилы на кварталы. Теперь на кладбище 1279 солдатских могил с квадратными плитами... На них выбиты фамилия, имя и отчество, звание, дата рождения и смерти.

На главной площади воинского мемориала установлена четырехметровая скульптура из серого искусственного гранита «Раненый воин» работы новосибирского ваятеля, Заслуженного художника РСФСР В.Е. Семеновой: на невысоком постаменте — лежащий воин, который не поднимется уже никогда.

Имена наших сограждан, отдавших жизнь за Родину, увековечены в нашем городе и на пилонах мемориального ансамбля — монумента Славы, который находится в большом сквере Славы в Ленинском районе. Памятник открыт 6 ноября 1967 года. Авторы — художник-монументалист А.С. Чернобровцев и скульптор Б.Л. Ермишин (скульптура Матери).

Захоронения военнопленных

В конце 1944 года в Новосибирскую область стали прибывать эшелоны с военнопленными, бывшими военнослужащими германской и союзных ей армий. Ослабленные, оказавшиеся в сложнейших социально-бытовых условиях военного времени, многие из них умирали. И 10 ноября 1944 года горисполком принял решение «Об отводе участка под кладбище военнопленных в Кировском районе». Участок общей площадью полтора гектара выделялся в юго-западной части Кировского района у городской черты. Всего же организовали четыре таких специальных кладбища: кроме Кировского, захоронения велись в Первомайском районе (в полутора километрах от станции Инская, в бору), в 16-м квартале Заельцовского кладбища и около поселка Мирный в Коченевском районе. Этот поселок был одним из мест, куда выслались в годы войны немцы с Поволжья и Украины, поэтому на могильных памятниках можно увидеть немало немецких фамилий.

■ Памятники в местах захоронения военнопленных: немецких, венгерских, японских...

Захоронения велись и до официального отвода земель под кладбища военнопленных; велись небрежно, в основном в общих могилах, без указания имен, а порой и без крестов. В 1949 году в Новосибирской области была проведена проверка всех кладбищ. Были составлены топографические схемы кладбищ, их месторасположение, сверены журналы учета умерших военнопленных и интернированных с кладбищенскими книгами и картотеками. Появились списки с указанием квадрата и номера могилы военнопленного, по которым можно установить место погребения каждого солдата. Но кладбища почти исчезли. Что касается самого большого из них, Кировского, то в 1958 году даже был издан документ о его ликвидации, якобы с целью строительства там промышленных объектов. На самом деле несколько позднее жители соседствующих с кладбищем домов разбили там свои огороды. А потом рядом с кладбищем организовали Хилокский рынок. 16-й квартал Заельцовского кладбища, отведенный в свое время для захоронения военнопленных, после ликвидации лагеря стал использоваться для погребения умерших жителей города. А после 1960-х годов здесь были произведены новые захоронения. Кладбище военнопленных в Первомайском районе сохранилось, но сильно заросло. Вокруг участка, отведенного под кладбище около поселка Мирный в Коченевском районе, вырос сельский погост.

Погребенные не по-мирски

Условия жизни новониколаевцев начала XX века были тяжелыми. Плохие жилищные и производственные условия, недостаточная организация медицинской помощи приводили к высокой смертности населения. Часто в городе вспыхивали эпидемии: в 1908 и 1911 годах — холера, в 1913-м — оспа, в 1909-м Ново-Николаевск поразили эпидемии холеры и брюшного

■ *Страшная зима 1919–1920 годов в Новониколаевске...*

тифа. В декабре 1914-го эпидемия сыпного тифа началась среди военнопленных, а в январе-апреле она быстро распространилась и на гражданское население. Эпидемии сопровождались высокой смертностью.

В тяжелейшие 1920-е годы народ вообще валится от тифа. Массовая заболеваемость и отсутствие надлежащего ухода вызывали большую смертность. Пришлось принимать особые меры по захоронению трупов. Организуется санитарный отряд, одной из задач которого является «принятие мер к очистке города от трупов и нечистот...» Запрещалось умерших от сыпного тифа вносить в церковь, а к месту погребения надлежало везти только в заколоченном гробу.

От тифа страдали все. Многочисленные документы, сохранившиеся с тех пор, красноречиво иллюстрируют серьезность обстановки, трудности и потери, которые несли сибиряки. Особенно тяжело приходилось Ново-Николаевску, так как сюда, по документальным сведениям, свозились трупы, обнаруженные вдоль линии железной дороги. Число умерших жителей города и красноармейцев превысило в 1920 году 60 тысяч. Все дома контролировались специально созданной чрезвычайной комиссией по тифу. По ее распоряжению на кирпичных заводах были оборудованы два крематория, вырывались глубокие траншеи для погребения трупов. Население города сократилось со 100 тысяч человек в 1919-м до 67 в 1921 году. 10 февраля 1920 года состоялось специальное «новониколаевское» заседание губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом. На нем констатировалось, что очень много вагонов на Омской железной дороге занято трупами, и предлагалось направлять их в Ново-Николаевск для погребения с помощью команд инженерного батальона в больших братских могилах. Но наличных сил и средств для этого не хватало. Тем более что и в самом Ново-Николаевске смертность была чрезвычайно велика. Обстановка сложилась настолько сложная, что потребовалось вмешательство военнотружущих. Захоронения проводились в братские могилы, к чему был привлечен Новониколаевский гарнизон.

Проблемы борьбы с эпидемией, как наиболее злободневные, регулярно обсуждаются Сибревкомом. В докладе от 3 марта 1920 года специальный раздел посвящается кладбищам и крематориям. В нем говорится о том, что современные кладбища необходимо привести в должный вид, в том числе и посредством их расширения и увеличения штата обслуживающего персонала, а также представить на рассмотрение здравотдела сведения о том, где есть возможность приступить к постройке крематориев.

Братские могилы

В Новосибирской области существует 107 братских могил борцов с колчаковщиной, партизан гражданской войны. В областном центре до сооружения монумента Славы самым священным местом являлся сквер Героев революции, который венчает могила 104-х.

22 января 1920 года состоялись похороны 104 политических заключенных, замученных колчаковцами. В декабре 1919 года белогвардейцы зверски порубили их шашками. Телами убитых завалили тюремный двор, они лежали и на берегу Каменки. Большинство трупов было настолько изуродовано, что их не удалось опознать. Погребение политзаключенных признали важнейшей акцией, она контролировалась губревкомом.

В областном архиве сохранился доклад уполномоченного комитета М. Терлецкого, подготовленный 12 января 1920 года, в котором говорится о предпринимаемых мерах по организации похорон. Этот документ отражает особенности первых революционных ритуалов, большинство элементов которых используются до сих пор.

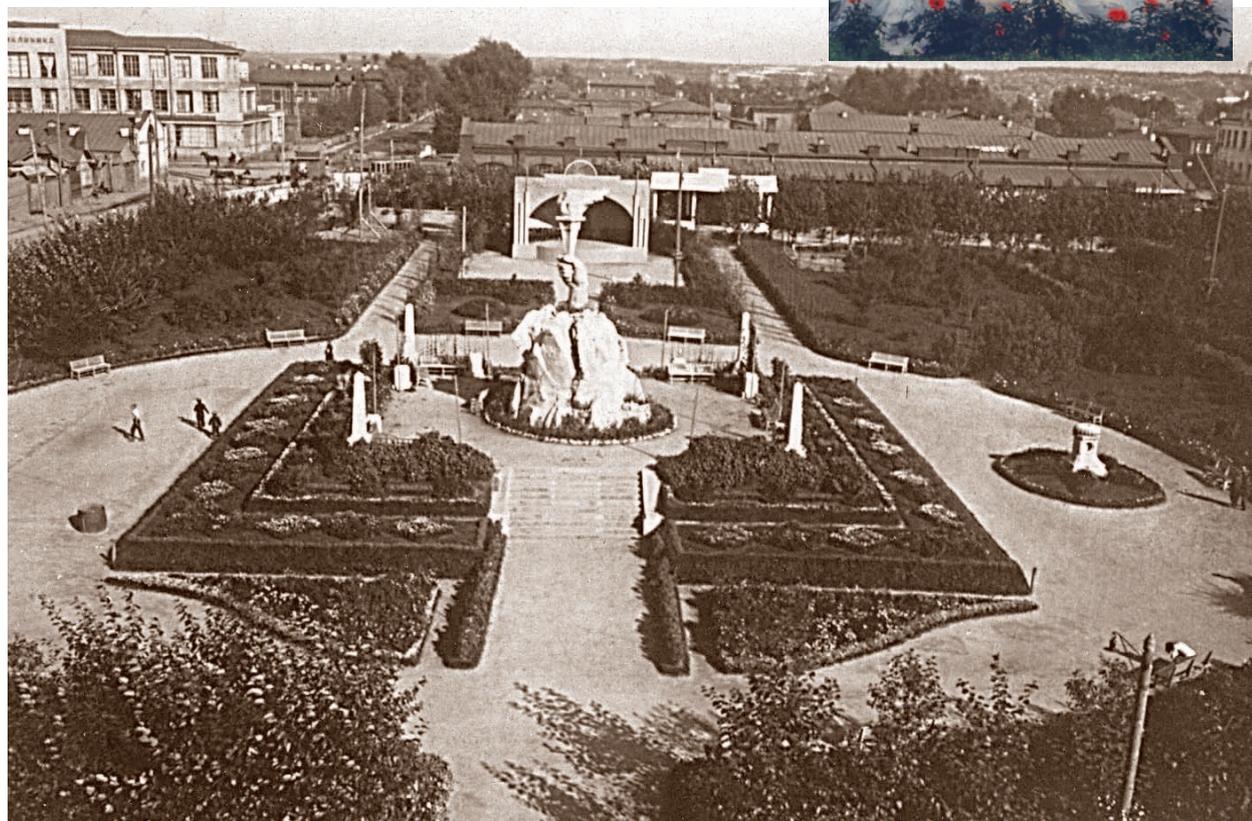
Как следует из доклада, трупы сначала свезли «в подвальное помещение для оттаивания». Потом «на площади вблизи электрической станции» стали рыть братскую могилу «размером 12 на 30 аршин и в глубину 5 аршин». Работа продвигалась медленно, поскольку земля промерзла «на целую сажень», но надеялись к назначенному сроку, т. е. к 22 января, работу закончить. Был сделан общий фотоснимок трупов. Кроме того, «были отобраны еще четыре группы от 12 до 13 человек в каждой в наиболее искаженном и изуродованном виде, и эти группы сняты в отдельности». Предполагалось «в день похорон вывесить пять этих снимков на площадке-трибуне, которая будет устроена на могиле, для обозрения по этим снимкам всех ужасов колчаковщины». Были также заказаны два транспаранта: «один черный и один красный», которые должны были быть «протянуты через улицу: черный — при выходе процессии на площадь и красный — по пути следования к братской могиле». На них лозунги. На черном: с одной стороны — «Спите спокойно, борцы мировой революции, память о вас будет жить навсегда» и с другой — «Прощайте же, братья, вы честно прошли свой путь благородный»; и на красном: с одной стороны — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и «Да здравствует международная социалистическая Федеративная Советская Республика», и с другой — «Никто не даст нам избавленья: ни бог, ни царь и ни герой, добьемся мы освобожденья своею собственной рукой». У входа к могиле соорудился помост и трибуна. «Над помостом впереди на двух штангах будет протянуто черное полотнище с художественной надписью: «Вечная память Вам, дорогие товарищи», а по бокам... два красных стяга с кистями, с лозунгами». Запланировали также венки из хвои для возложения на каждый гроб. Путь следования до могилы тоже предполагалось усеивать хвоей.

Разработали и церемониал погребального шествия, важными деталями которого были и хор, организованный «из трудящегося класса», и «все наличные силы местных военных и гражданских оркестров», и присутствие воинских частей гарнизона с артиллерией. Порядок шествия предлагался следующий. Участники шествия собирались перед зданием губревкома и с пением хора направлялись к похоронному бюро. «Впереди — губревком с наркомом со своими знаменами, за ними части войск с артиллерией, затем хор, за хором — партии и союзы, оркестр и затем частная публика. От похоронного бюро до места погребения порядок тот же с добавлением процессии с гробами между хором и оркестром. Гробы будут несены на руках».

Среди похороненных — председатель Новониколаевского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов В.С. Романов, именем которого названа одна из улиц города. Это захоронение явилось началом создания известного всем новосибирцам мемориального сквера Героев революции, расположенного за Домом Ленина.

Но не сразу образовался мемориальный комплекс. Сначала была только братская могила. 30 мая 1920 года на Красной площади, по сообщению новониколаевской газеты «Дело революции», имевшей в виду нынешнюю площадь Ленина, состоялся трудовой воскресник, на котором «были предприняты первые шаги по оборудованию и украшению могилы товарищей, павших жертвой белогвардейского насилия. Вокруг могилы приступлено к разбивке клумб, расположенных в художественном порядке. Всю работу по украшению могилы в течение воскресника невозможно было выполнить, но это послужило первоначальным фундаментом к дальнейшему оборудованию...»

В 1922 году, в день 5-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, на братской могиле установили мемориальный монумент по проекту художника В.Н. Сибирякова и инженера А.И. Кудрявцева. Он был сооружен на народные пожертвования. В эскизах В.Н. Сибирякова изображена рука рабочего с пылающим факелом, вырывающаяся из скалы. По первоначальному замыслу пламя должно было быть стеклянным, красным, светящимся ночью. В каменную глыбу даже впаляли бронированный кабель. Но в те годы не смогли быстро найти нужный материал, и пламя осталось железобетонным. В более позднее советское время вновь вспомнили о первоначальном проекте, но решили, что

памятник вписался в окружающую обстановку именно в таком виде: скорбном и не парадном, и оставили все как есть.

В 1927 году в сквере похоронили П.Е. Щетинкина, легендарного полководца гражданской войны.

В 1957 году сюда перенесли со старого кладбища останки убитых белочехами в 1918 году председателя ревтрибунала В.И. Петухова, председателя продовольственной комиссии и редактора газеты «Дело революции» Ф.П. Серебrenикова, председателя ЧК и комиссара труда Ф.И. Горбана, комиссара военного городка, одного из организаторов Красной гвардии в Новониколаевске Ф.С. Шмурыгина, члена Новониколаевского исполкома Д.М. Полковникова.

Памятник на братской могиле — бетонная глыба, расколотая вырвавшейся из-под земли мощной рукой с горящим факелом — был дополнен открытым в 1960 году сорокаметровым панно, посвященным памяти борцов за советскую власть, выполненным художником А. Чернoбровцевым при участии Д. Обуховского, Е. Александровой, Н. Мавроцкого. Позднее на центральной аллее сквера установили бюсты героев революции работы скульптора М. Меньшикова, погребенных здесь до 1958 года, а также В.Р. Романа и Е.Б. Ковальчук.

Похоронное бюро

В Ново-Николаевске уже в начале XX века появилось похоронное бюро, хозяином которого был Г.Ю. Булышко, ухитрившийся даже в советское время сохранять его в собственности своей семьи, передавая по наследству похоронное дело. «Отцы города» в основном понимали значение ритуальной службы. Первый поселковый староста И.Г. Титлянов за четыре месяца исполнения своих обязанностей успел организовать «канцелярию» и перепись населения в городе, а также построил «анатомический театр», попросту говоря, морг. Городская дума, всячески поощряя предпринимателей и частных владельцев, все-таки не забывала об интересах потребителей. Как и многое другое, содержание анатомического покоя и погребение усопших выставлялись на торги с целью сбить цену и отдать производство этих видов работ тому, кто назначит низшую. Торги каждый раз выигрывал Булышко и получал право заниматься похоронным делом.

В начале 1919 года (советская власть в Сибири еще тогда не установилась) появляется общедоступное бюро похоронных процессий А.К. Володина, которое расширяет объем услуг. Хотя услуги эти были доступны как раз не всем. И стоили они дороже, чем в бюро Булышко.

С установлением советской власти похоронное дело вменили в обязанности коммунального отдела Новониколаевского городского хозяйства, организованного после взятия Ново-Николаевска Красной Армией в декабре

1919 года. В январе 1920 года губревком, как один из важных, обсуждает возможность организации санитарного отряда и похоронного бюро. «Ввиду колоссального развития эпидемии тифа» губздраву предлагается в спешном порядке организовать санитарный отряд, а коммунальному хозяйству принять в свое ведение городское кладбище и немедленно приступить к открытию похоронного бюро. 17 марта 1920 года Сибревком принимает постановление об организации похоронного бюро.

В документах начала 1920-х годов встречается информация о «содержателе» похоронного бюро М.Н. Шубском, который обратился в коммунальный отдел с просьбой о регистрации своего заведения. Его ходатайство отклонили, а вопрос решили по-революционному просто: заведующему городскими зданиями старшему технику Клементьеву поручалось принять все имущество похоронного бюро Шубского со штатом служащих и рабочих в ведение коммунального отдела по акту. Таким образом, была проведена муниципализация ритуальной конторы, а бывший ее хозяин М.Н. Шубский стал первым советским заведующим похоронного бюро как государственного учреждения (назывался он еще и заведующим кладбищенским отделением). А в 1922 году уже функционировало кладбищенское отделение профсоюза работников коммунального хозяйства.

Сначала похоронное бюро располагалось в доме на Красном проспекте, 35. На протяжении многих лет оно испытывало значительные трудности: не хватало инструментов, стройматериалов, спецодежды. В 1920-е годы в период эпидемий бюро приходится хоронить ежедневно от 25 до 40 человек. Для рытья могил организуется артель, которая снабжалась «холерными пайками».

С образованием Новониколаевской губернии (13 июня 1921 года) коммунальный отдел переходит на работу в губернском масштабе. Погребение

■ Красный проспект и базар. Начало 1920-х

граждан, наблюдение за похоронным бюро и кладбищами является одной из функций подотдела коммунальных предприятий губкоммуналдела. Впоследствии подотдел неоднократно структурно перестраивался, то сливаясь с подотделом благоустройства, то выходя из него.

В 1922 году в городе имелось восемь кладбищ, расположенных за чертой города: Православное, Калачинское, Иудейское, Магометанское, Лютеранское, Военное, Эпидемическое, Закаменское.

К концу 1920-х годов проходит очередная реорганизация коммунального хозяйства. Похоронное бюро вошло в состав треста коммунальных предприятий общественного пользования «Хозкомбинат». В справочной книге за 1931 год «Весь Новосибирск» похоронное бюро (тогда оно находилось на углу улиц Щетинкина и Урицкого) отмечается уже в составе подведомственных учреждений «Коммунтреста» (Новосибирского коммунального треста предприятий общественного пользования).

К концу 1930-х годов у городских властей дошли руки и до серьезного анализа положения дел в вопросах захоронений усопших. В январе 1938 года на заседание президиума городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов выносится далеко не мажорная тема: «О состоянии похоронного дела в городе». В первом же абзаце постановления нашли отражение удручающе выводы:

«Похоронное дело находится в преступно запущенном состоянии: охрана кладбищ, контроль за захоронением почти отсутствуют; кладбища не огорожены, не благоустроены, а имеющиеся на центральном кладбище мастерские по обслуживанию нужд захоронения не отвечают элементарным требованиям, содержатся в антисанитарном состоянии. Катафалк,

■ Похоронный кортеж в Новосибирске, 1930-е годы

линейки, лошади, сбура и одежда служителей при похоронных процессиях по своему состоянию совершенно не удовлетворяют требований. На кладбищах нет правил о захоронении и содержании кладбищ».

В начале 1942 года специально разрабатывается положение о ведении похоронного дела в городе, которое утверждается решением исполкома Новосибирского горсовета. По этому положению похоронное бюро передавалось в ведение отдела коммунального хозяйства Заельцовского районного Совета депутатов трудящихся, становилось юридическим лицом и самостоятельной хозяйственной единицей, действующей на началах хозяйственного расчета и имеющей своей целью обеспечивать погребальные услуги населению и организациям.

Но уже в ноябре 1942 года отмечается, что все хозяйство похоронного бюро приведено к развалу, обслуживание трудящихся остается неудовлетворительным. Похоронное бюро выводится из ведения Заельцовского райкомхоза, не обеспечивающего руководство его работой, и снова передается как самостоятельная хозрасчетная единица в подчинение «Горземлетресту». Была обещана и конкретная помощь.

В июле 1943 года Новосибирский горисполком рассмотрел ходатайство директора завода запчастей Наркомата путей сообщения об отводе земельного участка для кладбища в районе станции Инская, взамен имеющегося на территории, отводимой под расширение предприятия. Ходатайство было удовлетворено. Под вновь организуемое кладбище было решено отвести участок земли размером 300х200 метров неподалеку от проектируемого жилого поселка. Предусматривалось его последующее расширение в восточном направлении. В августе того же года решается вопрос об официальном

■ Многолюдные похороны.
Новосибирск, 1930-е годы

закрытии кладбища на станции Инская. 21 ноября 1943 года в соответствии с ходатайством Октябрьского райкомхоза принимается решение о расширении существующего кладбища «путем прирезки к нему свободной территории» в районе улицы Воинской. В этом же году расширяется и кладбище Кировского района. Необходимость в тяжелейшие военные годы регулярно расширять городские кладбища вполне закономерна. И Новосибирск не являлся здесь исключением.

После войны Новосибирское городское похоронное бюро располагалось в Заельцовском районе на улице Дуси Ковальчук и находилось в числе предприятий и организаций, подведомственных управлению благоустройства и коммунальных предприятий Новосибирского горисполкома. В бюро дополнительно вошли Кировское, Первомайское и Октябрьское кладбища. Управление благоустройства и коммунальных предприятий очень строго относилось к работе похоронного бюро и требовало обеспечивать безусловное выполнение плана по оказанию ритуальных услуг и улучшать обслуживание населения. Кроме того, коммунальное начальство строго потребовало «запретить на Заельцовском кладбище производство посева картофеля».

Вплоть до начала 1960-х годов дела в похоронном бюро шли не лучшим образом. Самым большим недостатком в его работе было содержание кладбищ в неудовлетворительном состоянии.

Еще одну структурную перестройку это учреждение переживает во второй половине 1960-х годов. Сначала оно передается «в целях сосредоточения коммунальных предприятий в одном месте» из управления благоустройства

■ Похороны митрополита Варфоломея. 1956 г.

опять в управление коммунальных предприятий, а в 1969 году реорганизуется в трест похоронного обслуживания, который расположился теперь на улице Щетинкина.

В 1970-е годы похоронное бюро становится прибыльным, значительно повышается его статус. Ежегодно в кладбищенском деле происходят какие-либо существенные изменения, необходимые для городского хозяйства. В 1970 году ремонтируется дорога на Заельцовское кладбище, приобретаются киоск, автокатафалк, два трактора, ямобур, построены пилорама, котельная. К 1974 году построен мозаичный цех, введен в эксплуатацию цех металлических венков, построена контора на кладбище в Ленинском районе, изготовлена металлическая ограда на Первомайском кладбище, начато строительство столярного цеха. В течение последующих лет были построены ограды на кладбищах Советского, Ленинского Октябрьского районов, летний водопровод на Заельцовском кладбище. Введен в строй столярный цех, построена линия электропередачи. В 1977 году закончены реконструкция и оформление помещения похоронного бюро, куда вошли регистрационный зал, магазин-салон и склад с предметами похоронного ритуала; здесь же изготавливались фотографии и траурные ленты по просьбам клиентов.

Несомненным успехом городского руководства и комбината спецобслуживания стало завершение строительства мемориала на Заельцовском воинском кладбище, восстановление и увековечение имен и воинских званий всех захороненных.

Мария КОРСАКОВА

■ *В последний путь. Новосибирск, 1950-е — 60-е годы*

Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю,
И каждый раз гляжу окрест,
И над берёзами встречаю
Всё тот же золочёный крест.

Среди зелёной густоты
Карнизов обветшалых пятна,
Внизу могилы и кресты,
И мне — мне кажется понятно,
Что шепчут куполу листья.

Ещё колеблясь и дыша
Над дорогими мертвецами,
Стремлюсь куда-то, вдаль спеша,
Но встречу с тихими гробами
Смиренно празднует душа.

Афанасий ФЕТ

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**СУХАРЕВ
Константин
Константинович**
(1912–2004) —
журналист,
краевед,
популяризатор
шахмат

Родился в г. Ачинске. В 1928 г. окончил среднюю школу, после чего работал в геодезической партии.

В 1930-е годы стал одним из сильнейших шахматистов Сибири. В 1935 г. принял участие в полуфинале первенства РСФСР по шахматам, по результатам которого поделил третье призовое место.

Переехал в Новосибирск в 1935 г. Работал геодезистом в Западно-Сибирском земельном управлении, а с 1937 г. в Новосибирском аэрогеодезическом предприятии.

В 1942 г. был мобилизован в действующую армию. Был командиром миномётного отделения. Получил тяжёлое ранение, в 1943 г. был уволен в запас.

Вернулся в Новосибирск, преподавал геодезию в Новосибирском топографическом училище. С 1958 г. и до выхода на пенсию в 1972 г. работал старшим инженером по геодезии, затем главным специалистом проектного института «Сибгипролеспром».

С 1945 г. вел тему шахмат в газете «Советская Сибирь». В 1963-1991 гг. — редактор шахматного отдела газеты «Вечерний Новосибирск».

С 1968 по 1989 год Константин Константинович Сухарев — председатель, с 1989 года — почётный председатель Новосибирской областной шахматной федерации.

В 1972 г. по его инициативе в Новосибирске был открыт Городской шахматный клуб, воспитавший таких незаурядных шахматистов, как Александр Хасин, Александр Фоминых, Вадим Рубан, Александр Гольдин. В 1988 г. сборная НГШК стала чемпионом страны среди клубов, а 19-летняя Юлия Дёмина стала чемпионкой СССР.

С 1992 года член комиссии по истории города Новосибирска.

Памяти Константина Сухарева посвящён Международный фестиваль «Сибирь шахматная», проходящий ежегодно с 2005 г. в Новосибирске.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**ЛЫКОВ
Геннадий
Дмитриевич**
(1932–2001) —
инженер-строитель.
Почетный житель
Новосибирска,
лауреат
Государственной
премии СССР, Герой
Социалистического
Труда

Родился в Абакане. В 1948 г. окончил среднюю школу. В 1952 г. окончил строительный техникум, а в 1957 г. — Новосибирский инженерно-строительный институт.

С 1958 г. работал в строительной организации «Сибкадемстрой» (г. Новосибирск), занимавшейся строительством объектов атомной промышленности. Последовательно прошёл все должностные ступени: мастер, главный инженер участка, начальник участка, в 1973 г. назначен главным инженером, а в 1974 г. — начальником «Сибкадемстроя».

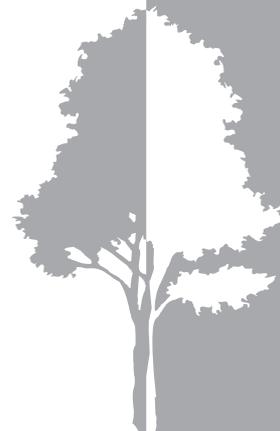
В течение 27 лет он успешно руководил коллективом этой крупнейшей строительной организации Сибири. Под его руководством «Сибкадемстроем» построены десятки уникальных зданий: комплексы Новосибирского Академгородка, Сибирского отделения Всесоюзной Академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (пос. Краснообск), НПЦ «Вектор» и п. Кольцово, курорта «Белокуриха» (Алтайский край), комплекс Новосибирского завода химконцентратов, оригинальные

здания Театра кукол и кинотеатра имени Маяковского в Новосибирске, заводские корпуса и тысячи квартир для новосибирцев.

В 1986 г., после аварии на Чернобыльской АЭС, Г. Д. Лыков был назначен начальником Управления строительством № 605 (УС-605), созданного для возведения саркофага над разрушенным четвёртым блоком АЭС. В УС-605 были отобраны лучшие кадры по строительным и монтажным работам, в основном из «Сибкадемстроя».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 г. за мужество, самоотверженные действия и трудовой героизм, проявленные при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС и устранении её последствий Лыкову Геннадию Дмитриевичу присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1989-1990 гг. также принимал активнейшее участие в ликвидации последствий катастрофического землетрясения в Армении.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

НОВИКОВ

Андрей Порфирьевич

(1909–1979) — композитор, исполнитель, музыкальный и общественный деятель. Народный артист РСФСР (1968), лауреат Государственной премии РСФСР (1975). Основоположник сибирской профессиональной музыкальной культуры

В семье Новиковых особенно любили русскую народную песню. Андрей брал музыкальные уроки у театрального скрипача Свинкина, учился теории музыки у композитора К. Н. Нечаева, уважение к которому сохранил на всю жизнь.

В 1927 г. поступил в музыкальный техникум в Томске, учился по классу скрипки и по классу композиции. По окончании техникума в 1931 г. получил направление в Ленинградскую консерваторию, обучался композиции у известных педагогов П. Б. Рызанова и М. А. Юдина. Окончить консерваторию не смог по семейным обстоятельствам — в связи с болезнью родителей в 1935 г. был вынужден вернуться в Новосибирск.

Работал в Новосибирском радиокомитете музыкальным редактором. В ноябре 1939 г. стал художественным руководителем вновь созданного Ансамбля песни и пляски СибВО. Активно участвовал в формировании коллектива вместе с начальником ансамбля политруком В. М. Пухначёвым (впоследствии известным поэтом-песенником).

В годы Великой Отечественной войны ансамбль СибВО выступал перед воинскими частями, давал концерты в прифронтовой зоне, выезжал на Карельский и Северо-Западный фронты.

В середине 1960-х годов возглавил Ансамбль песни и пляски Северной группы войск.

В 1968 г. вышел в отставку и возвратился в Новосибирск, где стал руководителем Сибирского русского народного хора. С 1944 по 1965 и с 1976 по 1979 годы — председатель правления Сибирской организации Союза композиторов РСФСР.

Постановлением Совета Министров РСФСР от 15 декабря 1981 г. детской музыкальной школе № 7 города Новосибирска было присвоено имя А. П. Новикова.

11 декабря 1982 г. на доме, где жил А. П. Новиков (Красный проспект, 56), открыта мемориальная доска.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

НИКУЛЬКОВ

Анатолий

Васильевич

(1922–2001) —
писатель, критик.
Работал главным
редактором
(1975–1987) журнала
«Сибирские огни»

Анатолий Васильевич Никульков родился в Воронеже в семье партийных работников. В 1929 г. в связи с новым назначением отца семья переехала в Новосибирск. В 1937 г. отец был арестован и расстрелян.

В 1940 г. Анатолий Васильевич был призван в армию. Служил на Дальнем Востоке, в 1945 г. участвовал в боях против японской Квантунской армии в Маньчжурии. Награждён медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Японией», после окончания службы вернулся в Новосибирск.

В 1952 г. окончил заочно исторический факультет Новосибирского пединститута. Тогда же выпустил первую книгу очерков «Пионерское лето». Позже были книги «Гордая фамилия», «Достойные счастья», «Крепину приходится отступить». В 1964 г. в Новосибирске был издан его роман «В буче», переизданный в Словакии в 1965 г. В 1967–1970 гг. опубликовал в «Сибирских огнях» две книги

романа «На планете, мало оборудованной» о Маяковском. С 1975 по 1987 годы редактировал журнал «Сибирские огни»: в период его редакторства в журнале печатались В. Шукшин, В. Астафьев, Н. Самохин, проза композитора Н. Богословского.

В 1987 г. был издан роман Никулькова «Школьники», повествующий о судьбе ребят в эпоху сталинских репрессий. Ряд книг посвящён сибирским поэтам А. Смердову, В. Пухначеву, Л. Мартынову.

В 1990 г. А.В. Никульков стал лауреатом премии им. Н. Гарина-Михайловского за книги «Современник из прошлого века» и «В буче».

Похоронен на Заельцовском кладбище Новосибирска.

В Новосибирске на доме по адресу ул. Депутатская, 38, где жил писатель, установлена мемориальная доска.

«МЫ ПО СВЕТУ ЕЕ РАЗНЕСЛИ...»

В 1924 году недавно оказавшийся в Харбине Алексей Ачаир в стихотворении «В странах рассеянья» писал:

Не сломила судьба нас, не выгнула,
хоть пригнула до самой земли...
А за то, что нас Родина выгнала,
мы по свету ее разнесли.

Вряд ли он мог тогда предполагать, что это его стихотворение для нескольких поколений русских эмигрантов, разбросанных по миру, станет и своеобразным реквиемом, и эпиграфом их покореженных судеб. Но так и случилось. Что вполне логично, ибо собственная планида поэта как капля воды отразила и преломила всю трагедию российской эмиграции двадцатого столетия, трагедию людей, вынужденных не по своей воле покинуть родину и искать счастья на чужбине.

Алексей Алексеевич Ачаир (настоящая фамилия Грызов) появился на свет 5 (17 по н. ст.) сентября 1896 года в станице Ачаир под Омском. С апреля 1917 года, когда появится в омской газете «Деловая Сибирь» первое стихотворение Алексея Грызова, название малой родины превратится в его поэтический псевдоним. А еще позже в стихотворении «Моему другу» за подписью — И. Буранов (еще один его, правда редко используемый псевдоним) он напишет:

Что такое: Ачаир?
Это только селенье простое?
Для тебя отразившийся мир
Растворился в нем — каплею в море!..

Родился он в семье полковника Сибирского казачьего войска Алексея Георгиевича Грызова. По одним сведениям, детство свое Алексей Алексеевич провел в Омске, по другим (предположительно) — в Семиречье, в гарнизоне Джаркента (Туркмения), где одно время служил его отец. Косвенное

тому подтверждение находим в некоторых стихах А. Ачаира с восточными мотивами («Семиречье», «Сбор винограда» и др.). Но начало своему образованию положил он в Омске — в кадетском корпусе.

У этого учебного заведения была славная история. Свое начало оно брало от Войскового училища Сибирского казачьего войска, основанного в 1813 году. В 1846-м училище преобразовали в кадетский корпус, который стал готовить офицеров для всей Сибири. Из стен корпуса вышло

■ Казачата. Начало XX века

немало прекрасных офицеров, талантливых военачальников и храбрых воинов. Таких, например, как генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов или командующий 1-й Сибирской армией А.Н. Пепеляев. Более сотни выпускников корпуса стали Георгиевскими кавалерами. За большие заслуги император Николай II наградил учебное заведение в 1913 году Юбилейным знаменем и почетным наименованием «Первый Сибирский Императора Александра I кадетский корпус».

В том же году кадет и начинающий поэт Алексей Грызлов писал:

И много из корпуса вышло людей,
И жизни они не щадили своей,
И свято, и верно за Родину-мать
Стояли, стоят и ввек будут стоять.

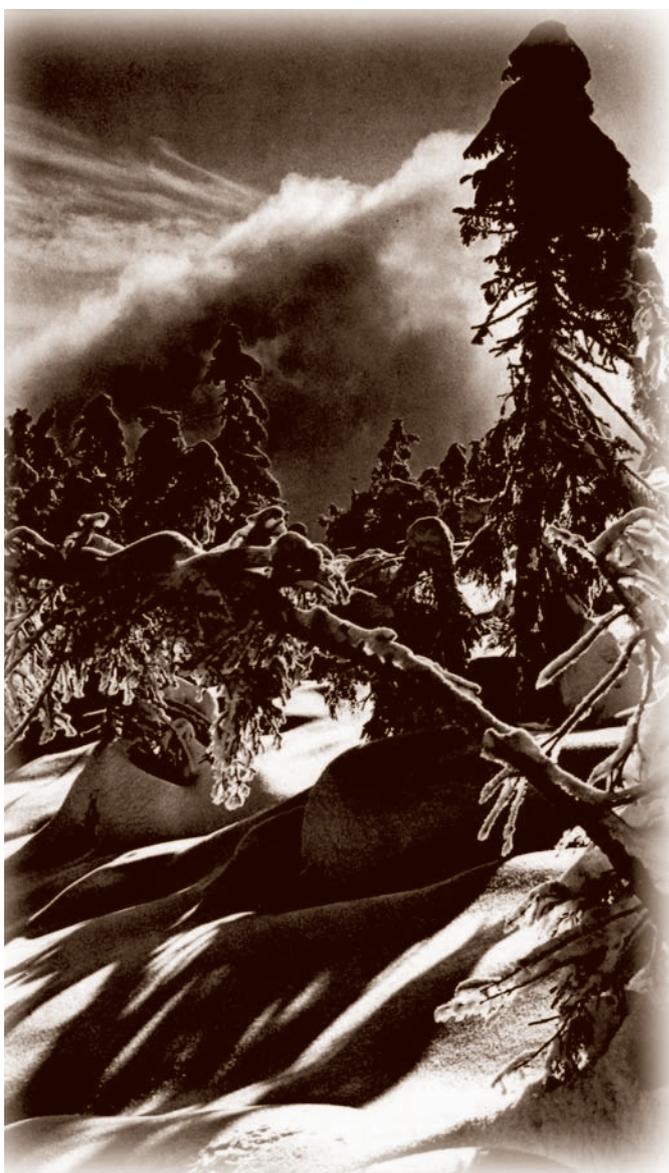
Славы Сибирского кадетского корпуса Грызлов-Ачаир не посрамил. Окончил он его с золотой медалью и в будущем показал себя храбрым воином.

Впрочем, по военной стезе жизнь Грызлова пошла не сразу. После окончания в 1914 году кадетского корпуса Алексей решил продолжить образование и поступил в Москве на инженерный факультет Петровско-Разумовской земледельческой академии (в будущем — Сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева).

Учебке на четвертом году обучения помешали революционные события. Алексей Грызлов возвращается в Омск. Сложившийся к тому времени областник по внутреннему убеждению, он вливается в Белое движение в Сибири. А с мая 1918 года, вступив рядовым-добровольцем в пулеметную команду партизанского отряда атамана Красильникова, Алексей Грызлов становится активным участником Гражданской войны.

Военного лиха ему пришлось хлебнуть сполна. Был контужен на уральской реке Белой при взрыве моста, тяжело переболел тифом. С июня 1919 года служил в штабе 1-й Сибирской казачьей дивизии. Участвовал в легендарном

Великом Сибирском Ледяном походе, который начался в ноябре 1919 года в Новониколаевске и Барнауле и завершился в марте 1920 года в Забайкалье. На станции Тайга Алексей Грызлов отморозил правую ступню и чуть не лишился ноги. Во время похода при отступлении дивизии из-под Красноярска (деревня Минино) старший урядник Грызлов вынес дивизионное знамя, за что был удостоен Георгиевского креста. А после окончания Ледяного похода и разгрома колчаковцев в сентябре 1920 года он, к этому времени уже в чине вахмистра, через забайкальскую тайгу в одиночку пробирался к войскам атамана Семенова. Насколько тяжел и труден был этот путь, можно судить из собственного признания Грызлова, которое он делает в письме от 4 июня 1927 года Г.Д. Гребенщикову: «Вы не знаете, что семь лет тому назад я один бродил в оленьей шкуре, полубосой, голодный, дикий — по Якутской тайге моей

любимой Сибири. Я слеп в тайге, я шел по бадарану¹, ступая окровавленными ступнями на острые сухие стебли прошлогодних трав, я сидел у реки три дня и глодал выброшенную на берег гниющую рыбу и искал смерти...»

В том же году приказом атамана Семенова был произведен в хорунжие. Свою военную службу Алексей Грызлов заканчивал в Приморье, в Гродековской группе войск. В феврале 1922 года по заключению врачей он был уволен из армии по состоянию здоровья.

Особых раздумий, чем теперь заниматься дальше, у него не было. Безусловно, литературным творчеством! Тем более что определенная практика имелась: стихи под псевдонимом А. Ачаир и его публицистические статьи уже печатались в сибирских газетах «Наша заря», «Русский голос», «Вечер», «Копейка» и др. Поэтому появление Грызлова-Ачаира во владивостокской газете «Последние известия», издаваемой областной группой А.В. Сазонова, вполне

¹ Бадараны — в болотистых местах восточносибирской тайги проталины-окошки вечной мерзлоты.

логично. Ее он редактирует с февраля по октябрь 1922 года. Но с приходом Красной армии и освобождением Приморья от белогвардейцев и интервентов он вынужден удариться в бега. В конце 1922 года А. Ачаир попадает в Корею, оттуда — в Маньчжурию, в главный ее город Харбин. Здесь начинается новый, едва ли не самый значительный период его жизни.

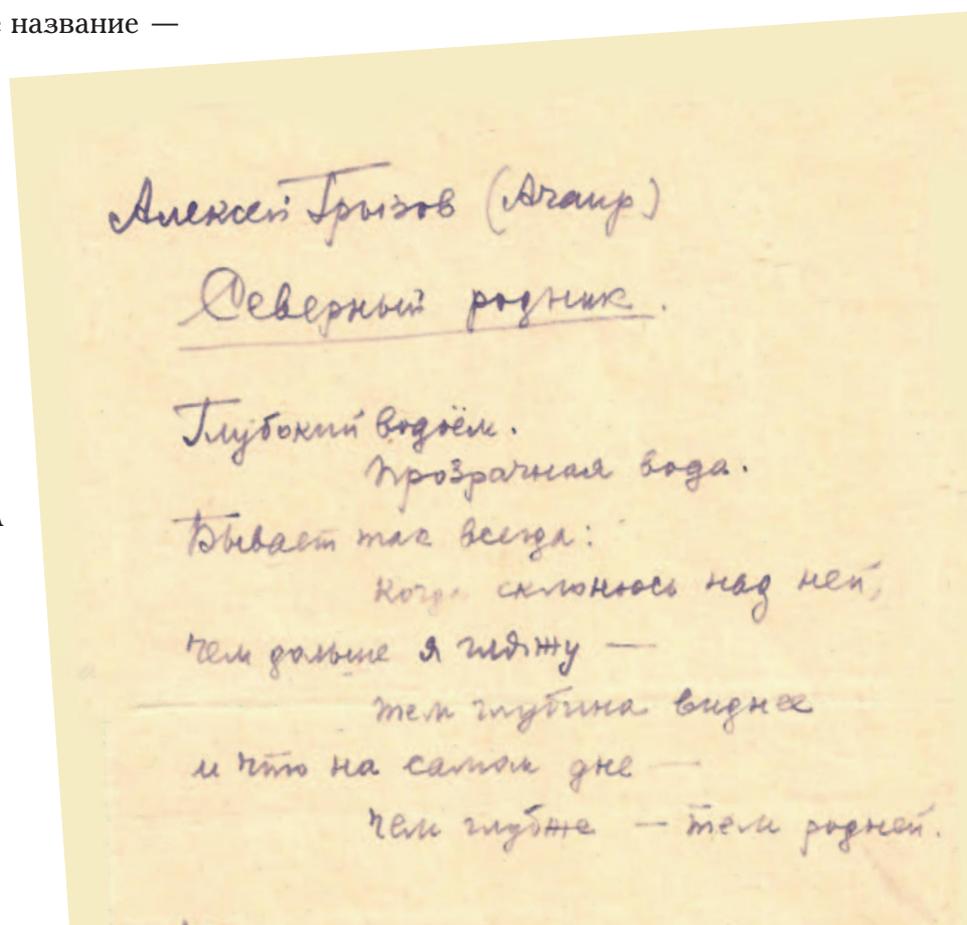
Харбин той поры был столицей российской эмиграции на Дальнем Востоке и практически русским городом. Здесь существовала целая сеть русских школ, многочисленных профессиональных курсов, были даже высшие учебные заведения. А. Ачаир вполне успешно вписался в харбинскую интеллектуальную атмосферу.

Поначалу работал в местных газетах, а с 1924 года занимал должность «секретаря-заведующего» отдела образования ХСМЛ (Христианский союз молодых людей) — организации миссионерского толка, которая вела большую культурно-воспитательную работу среди русской эмигрантской молодежи Харбина, а также преподавал в гимназии и колледже при ней. С этого времени, собственно, и начинается многолетняя педагогическая деятельность Алексея Алексеевича, которая продолжится до самой его кончины.

По инициативе А. Ачаира в ноябре 1925 года в стенах ХСМЛ образовался юношеский «кружок русской культуры», объединявший около двух десятков молодых людей от пятнадцати до двадцати лет. Именовался он, совсем как у Пушкина, «Зеленая лампа», но с августа 1927 года за ним закрепилось другое название —

«Молодая Чураевка». И не случайно.

К этому времени широко известность обретает творчество Георгия Гребенщикова, одним из горячих поклонников которого был и А. Ачаир. Не меньший интерес у русской интеллигенции за рубежом вызывала и создаваемая им русская деревня Чураевка, названная по ассоциации с фамилией

главного героя романа «Чураевы», строительство которой в 75 милях от Нью-Йорка Г.Д. Гребенщиков начал в 1925 году. Чураевка была задумана писателем как своего рода «скит русской культурной мысли», в ней жили и работали известные деятели русской эмиграции (М. Чехов, С. Рахманинов и др.). Он же, Г.Д. Гребенщиков, к созданию маньчжурской Чураевки и А. Ачаира подтолкнул. В завязавшейся между ними в марте 1927 года переписке Г.Д. Гребенщиков в письме от 2 мая 1927 года предлагает своему харбинскому почитателю: «Вот и давайте, открывайте там, в Харбине, отделение Чураевки...» И такое «отделение» А. Ачаиром было открыто. Более того, сам Г.Д. Гребенщиков его и «освятил», послав по просьбе А. Ачаира в августе 1927 года письмо-напутствие членам «Молодой Чураевки», где вместе с добрыми пожеланиями дал ряд полезных практических советов.

Несколько лет «Молодая Чураевка» складывалась как литературная студия. Три года под редакцией А. Ачаира она выпускала свой ежемесячный «ХСМЛ-Журнал». Вокруг А. Ачаира объединяется талантливая харбинская молодежь. В период расцвета студии к началу 1930-х годов здесь уже до полусотни поэтов и прозаиков, среди которых Валерий Перелешин, Владимир Слободчиков, Николай Щеголев, Ларисса Андерсен и др. в недалеком будущем известные литераторы русской эмиграции. Стихи наиболее талантливых из них составили коллективный сборник «Семеро», выпущенный также под редакцией А. Ачаира.

«Молодая Чураевка» обретает все большую популярность. На ее собраниях и вечерах яблоку негде упасть. Из узкого литературного кружка она

■ «Молодая Чураевка»

превращается в настоящий островок русской культуры в Китае, становится прибежищем значительной части эмигрантской молодежи. И магнетизм личности самого А. Ачаира, которого воспитанники горячо любили, если не сказать — боготворили, что подтверждается их многочисленными очень теплыми воспоминаниями, играл тут не последнюю роль. Но и Алексей Алексеевич не оставался в долгу, отдавая им душу и сердце.

При этом сам он к своим педагогическим способностям относился весьма скептически. В письме к Г.Д. Гребенщикову от 4 июня 1927 года А. Ачаир писал: «Из меня никогда не выйдет (я и не стремлюсь быть им) ни педагог, ни воспитатель». Хотя тут же и объяснял почему, несмотря на трудности, не оставляет работы с молодежью: «Но я должен помнить, что молодежь меня считает старшим другом и больше того — старшим братом. Не оправдать ее веры было бы моим логическим концом». В не меньшей мере двигало А. Ачаиром чувство долга, убеждение в необходимости делиться с молодежью своим опытом, знаниями, умением (в том числе и литературным). В том же письме читаем: «...Ведь все мы должны — следующему за нами поколению, которое мало хорошего видело, да и сейчас видит в жизни. И лишать их даже части того, что нам в свое время дала жизнь, — это значит сознательно убивать и свое, и их, и общее для всех нас, связанных принадлежностью к одной Стране и народу — убивать будущее».

За восемь лет существования «Молодой Чураевки» (до 1933 года) через нее прошла практически вся харбинская молодая литературная поросль. И по большей части именно благодаря А. Ачаиру маньчжурская «Чураевка» стала заметным явлением в культурной жизни русского зарубежья.

Служба на ответственном посту в крупной международной организации, преподавание, активная общественная деятельность (а был он еще и председателем Общества сибирских казаков, председателем издательской комиссии общества кадетов) отнимали у А. Ачаира очень много времени и сил в ущерб собственному творчеству. Об этом свидетельствует косвенно и тот факт, что, дебютировав с книжкой «Первая» в Харбине в 1925 году, следующий сборник стихов «Лаконизмы» А. Ачаир выпускает уже только в 1937 году, когда «чураевский» период его жизни остался далеко позади. Тогда уже и книги у него стали выходить (в том же Харбине) одна за другой: «Полынь и солнце» (1938), «Тропы» (1939) и, наконец, «Под золотым небом» (1943). Тем не менее, ни при каких обстоятельствах А. Ачаир литературного творчества не оставлял.

Тут надо иметь в виду, что изданием поэтических книжек оно не ограничивалось. А. Ачаир много публиковался в эмигрантской прессе Харбина, Шанхая, Пекина, в частности, был постоянным автором журналов «Рубеж», «Луч Азии». В 1933 году стихотворная подборка А. Ачаира появилась в коллективном сборнике «Парус», а в 1936-м его стихи попали в первую эмигрантскую антологию «Якорь» (Берлин). Да и занимался А. Ачаир не только

поэзией. Есть у него и прозаические опыты. В одном из писем Г.Д. Гребенщикову он упоминает о двух своих еще «не обработанных» романах: «Валерий Бухтармин» и «Храм огня Востока»¹. Но в первую очередь и главным образом он, конечно же, — поэт.

Значительную роль в формировании поэтического лица А. Ачаира сыграл Николай Гумилев. В общем-то, вся харбинская ветвь эмигрантской лирики выросла под его влиянием. Их беженская судьба и сама экзотическая аура, в которой жили «поэты-изгнанники», способствовала тому, что поэт-путешественник и поэт-конквистадор Гумилев, принявший мученическую смерть от большевиков, для многих из них стал поэтическим знаменем и ориентиром. А. Ачаиру — потомственному казаку, солдату Белой гвардии, прошедшему с ней до конца трагический путь, охотнику и путешественнику — Н. Гумилев особенно духовно близок. Не случайно для обоих центральной, стержневой и связующей становится «идея пути». Даже сами названия многих стихотворений А. Ачаира — «Снова в путь», «Коней седлали», «Дорога к дому», «Он водил Добровольного флота...» и др. — недвусмысленно ее подчеркивают.

Географический диапазон странствий А. Ачаира не менее впечатляющ, чем у Н. Гумилева. Как отмечал журнал «Рубеж», «вехами на пути его

¹ Сведений о публикации этих произведений нет, архив же А. Ачаира после его депортации в СССР был уничтожен.

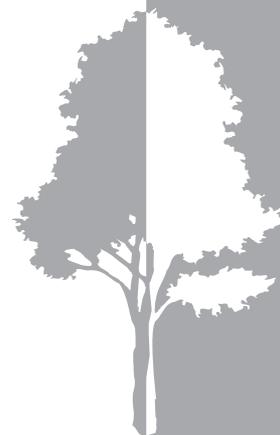

(Ачаира. — А. Г.) жизни мелькали Туркестан, Кавказ, Сибирь, Поволжье, Алтай, Якутская область, Владивосток, Корея, Шанхай, Гонконг, Филиппинские острова, Харбин...» Путь, дорога для А. Ачаира — также благодатная стихия, где ему вольно дышится. Но если гумилевская «охота к перемене мест» основывалась на романтическом авантюризме и космополитизме, а сам он предстал перед читателем «гражданином мира», то «идея пути» А. Ачаира питалась другими истоками, где были и казацкие походы, и боевой опыт Гражданской войны, и скитания в таежных дебрях родной Сибири. Иным был и сам характер пути А. Ачаира, по которому шел он одержимый не романтической страстью, а волею трагической судьбы, вырвавшей его из родной почвы и сделавшей перекасти-полем. Со всей очевидностью проявляется это уже в дебютной книге А. Ачаира «Первая», камертоном которой становится стихотворение «В странах рассеянья». Вместе с тем, оторванный от корней лирический герой А. Ачаира остается патриотом России. Несмотря на нанесенные обиды, несет он по планете ее материнской образ («а за то, что нас Родина выгнала, мы по свету ее разнесли»).

Сама же Россия ассоциируется у А. Ачаира прежде всего с взрастившей его «малой родиной» — Сибирью. Более того, обе они находятся у поэта в единой неразрывной «связке»: «Святая Русь — Суровая Сибирь». Ей хранил он верность, ей посвящал в разные годы проникновенные стихи («Сибирь», «Ангара», «Тайга» и др.). Через ее призму смотрит он на покинутую Россию. Именно ее природа отодвигает на задний план все остальные экзотические красоты мира. И не только экзотические. В стихотворении «В тайге» А. Ачаир писал:

Стихов о кленах я не признаю,
плачущих ив печаль мне непонятна.
Люблю Сибирь, люблю тайгу мою
и мхов-ковров причудливые пятна.

То, что именно Сибирь стала отправной точкой его поэзии, так или иначе свидетельствует присутствующая в стихах А. Ачаира «казацкая» тема. Именно сибирский казак-первопроходец, расширяющий для своей родины географические пределы, на долгое время становится героем многих его поэтических произведений (поэма «Казачья», стихотворения «Казачья империя», «Коней седлали», «Казачьи реки», «Атаман на страже» и др.) или присутствует в них. Даже эпиграф, которым А. Ачаир снабдил свою третью книгу «Полынь и солнце» — «От стремени — к стремени, от сердца — к сердцу» — лишней раз подчеркивает приверженность поэта казацкому братству. Не удивительно, что многие современники поэта (да и нынешние казаки тоже) причисляли (и причисляют) А. Ачаира к «казацким» поэтам, хотя творчество его, конечно же, гораздо шире одной, хотя и достаточно заметной тематической ветви. Это подтверждают и сегодняшние исследователи. Так, анализируя мотивы, образы и лирические приоритеты

творчества А. Ачаира, А. Забияко решительно снимает с него ярлык «казачьего» поэта и определяет его как художника, соединяющего в себе гумилевскую пассионарность и блоковский лиризм с «дальневосточными» мотивами¹. Что же касается осмысления «казачьей» темы, то здесь А. Ачаир был весьма близок к таким современным ему «казацким» поэтам, как Н. Евсеев, А. Перфильев или Н. Туроверов. Как и у них (как, впрочем, и вообще у поэтов первой волны эмиграции), у него краеугольным становится мотив родины и изгнания.

Что же касается Сибири в целом, то она для А. Ачаира — даже и не тема и тем более не просто какой-то выигрышный для поэтической эксплуатации предмет. Сибирь для него — «отцовское наследство», которое он призван свято беречь, а с другой стороны, некая константа, устойчивое внутреннее самочувствие, противостоящее жизненным тайфунам. Даже вдали от родной Сибири А. Ачаир продолжал жить и дышать ею. Вот и в письме Г.Д. Гребенщикову 28 марта 1927 года он признается: «Мне не о чем думать, кроме Сибири». И Георгий Дмитриевич, сам бесконечно влюбленный в Сибирь, А. Ачаира горячо поддерживал и советовал «вникать во всю

¹ Забияко А. Тропа судьбы Алексея Ачаира. — Благовещенск, 2005.

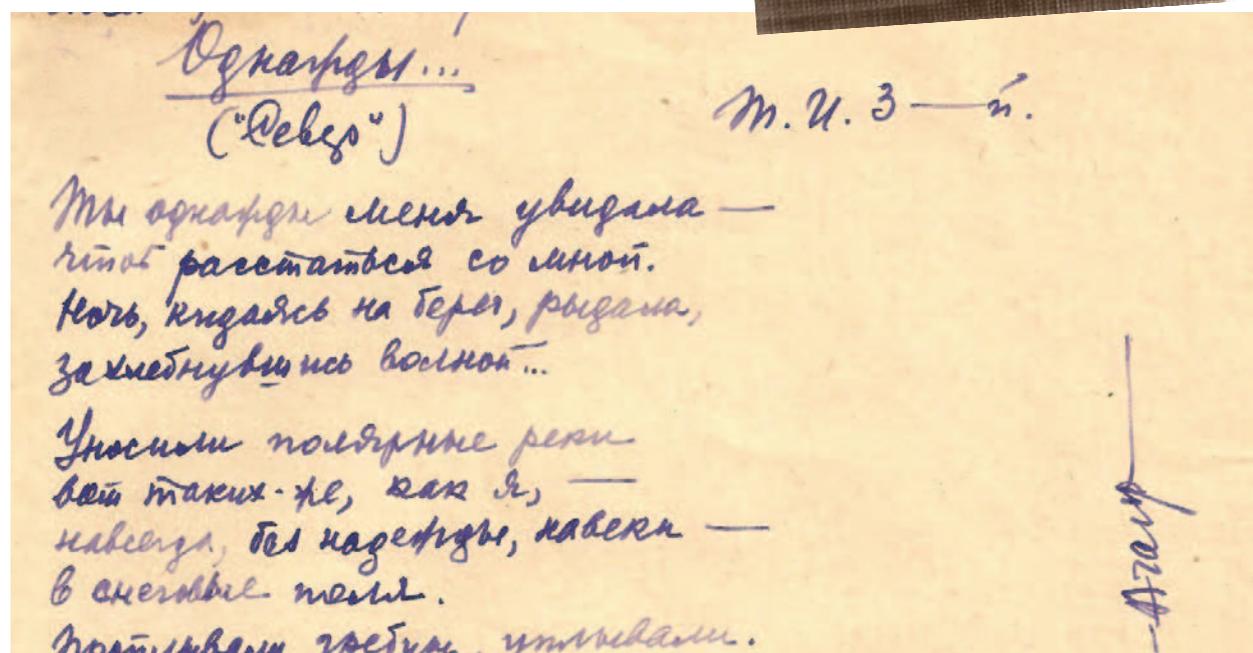
■ Алексей Ачаир в Харбине среди русских поэтов (слева направо: В.К. Обухов, М.А. Шмейсер, Н. Ильнек, А.И. Несмелов, А. Андреева, А.А.Ачаир)

географически-историческую правду, говорящую о величайшем, о всемирном будущем Сибири». Да и поэтическое творчество молодого тогда еще стихотворца знаменитый писатель оценивал прежде всего с «сибирских» позиций: «Теперь о вашем личном — о стихах. Они мне нравятся, особенно сибирские». Хотя и в целом поэтический талант А. Ачаира он оценивал достаточно высоко: «Я прочел книгу Ваших стихов и нахожу, что Вам грешно роптать. Вам отпущено Богом так много...»

Пройдет чуть более десятка лет. А. Ачаир выпустит еще две книги. К этому времени он, наряду с Арсением Несмеловым, станет самой заметной и яркой фигурой в литературных кругах русского Харбина.

Вторая половина 1930-х — начало 1940-х годов было временем наивысшей творческой активности А. Ачаира. Его известность выходит за границы харбинского литературного круга, а с публикацией стихов в Праге, Париже, Нью-Йорке становится международной.

Ряд рецензентов, а впоследствии и многие мемуаристы отмечали музыкальность поэзии А. Ачаира. Знарок русского Харбина Е.П. Таскина писала: «Музыкальность поэта, по-видимому, определила своеобразную поэтику его стихов: они легки, изящны, напевны (особенно “Пичуга”, “Взгрустнулось” и др.). В них звуковое очарование ритмики, хотя на некоторых лежит печать эстетизма, отвлеченности от реальной жизни, — он черпал поэтические интонации из эпохи, среды, в которой жил. И

вообще стихи его, как и слова любой песни, немного теряют просто при чтении без музыки». Не удивительно, что многие популярные песни для харбинской молодежи были написаны на слова А. Ачаира.

Музыкальность поэзии А. Ачаира шла не в последнюю очередь и от его собственной врожденной музыкальности. А профессиональное знание законов композиции помогло ему сполна реализоваться в жанре поэтической мелодекламации. Здесь А. Ачаир шел по стопам очень модного тогда А. Вертинского, поэтический мир которого и своим глубоким романтизмом и восторженной сентиментальностью был ему очень близок. Он подбирал к собственным стихам мелодии и исполнял их на вечерах и концертах. Они, по вос-

поминаниям современников, были «главной приманкой» вечеров «Чураевки». Его мелодекламации пользовались у харбинской публики неизменным успехом еще и потому, что отличались высоким и эффектным исполнительским мастерством. Впрочем, не только...

Сама его внешность притягивала поклонников. По воспоминаниям Е.П. Таскиной, «высокий, стройный, выдержанный, даже молчаливый в повседневной жизни учебного заведения, где А.А. Грызлов работал, он преображался у рояля во время мелодекламаций своих стихов. Делал он это своеобразно, но

очень артистично». А вот как предстает А. Ачаир в описании бывшего «чураевца» М. Волина: «Внешность его никак не соответствовала происхождению. Тонкий в кости, изящный, с золотой шапкой вьющихся волос, хороший пианист, он скорее походил на рафинированного эстета петербургских гостиных, чем на сибирского казака». «Хрупкий, несмотря на свой высокий рост, белокурый и голубоглазый, типичный северянин, Ачаир мало напоминал сибирского казака — они большей частью коренастые, смуглые, черноволосые», — вторит ему другой «чураевец».

Естественно, что особенным успехом «лирический романтик», как он сам себя называл, А. Ачаир пользовался у особ противоположного пола. Эта популярность на рубеже тридцатых-сороковых годов свела поэта с восходящей звездой

АЛЕКСЪЙ
А Ч А И Р
ПОД
ЗОЛОТЫМ
НЕБОМ
5-я КНИГА СТИХОВ

1943
ХАРБИН

Харбинской оперы Гали Аполлоновной Добротворской. Ее блестящая музыкальная карьера началась в 1940 году и продолжалась до 1950-х годов. Гали стала его женой и музой. У них родился сын Ромил. И ему, и жене А. Ачаир посвятил целый ряд трогательных стихов.

В 1943 году А. Ачаир издал последний поэтический сборник «Под золотым небом». К этому времени в жизни русского Харбина и самого Грызова-Ачаира многое переменилось. В 1931 году Харбин был оккупирован японцами, и многие поэты уехали в Шанхай, Пекин и другие города Юго-Восточной Азии. А. Ачаир остался в Харбине и продолжал возглавлять «Чураевку». Правда, недолго. В 1932 году он уступил его своим молодым коллегам — Н. Крузенштерн-Петерец и Н. Щеголеву. А еще через год «Чураевки» не стало. В середине 1930-х годов, по некоторым источникам, А. Ачаир становится масоном, членом харбинской ложи розенкрейцеров.

В 1945 году Советская армия в ходе освобождения Маньчжурии от японских оккупантов вошла в Харбин. Но А. Ачаиру, так жаждавшему встречи с Родиной, это облегчения не принесло. Как бывшего белогвардейца органы НКВД его арестовали и насильно депортировали в СССР.

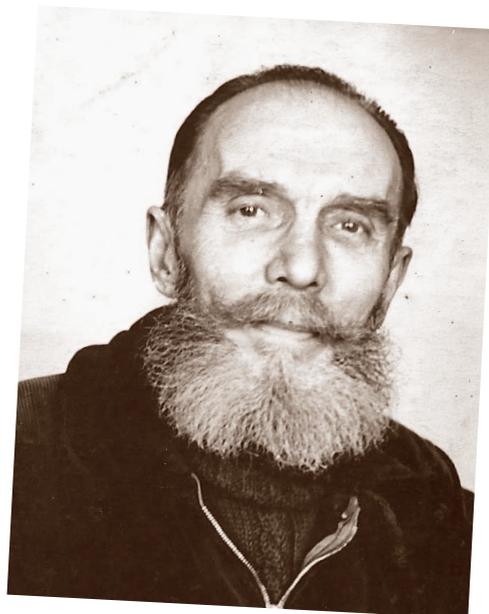
Незадолго до ареста, 6 июня 1945 года А. Ачаир, словно предчувствуя скорую разлуку, пишет стихотворение, посвященное Гали:

Мы говорим, ты — песнею, я — словом,
для новых душ предельные слова,
что бьется жизнь и в старом дне,
и в новом,
одной мечтой о радости жива.
Что мы с тобой не собственность
друг друга,
что разных волею таинственный союз.
Пусть гром гремит, пусть негодует вьюга,
я за тебя, прощаясь, не боюсь...

■ Алексей Ачаир в Байките (1957 г.)

Это было последнее стихотворение, написанное А. Ачаиром в Харбине. Потом начнется для него полоса новых тяжелых испытаний. Десять лет проведет он в лагерях, затем еще более трех лет на спецпоселении в поселке Байкит на севере Красноярского края, где работает в местной школе. Ребятишки его обожают, а когда он уедет, будут слать любимому учителю вслед теплые письма. Стихи по понятным причинам рождаются у него все реже. Да и те не печатаются.

В конце 1959 года Алексей Алексеевич Грызов расстается с Байкитом и переезжает в Новосибирск, к бывшей своей ученице (еще в Харбине обучал он ее игре на фортепьяно), поклоннице и любящей его женщине Валентине Васильевне Белоусовой. В 1956 году педагог и музыкант В.В. Белоусова уехала из Харбина и обосновалась в

■ А.А. Грызов с женой В.В. Белоусовой

■ Байкит, 1958 г. Во дворе дома

■ Слева: А.А. Грызов с учащимися школы № 29 (Новосибирск, 1960 г.);
внизу: Алексей Грызов с родными и близкими у дома на ул. Обдорской (Новосибирск, 1959)

Новосибирске. Между нею и А. Ачаиром, жившим тогда в Байките, завязывается интимная переписка (в литературном музее Новосибирска она представлена). Белоусова настойчиво уговаривает Грызова переехать к ней, и новый, 1960 год они встречают уже в Новосибирске мужем и женой. Алексей Алексеевич поступает работать учителем пения в школу № 29 и сразу же уходит с головой в музыкально-педагогическую деятельность. Кроме уроков, вел кружок эстетического воспитания, создал большой детский хор, быстро получивший широкую известность не только в Новосибирске, но и за его пределами. Как вспоминает Белоусова, «школу Ачаир любил, школой жил и ходил в школу, как на праздник».

Однако все сильнее давало знать о себе небогатейское здоровье, подорванное, к тому же, лагерями, ссылкой и многими другими перипетиями его драматической судьбы. Однажды утром Алексею Алексеевичу сделалось плохо с сердцем. Он понял, что в таком состоянии работать не сможет. Но как предупредить об этом администрацию школы? С телефонами в ту пору в городе было сложно. О том, чтобы просто отлежаться, для него не могло быть и речи. И он решил все-таки отправиться в школу. С его улицы Обдорской до Октябрьской, где находилась школа, путь неблизкий. Собрав волю в кулак, кое-как добрался. И рухнул замертво от сердечного приступа прямо на пороге школы. Случилось это 16 декабря 1960 года.

О поэте и педагоге Алексее Грызове-Ачаире вспоминают сегодня все чаще. Появляются новые свидетельства о его жизни и судьбе. На страницах современных журналов печатаются поэтические подборки, выходят сборники его стихов, о творчестве поэта пишутся диссертации. В школе № 29, где поэт провел последний год своей жизни, создан его музей. Есть экспозиция Ачаира и в Новосибирском музее книги.

Алексей ГОРШЕНИН

■ Мемориальная доска на школе № 29 Новосибирска, установленная в рамках программы «Белый тополь»

■ Новосибирский музей книги. Экспозиция, посвященная А.Ачаиру

Алексей АЧАИР. Из стихов разных лет

Сибирь

Прищури́в глаз, мой пращур пролетел
На скакуне и скрылся в дымке сизой.
Стрела, взлетев, заняла в пустоте,
Стрелок вздохнул, и лук угрюмо снизил.
И вдруг повсюду встали города,
И весть победы протрубила вьюга.
Алтайских гор алмазная гряда
Страну отцов оберегала с юга.
Сибирь моя! Как бушевал поток,
Прорвавшийся из-за Урала в степи,
Неся струги казачьи на восток,
К просторам девственных великолепий.
Загохотал в лучах Владивосток,
Суда неслись вокруг Африки, вдоль мира –
Перекрестить Андреевским крестом
Евразию, хранительницу мира.
Святая Русь — Суровая Сибирь.
Так вот и все, что сохранилось с детства...
И от тебя, годов изгнания пыль,
Уберегу отцовское наследство.

1932

Уроки истории

Об Игоре, об Ольге, Святославе...
О древности, о верности, о славе...
За буквой — слово, за страницей — лист
Читает быстроглазый гимназист.
Быт Киевский, Татарский и Московский...
На мальчишке — защитный френч отцовский,
(На френче кое-где остался кант).
Отец — старик — полковник, эмигрант.
О, Родина! О, пламенность лобзаний,
Слепящих вьюг и блеск родных зарниц.
О Новгороде и о Казани...
В один присест — 125 страниц!
На утро завтра к чаю — ломоть хлеба.
В ученье день, в заботах и ходьбе.
Отец молчит, не знает, видно, где бы
Достать на жизнь — хоть сыну, не себе.
И снова вечер. Снова встали были.
Глаза — лучи. Лицо — как алый мак.
Романтика неведомой Сибири...
Вот — Пан, Кольцо, Ермак и Мещеряк...
Учи, родной! От князя Святослава
Пройди всю Русь, сравни, что ныне есть.
Я знаю, путь твой — мужество и слава,
И выше — Бог, величие и честь.

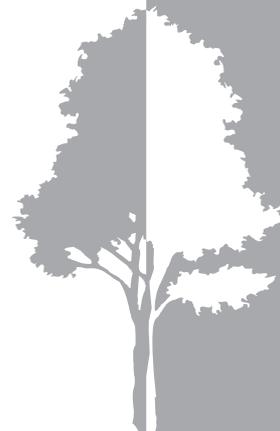
1933

Рассмейся мне, молодость, снова

Рассмейся мне, молодость, снова,
Рассмейся, и вновь увлеку
К печальной убогости крова
У тихой татарской реки.
К позициям первой казачьей
На гатях уфимских болот,
Где в селах оставленных плачут
Лишь ржавые петли ворот.
По улице ветер — как буря,
Как буря, как ветер — судьба.
У леса, с судьбой балагурия,
Тревожно взывает труба.
И лавой, распластанной в вихре, —
Мгновенный казачий налет.
Теперь мы, согнувшись, отвыкли
Усмешкой встречать пулемет.
Теперь не смогли б подружиться
За чаркой простого вина
С тобою, шальная тигрица,
С тобой, баловница война.
И грязная жижа болота,
Как небыль, теперь навсегда —
Под треск огневой пулемета —
С усталых позиций снята.
Но так же, как молодость, ярко
За лавой казачьей встает,
Встречая, степная татарка
В пустынном селе у ворот.
С улыбкой — без слова, без зова —
Лишь теплые слезы из глаз...
Рассмейся мне, молодость, снова,
Рассмейся, рассмейся, хоть раз!

1938

Как и прежде

По синим обоям
разбросаны желтые маки.
Нам грустно обоим,
но что же поделаешь, друг!
Тоски не развеют
волшебники — старые маги,
и добрые феи
с участием не встанут вокруг.

Суровые лица
со мной и бездушные боги.
Ты — в шумной столице
встаешь на вечерней заре.
Мы Бога просили —
(Как горестно быть одиноким!) —
о милой России,
о встрече на нашей земле.

Но я, как и прежде,
скитаюсь по Азии древней.
Цветные одежды.
Кумирни. Пустыни. Дворцы.
Живу. Наблюдаю.
А жизнь настоящая дремлет.
А в марте, подтаяв,
вниз падают с крыш леденцы.

А где-нибудь дома,
под самой Москвою в усадьбе —
под крышею дома
две ласточки кличут подруг.
Но только — не гнущься!
Поверь, все печальное — сзади.
Сумей улыбнуться,
чтоб вдруг не расплакаться, друг!

1933

Скорей

Каждый год — как новая река.
И, томясь не выполненной клятвой,
вижу взор твой, вижу милый взгляд твой
я теперь уже издалека.

Каждый год, как кручи новых гор
вырастают, высятся сурово.
— Отзовись! — кричу я: — Молви слово!
Груды камня предо мной в упор.

Так ни рек, ни гор не перейти!
Каждый год — как много лет в разлуке!
И стрелу, дрожащую на луке,
с тетивы я медленно пустил.

Полетай, визжа, жужжа, стрела!
Полетай, в сиянье неба тая.
О, когда б стрела моя простая,
прилетев, — у ног твоих легла.

Ты узнала б (в сердце ли твоём?) —
что одной тоской объята души,
что я клятвы верной не нарушил.
Шли года, и день спешил за днем.

Все я звал тебя издалека,
все следил, где ненаглядный взор твой.
Я приду к тебе, живой иль мертвый, —
пусть не годы, а пройдут века.

Груды камня. Глубина долин.
Каменисты и отвесны кряжи.
Но нет в мире, в целом мире краше
милых сердцу, может быть, — седин.

Так живу. За тридцать морей
ехал королевич... А царевна
плакала о милом каждодневно...
Если б знать, что встретимся... Скорей...

1942

Ладья Хроноса

Мои часы показывают полночь,
твои — рассвет.
Не огорчайся, друг мой юный, полно! —
что тьма, что свет!

Причалил Хронос, — торопись прощаться, —
упрям старик...
За равенство, за молодость, за счастье,
за первый миг!

Ни ты, ни я не говорили: поздно,
но час пришел.
И снова ночь, и снова ночь морозна,
и — хорошо:

ни тосковать, ни вспоминать не надо,
себя вина,
за поздний час и для тебя расплата,
и — для меня.

Не огорчайся, друг мой юный, полно! —
что тьма, что свет!
От грани дня отчалившая полночь
плывет — в рассвет.

1934

■ В.В. Белоусова

Розовый бал

Закат был оранжево-розов.
Тугие лежали снега.
Холодные чайные розы
во льду отражала река.

Без ветра спокойно молчала
лазурная, стылая высь...
На взмыленной тройке промчала
сверкнувшая звездами жизнь.

И стало бесшумно и глухо,
Как будто весь век проспала
Земля и проснулась — старухой...
А юность ушла в зеркала, —

Как розы, как звезды, как эхо
однажды рассказанных снов...
ваш капор из белого меха,
а жизнь — из таинственных слов.

Сегодня Вы в розовом платье,
и розовый жемчуг на Вас.
Как странно похож на объятая
мечтательный розовый вальс.

Как странно мне вспомнить — был розов
закат и тугие снега.
Холодные чайные розы
во льду отражала река.

Без ветра спокойно молчала
Лазурная, стылая высь...
На взмыленной тройке промчала
сверкнувшая звездами жизнь.

1938

Прощание с Севером

Мчатся суда, мчат поезда
к прихотям пышного юга.
Мчитесь, года, — мы никогда
больше не встретим друг друга!

Крутятся пеной воронки,
гневно клокочет порт,
голос призывный и звонкий,
чей-то заплаканный рот...

Слов я не слышу за свистом, —
в грохоте не разберешь
Может быть, вышла на пристань —
встретить, увидеть, да что ж?

Север милый, навек прощай!
Мы умеем с тобой прощать.
Только, знаешь, — кто изменил,
тот не будет нам больше мил.

Север милый, прощай навек!
Наша верность чиста, как снег,
а любовь, словно жар огня...
Север милый, прости меня!

Байкит, 1959

■ В.В. Белоусова за роялем

Провинциальный маэстро

Я держусь как маэстро
на гастролях в уездном
захудалом местечке
среди восторженных дам.

Мне совсем здесь не место,
хоть приятно и лестно, —
как коню без уздечки,
поскакать по лугам.

Вы — цветок захолустный,
вы — картина с обложки
популярных изданий
для безгрешных людей.

Ваш восторг безыскусный
совесть старую гложет! —
до неслышных рыданий,
до хрустящих костей.

Но смиряя смущенье,
подчиняясь соблазну,
что, быть может, вы правы:
я — талант, я — скала, —

я плыву по течению...
И так робко прекрасны
вы с сердечком в оправе
из цветного стекла.

1939

Устремленность

Так, верно, уходят в монахи,
В скиты в заснеженных горах,
Стряхнув за поскотиной накипь,
Душивший до судорог прах.
Так мчатся, как вихорь, как птицы,
С насиженных мест поскорей,
На передовые позиции
Запряжки шальных батарей.
И этой же волею пьяны,
Струги казаки волокли,
И также идут со стоянок
В открытую синь корабли.
Изнеженность? Выгода? — Плесень!
Болото без края и дна!
Есть много ликующих песен,
Но песня свободы — одна.
К экватору! К солнцу! На полюс!
И счастье одно лишь вдали,
Упорная, ясная воля —
К победе над властью земли.

1926

Утро в сентябре

Прохладное утро душисто и ясно,
как пламень, оживший едва.
Не солнце ль, которое в небе угасло,
мазками роняет листва?

Оранжевым, розовым, желтым, багряным —
деревья огнем расцвели.
А ветер порхает, прохладный и пряный,
над миром уставшей земли.

Люблю тебя в утро прохлады душистой.
Ты так же, как утро, свежа.
Как небо, как воздух, прозрачный и чистый —
твоя голубая душа.

Люблю тебя, утро, ты — крепость и свежесть,
ты — жизни святое питье...
О, только бы, только — усталое нежить
осеннее сердце мое.

1939

Похоронят, зароют глубоко,
Бедный холмик травой порастёт,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идёт.

Ни о чём уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко — там осень,
Если бурно — там, значит, весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

Александр БЛОК

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

ВАРФОЛОМЕЙ [Городцев Сергей

Дмитриевич]
(1866–1956) —
Митрополит
Новосибирский
и Барнаульский,
выдающийся
архипастырь
Русской
Православной
Церкви XX
столетия, богослов
и миссионер.
Церковный
собира­тель Сибири
в период Великой
Отечественной
войны и в
послевоенные годы

В 1886 г. окончил Рязанскую духовную семинарию, затем Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1890 г.).

В декабре 1892 г. был рукоположен во иерея, назначен в Александро-Невский храм города Тифлиса. Являлся председателем миссионерского братства. Был противником автокефалии Грузинской церкви, в январе 1907 г. был тяжело ранен шестью пулями в результате покушения, совершенного противником русского влияния в Грузии.

После провозглашения автокефалии Грузинской церкви был вынужден покинуть Тифлис. В 1923 г. был арестован. После отбытия наказания в Соловках с 1926 до начала 1931 года находился в ссылке в Барабинском округе Западно-Сибирского края. С 1935 г. — приходской священник в Клинском районе Московской области. Во время Великой Отечественной войны храм, в котором он служил, был сожжён немецкими войсками. Также пожар уничтожил все его книги и рукописи.

29 мая 1942 г. в Казанском соборе Ульяновска митрополит Сергей совершил чин пострижения в монашество протоиерея Сергея Городцева с наречением имени Варфоломей в честь святого апостола Варфоломея.

С 26 июля 1943 г. — архиепископ Новосибирский и Барнаульский, управляющий Иркутской епархией и временно управляющий Омской епархией. Находился на Новосибирской кафедре до своей кончины. В 1947 г. добился возвращения верующим мощей святителя Иоанна Тобольского. По его инициативе было зарегистрировано значительное количество приходов.

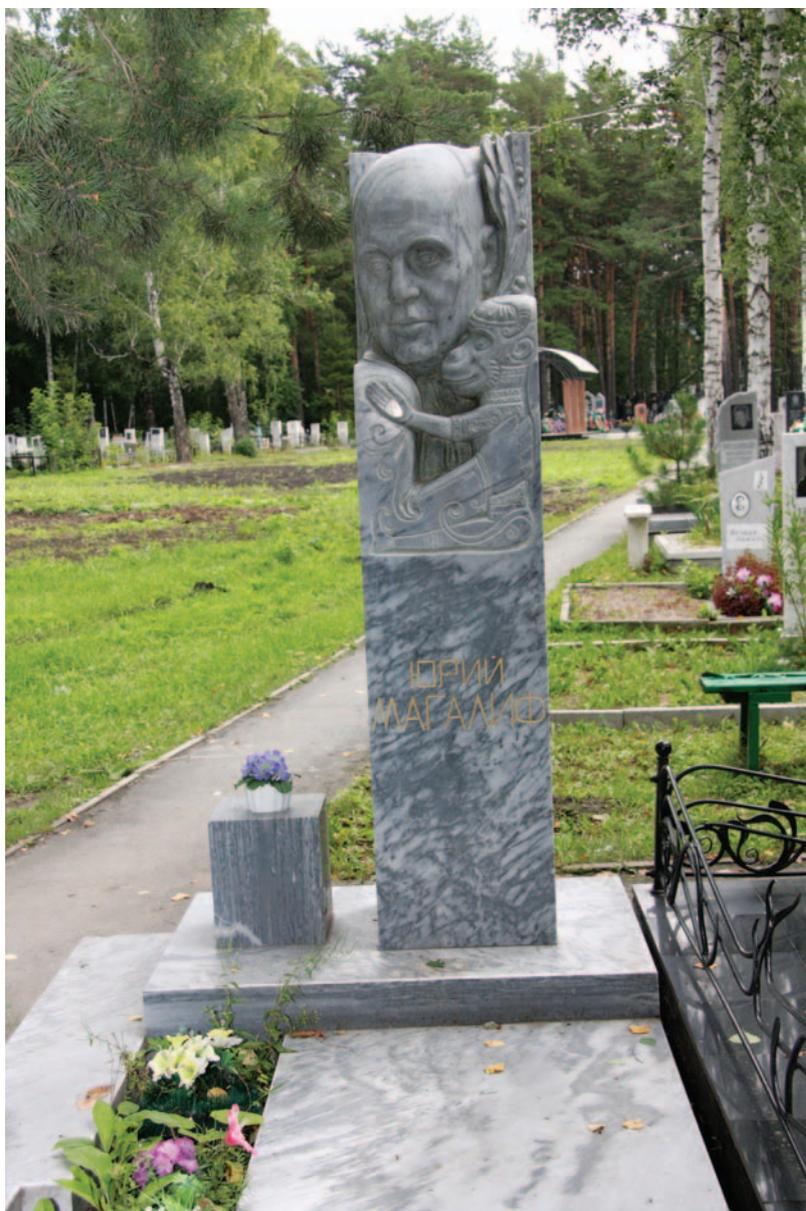
Почётный член Московской духовной академии. Автор акафистов святому апостолу Варфоломею, святому первомученику и архидиакону Стефану, службы святителя Иоанну Тобольскому.

Похоронен в приделе преподобного Серафима Саровского Вознесенского кафедрального собора Новосибирска.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

МАГАЛИФ Юрий Михайлович

(1918–2001) —
писатель, поэт,
артист.
В 1958 г. вышла
его книга
«Приключения
Жакони», которая
сразу полюбилась
маленьким
читателям

Детство и юность Магалифа прошли в Ленинграде. В 1935 г. вместе с матерью был репрессирован и сослан в Казахстан. Вернувшись в Ленинград, учился в театральном институте на актёра-чтеца. В 1941 г. был арестован по «контрреволюционной» статье 58, наказание отбывал в лагере возле Новосибирска.

После освобождения в 1946 г. Юрий Михайлович устроился работать в Новосибирскую филармонию. За годы работы он объехал с концертами всю Сибирь.

Первая серьёзная литературная работа Магалифа — сказка «Приключения Жакони» — сразу полюбилась маленьким читателям. Она неоднократно издавалась и переводилась на многие языки, ставилась на сцене, звучала по радио.

Не меньшую популярность обрели и другие сказочные повести Юрия Магалифа

— «Бибишка — Славный Дружок», «Типтик, или Приключения одного мальчика, великолепной Бабушки и говорящего Ворона», на которых воспитывалось не одно поколение советской детворы.

В конце 1970-х годов Юрий Магалиф обращается к поэзии, пишет автобиографическую и публицистическую поэму «Дальняя дистанция». Поэт выпустил несколько поэтических сборников, в которые вошла его лирика, пронизанная тонким, легким и светлым настроением.

Всего перу Магалифа принадлежат десятки произведений в разных жанрах: повестей, рассказов, стихотворений, пьес, сказок. В 1995 г. он получил литературную премию имени Н. Г. Гарина-Михайловского.

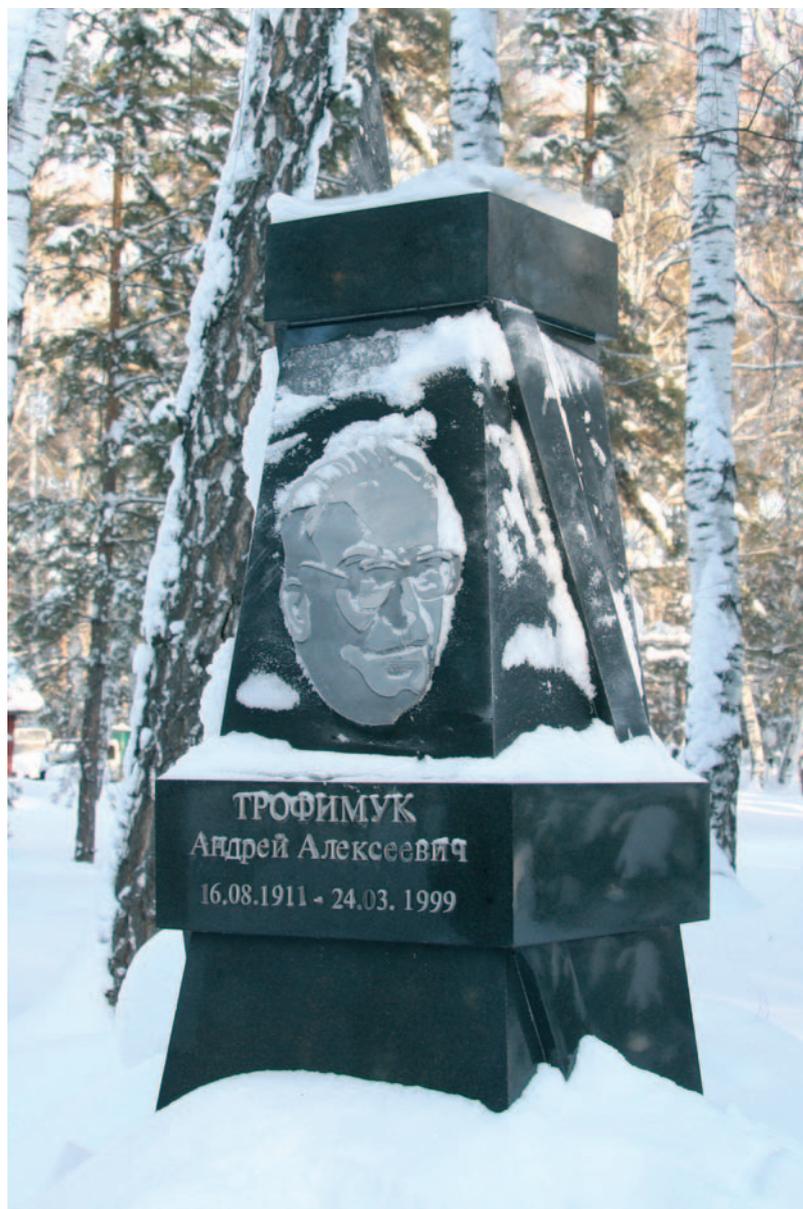
В Заельцовском районе Новосибирска именем Юрия Магалифа названа улица.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

ТРОФИМУК

**Андрей
Алексеевич**

(1911–1999) —
геолог-нефтяник,
академик Академии
наук СССР, Герой
Социалистического
Труда, лауреат
Государственных
премий СССР

Андрею Трофимуку было четыре года, когда семья в связи с Первой мировой войной эвакуировалась из родной деревни Хветковичи Гродненской губернии в г. Нижнеудинск. В семь лет Андрей остался без матери и вместе с отцом, работавшим на ремонте железных дорог, кочевал по городам Западной Сибири.

В 1927 г. окончил семилетнюю школу-интернат в Славгороде, а в 1929 г. — среднюю школу в Казани. Здесь же он поступил на геологический факультет университета. Во время учебы Андрей занимался изучением железных руд и бокситов Урала. Вскоре после окончания Казанского университета и поступления в аспирантуру (1933 г.) А.А. Трофимук добился перевода на заочное отделение и начал практическую работу в Башкирии (1933–1940 гг.), пройдя путь до главного геолога треста.

В 1939–1940 гг. А.А. Трофимук вместе с немногими энтузиастами начал борьбу за поиски девонской нефти. Он сумел обосновать геологическую и техническую возможность, а также экономическую

целесообразность открытия и быстрого освоения нефтяных месторождений в девонских отложениях. В годы Великой Отечественной войны, когда страна ощущала острейшую потребность в нефти, им было найдено в 1943 г. в Приуралье нефтяное месторождение нового типа.

Когда было принято решение о создании Сибирского отделения Академии наук СССР (1957), А. А. Трофимук одним из первых приехал жить и работать в Новосибирск и по праву является одним из основателей научного центра в Сибири. Он сразу же приступил к организации Института геологии и геофизики СО АН СССР и стал его первым директором. Благодаря его научным изысканиям в Сибири были открыты нефтяные и газовые месторождения.

Именем академика названы институт, одна из улиц новосибирского Академгородка. Звание «Почетный гражданин города Новосибирска» присвоено А.А. Трофимуку за большой вклад в создание СО АН СССР, развитие науки и производственных сил Сибири.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**ЗАВОЛОКИН
Геннадий
Дмитриевич**
(1948 — 2001) —
Народный артист
России, лауреат
Государственной
премии

Заволокин родился 18 марта 1948 года в таежном поселке Парабель Томской области, затем семья переехала в Новосибирскую область. Здесь, в Сузуне, отец и купил своим маленьким сыновьям первую гармошку.

После школы учился (1964–1968) в Новосибирском музыкальном училище на отделении оркестра русских народных инструментов. Затем — в Московском институте культуры.

С 1974 по 1991 годы работал в Новосибирской филармонии. Вместе с братом Александром они составили известный на всю страну дуэт частушечников. В 1986 году братья Заволокины стали Заслуженными артистами РСФСР.

С 1986 года — ведущий программы «Играй, гармонь» (Первый канал).

В 1987 году организовал и возглавил ансамбль «Частушка», а в 1992 году — Российский центр «Играй, гармонь». Несколько лет был автором и

ведущим радиопрограммы «Это звонкое чудо — частушка» на Всесоюзном радио.

В 1990 году Г. Д. Заволокин был удостоен Государственной премии России: «За концертные программы».

В 1995 году ему присвоили звание Народного артиста Российской Федерации.

В 1998 году получил вторую Государственную премию России — за цикл телевизионных программ «Играй, гармонь».

Является автором около 700 песен, 7 сборников частушек, 5 нотных изданий, автобиографической книги о создании программы «Играй, гармонь».

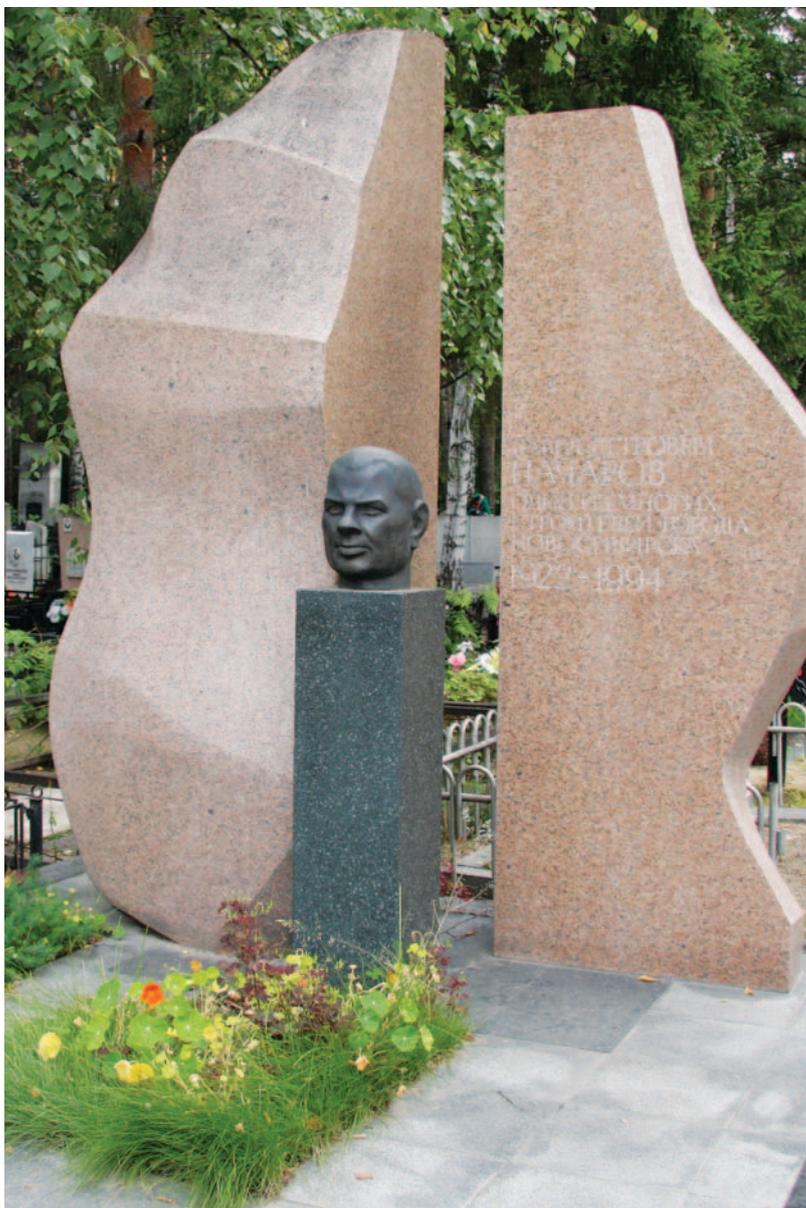
8 июля 2001 года погиб в автомобильной аварии на мосту через речку Шарап в Ордынском районе Новосибирской области. Похоронен на Заельцовском кладбище г. Новосибирска.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

НАЧАРОВ
Павел Петрович
(1922–1994) —
руководитель
и организатор
строительства
в Новосибирске

Начаров руководил строительством заводов имени Чкалова, «Сибсельмаш», «Сибтекстильмаш», металлургического, завода низковольтной аппаратуры, радиозавода, электроагрегатов и других уникальных объектов.

С 1967 г. возглавил Новосибирское управление строительства (в 1970 г. переименовывается в «Главновосибирскстрой») и до 1980 г. бессменно им руководил. «Главновосибирскстрой» объединял в то время 17 трестов, в том числе специализированные — «Строймеханизация», «Спецстрой», «Железобетон», «Промстрой», «Жилстрой-1», «Жилстрой-2», «Стройтранс» и т. д. Кроме трестов, в состав главка

входили учебный комбинат, управление «Стройкомплект» и другие организации.

Под его руководством построены миллионы квадратных метров жилья (в среднем около 500 тыс. кв. метров в год), десятки школ, детских садов, больниц, домов культуры, заводов, фабрик, многие километры дорог, инженерных сетей, уникальные объекты, изменившие облик Новосибирска — ТЮЗ (театр «Глобус»), Госцирк, ДК «Строитель».

Павел Петрович скончался в 1992 г. в Москве, но сыновья похоронили его в Новосибирске.

Сергей Бондаренко:

«БОЖЬЯ НИВА В ЗАПУСТЕНЬЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ...»

Эта история, получившая затем свое неожиданное продолжение, начиналась вполне обычно: ко мне, как к депутату Новосибирского городского совета, обратились общественники и педагоги Новосибирской гимназии № 1. Обратились с просьбой — помочь в установке на территории гимназии памятного знака в честь Варвары Афанасьевны Булгаковой, родной сестры классика русской литературы Михаила Афанасьевича Булгакова. Она приехала в Новосибирск вслед за своим возлюбленным Леонидом Карумом, который был репрессирован, жила в нашем городе, работала в 42-й школе (ныне гимназия № 1)...

■ Варвара Булгакова

Я на эту просьбу отозвался, да и как было не отозваться, ведь Варвара Афанасьевна стала прообразом Елены Турбиной, вспомните роман Михаила Булгакова «Белая гвардия»: «Свет ее томил, поэтому на лампочку, стоящую на тумбе у кровати, надела она темно-красный капор. Когда-то в этом капоре Елена ездила в театр вечером, когда от рук, и меха, и губ пахло духами, а лицо было тонко и нежно напудрено и из коробки капора глядела Елена, как Лиза глядит из “Пиковой дамы”...»

Конечно, я прекрасно понимал, что художественное произведение нельзя воспринимать как некую документальность, но мне казалось, что именно такой и была в жизни Варвара Афанасьевна — нежной, любящей, красивой и бесконечно верной, ведь не всякая жена ринется из Киева вслед за своим арестованным мужем в холодную Сибирь...

Но об этом, более подробно, читатель узнает из следующих страниц, а я вернусь к своему рассказу.

Итак, памятный знак был установлен. И вдруг, в один из вечеров,

включаю телевизор, а там — московская программа рассказывает об установлении нашего памятного знака. (До сих пор жалею, что не запомнил ни канала, ни программы). И — московское резюме, примерно вот такого содержания: где могила сестры Михаила Булгакова никто в Новосибирске не знает, и скоро память о ней сотрется окончательно... Приехали, называется! Ну, москвичи, на то они и москвичи, что с них взять...

А мы упорно продолжали искать могилу Варвары Афанасьевны, но безуспешно.

Однако, не зря говорят — кто ищет, тот найдет. Или его найдут. В данном случае нашли меня. В один из дней я вел депутатский прием, шли мои избиратели со своими просьбами и проблемами, с каждой из которых нужно было разбираться. К концу дня я уже порядком притомился, и когда вошли очередные посетители я уже, что называется, сидел с рассеянным сознанием. Но вопрос, заданный мне, заставил встрепенуться:

— Вы депутат Бондаренко?

— Я.

— А мы — наследники Варвары Афанасьевны Булгаковой и Леонида Сергеевича Карума.

Как писали раньше в пьесах, возникла немая сцена. А когда я узнал, что наследники живут в нашем Академгородке, тогда уж и вовсе удивлению

моему не было предела. А еще говорят, что чудес в жизни не бывает! Бывают!

Долго мы проговорили с Владимиром Андреевичем Горбачевым, внуком Варвары Афанасьевны и Леонида Сергеевича, который на встречу пришел со своим сыном Евгением. Из этого разговора многое прояснилось. Стало понятно — почему мы так долго не могли найти могилу Варвары Афанасьевны, которая скончалась после тяжелой болезни в 1954 году. Похоронили ее на Заельцовском кладбище, но на надгробии была указана фамилия не Булгакова, а Карум — так распорядился сам Леонид Сергеевич, хотя официально их брак не был зарегистрирован. И еще. Леонид Сергеевич сам сделал оградку для могилы своей любимой, украсив ее металлическими тюльпанами — символом вечной любви.

Через четырнадцать лет ушел из жизни и Леонид Сергеевич. Он хотел, чтобы похоронили его рядом с Варварой Афанасьевной, но сделать этого не удалось из-за снежной и суровой

зимы — в дальний конец кладбища было просто-напросто не прокопаться. Так они и покоились 45 лет в разных местах, разъединенные друг с другом.

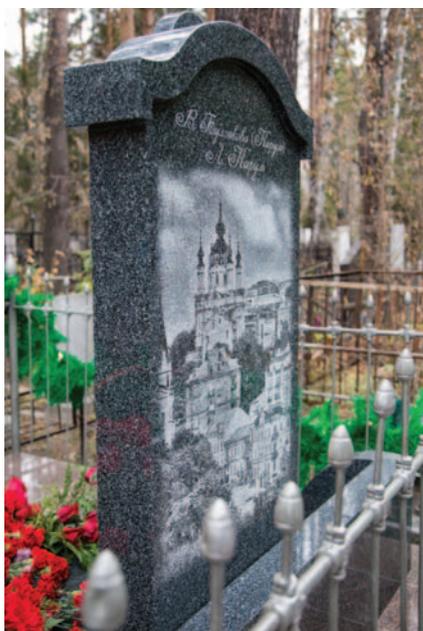
И лишь в октябре 2013 года, в день рождения Варвары Афанасьевны, они воссоединились. Никогда не забуду своего ощущения, когда мы установили гранитную плиту, на оборотной стороне которой воспроизведен во всей своей красоте Андреевский спуск, а на фронтальной стороне памятника — портрет супружеской пары и слова, от которых в буквальном смысле мороз по коже: «Любимый мой, помни, что вся жизнь моя и любовь — для тебя». Именно эти слова успела написать Варвара Афанасьевна на клочке бумаги, который сумела передать в арестантский вагон, увозивший ее любимого в полную неизвестность, может быть, даже на смерть...

На открытие памятника собралось очень много новосибирцев, несмотря на ненастную погоду. Я вглядывался в лица тех, кто пришел, и понимал, что

все мы здесь объединены одним чувством — чувством искреннего преклонения перед судьбами этих людей, которых навечно соединила великая и неумирающая любовь.

А металлические тюльпаны, сделанные руками Леонида Сергеевича, мы бережно перенесли на новое место, и они теперь по-прежнему украшают оградку надгробия.

Тюльпаны — символ неумирающей любви...

«ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ И ЛЮБОВЬ ДЛЯ ТЕБЯ...»

Из воспоминаний Ирины Леонидовны Карум

Моя мама, Варвара Афанасьевна Булгакова, четвертый ребенок в семье Варвары Михайловны и Афанасия Ивановича Булгаковых, была младше своего брата Михаила на четыре года (родилась в Киеве в 1895 году).

Ее первым учебным заведением была Киевская немецкая гимназия, где от гимназисток требовались исключительно примерное поведение и «строгая внешность». Мама не вписывалась в эти требования. У нее были очень красивые пышные и вьющиеся волосы золотистого цвета, которые, как считали классные дамы, не соответствовали требованиям и канонам гимназии и отвлекали гимназисток во время уроков. Поэтому маму на уроках сажали за последнюю парту, а иногда даже пытались размочить ее волосы водой, чтобы они не вызывали недовольство посещавших иногда класс инспекторов гимназии.

Добротное и основательное знание немецкого языка, полученное в этой гимназии, в дальнейшем очень пригодилось Варваре Афанасьевне.

У мамы с детства был очень общительный и веселый характер, она была умна, остроумна, дружелюбна, музыкальна, когда она бывала дома, в нем было всегда тепло и уютно.

После окончания гимназии мама поступила в Киевскую консерваторию на отделение фортепиано, в класс преподавателя Нейгауза, известного и прекрасного пианиста, будущей знаменитости, прославленного педагога и ректора Московской консерватории.

Но мама, к великому сожалению, Киевскую консерваторию по семейным обстоятельствам не закончила. В мае 1917 года она вышла замуж за Леонида Сергеевича Карума, моего будущего отца, преподавателя Киевского Великого Князя Константина Константиновича военного училища, в которое он был откомандирован с фронта в 1916 году. Познакомилась мама с папой на молодежной вечеринке у известного

■ Варвара Булгакова — гимназистка

Киевского врача-окулиста Брянцева Корнилия Васильевича, который одновременно был младшим врачом в Киевском военном училище и с которым мама была ранее знакома.

После замужества дальнейшая судьба мамы и ее последующий жизненный путь были неразрывно связаны с ее мужем, которого она любила и которому себя целиком посвятила.

Уже 25 июня 1917 года, через месяц после свадьбы, отец получил официальное предписание отправиться в Петроград для продолжения учебы в Александровской Военно-Юридической Академии, которую он в свое время не закончил — с началом войны в 1914 году учеба была прервана, и все слушатели Академии направлены в свои части на фронт.

28 июня 1917 года уехал в Петроград папа, а через месяц, 20 июля, прервав учебу в консерватории, к нему приехала мама.

Там мама встретила Октябрьскую революцию. Наступили беспощадные времена безденежья при необычайной дороговизне продуктов. В это время впервые проявились такие качества мамы, как умение приспособиться к любым ситуациям, энергичность, крепость духа — она не унывала ни при каких обстоятельствах.

Отныне и всегда ответственность за финансы — семейный бюджет была на моей маме, и она всегда ухитрялась сводить концы с концами, а ведь время было тяжелейшее. Несмотря ни на какие обстоятельства, мама всегда сохраняла общительность, душевность, открытость характера, что неизменно вызывало у окружающих симпатию и доверие к ней.

Характерный эпизод: после Октябрьского переворота моя мама была выбрана в домовый комитет. Эти домовые комитеты начали стихийно возникать во

■ Леонид Сергеевич Карум и Варвара Афанасьевна Булгакова, 1917 г.

многих домах для защиты от ночных грабежей и пьяных солдат. И выбрана в этот комитет она была вице-председателем, а ведь ей было только 22 года!

В декабре мой отец закончил учебу в Академии и устроился на работу в Департамент земледелия, но в это время в Петрограде уже наступил полный хаос и голод. 5 января 1918 года мама уезжает из полуживого Петрограда в Москву к своему дяде Николаю Николаевичу Покровскому, врачу, имевшему частную практику (прообраз профессора Преображенского в «Собачьем сердце»). А через четыре дня, 9 января 1918 года, в Москву вместе с правительственным поездом приехал и папа, продолжая служить все в том же Департаменте Земледелия. Туда же поступает на работу делопроизводителем и мама.

В Москве они прожили недолго. Не желая стеснять Николая Николаевича, мама и папа приняли решение вернуться в Киев, куда они и возвращаются в мае 1918 года.

В это время Киев был под властью немцев и гетмана Скоропадского.

А на Андреевском спуске 13 жили тогда:

- братья мамы Михаил с женой Тасей, Коля — студент медицины и Ваня — гимназист;
- сестра Вера;
- двоюродный брат Костя Булгаков (Костя «Японский» — Константин Петрович Булгаков, сын дяди мамы Петра Ивановича, миссионера в Японии).

В октябре 1918 года мама устраивается на работу конторщицей в отдел

■ Киев. 1910-е годы

распределения Киевского городского продовольственного комитета.

Жители Андреевского спуска 13 жили «коммуной». Все хозяйство «коммуны» вела моя мама, отказывая себе во всем, вкладывая все наличные деньги в еду.

После поражения в войне осенью 1918 года немцы были вынуждены оставить Киев, а вместе с ними ушел и гетман, который без поддержки немцев не смог удержаться в Киеве.

16 ноября 1918 года Киев, прогнав Скоропадского, занимают петлюровцы (Директория).

Папе, бывшему офицеру русской армии, оставаться в Киеве было крайне опасно, и он, в декабре 1918 года, уходит на юг — сначала в Астраханскую Армию, затем переходит в Добровольческую Армию Деникина в Екатеринодар. В Екатеринодаре в это время оказалось и бывшее Киевское Военное Училище, в котором отец преподавал до войны, и он возвращается на службу в это Училище преподавателем.

В июле 1919 года Училище переводят в Феодосию, и в июле же папа возвращается в Киев за мамой (город к этому времени был освобожден от большевиков Деникиным). В том же июле (30-го числа) мама вместе с мужем уезжают из Киева в Феодосию. Вместе с ними покидают Киев и уезжают в Феодосию Михаил Афанасьевич с женой Тасей (Михаил Афанасьевич попросил взять его с Тасей в Феодосию).

Около года мама прожила в Крыму довольно спокойной жизнью, насколько это было возможно в то время. Дело в том, что в апреле 1920 года отцу пришлось покинуть военную службу, так как его не утвердили на должности преподавателя, подозревая в симпатиях большевикам. И опять

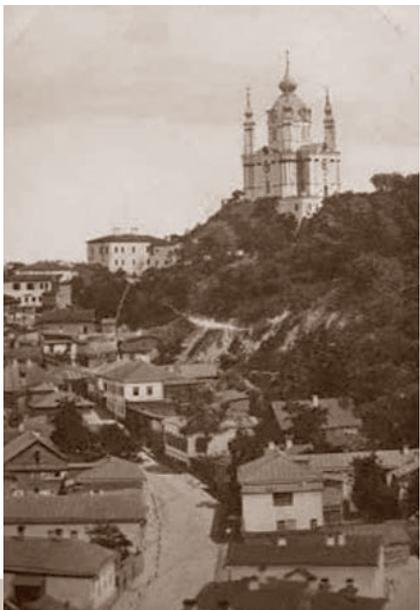
■ Киев. Мариинский дворец. С апреля 1917-го здесь размещался Киевский комитет РСДРП(б)

понадобились способность и умение мамы вести семейный бюджет при любых обстоятельствах — на гражданской службе жалование отца катастрофически уменьшилось.

И вот, в ноябре 1920 года в Крым прорываются большевики.

И тут же первый арест моего отца ЧК, как бывшего офицера, в числе множества других офицеров, оставшихся в Феодосии после ухода Врангеля и явившихся на регистрацию к новым властям. Только чудом отцу удалось вырваться на свободу, остальные офицеры были расстреляны (несколько тысяч), хотя многие из них, как и мой отец, не служили у Врангеля.

В январе 1921 года отцу удается устроиться на службу заведующим учебной частью 64-х пехотных курсов, откуда он в июле того же года переводится на такую же должность в 63-и пехотные курсы, которые базировались в Симферополе. Мама в июле вместе с мужем и уже со мной (я родилась в Феодосии в апреле 1921 года) отправляются в Симферополь, где мы прожили недолго. Отец в Симферополе заболевает брюшным тифом, болеет август-сентябрь и получает отпуск по болезни. Это позволяет родителям вернуться в Киев, куда

■ Андреевская церковь, давшая название улице, на которой жили Булгаковы, а также И.П. Воскресенский

они приезжают в октябре 1921 года. Теперь они уже остаются там, как они думают, навсегда.

Но пока Булгаковы были в отъезде, их квартиру на Андреевском спуске, 13 передали каким-то жильцам, которые завладели не только жильем, но и мебелью Булгаковых.

Мама с папой и мной поселяются в квартире Ивана Павловича Воскресенского, на Андреевском спуске, 38, куда в свое время (выйдя замуж за Ивана Павловича) переселилась Варвара Михайловна Булгакова с дочкой Лелей (Еленой, маминой сестрой).

В это время по Киеву гуляет брюшной тиф. К несчастью для всей семьи в январе 1922 года заболевает Варвара Михайловна и, не справившись с болезнью, умирает. Объединяющее звено выпало. Не стало оснований оставаться на квартире у Ивана Павловича, нужно было искать свое собственное жилье.

К этому времени папа довольно крепко стал на ноги, он работал преподавателем в нескольких учебных заведениях, в частности, преподавал Государство и Право в КИНХе (Киевском Институте Народного Хозяйства — бывшем университете), а затем стал военруком в этом же учебном заведении. Эта должность восстановила его на военной службе, согласно аттестации по военной линии он был отнесен к командному составу с присвоением 10-й категории (один ромб в петлице).

■ Варвара Афанасьевна Булгакова

Родители находят квартиру на улице Львовской (ныне — Артема), дом 55.

На Львовской, 55 вместе с нами поселились также Леля и Костя «Японский».

Но к 1924 году в Киеве никого из Булгаковых, кроме моей мамы, не осталось. Уехали в Москву Вера и Леля. Надя и Михаил уже жили в Москве к этому времени.

Костя, потеряв работу после закрытия в России АРА — Американско-Российской Ассоциации (Американской Организации Помощи), где он был переводчиком, летней ночью 1924 года тайно бежал в Польшу — он хотел соединиться в США со своими родителями и братом Николаем, которые переехали туда после закрытия русского посольства в Японии.

Теперь мы вчетвером (вместе с мамой отца Марией Федоровной) жили в четырехкомнатной квартире.

Жизнь в этот период протекала вполне благополучно для того времени. Родители были молодыми, довольно общительными людьми, часто наш дом вечерами посещали их друзья и знакомые, в круг которых входили, в том

числе, некоторые актеры театра оперы и балета, а так же, как сейчас помню, и музыканты, игравшие на скрипке и виолончели. Мама им аккомпанировала, и я в такие вечера просыпалась в своей комнате от звуков прекрасных голосов и мелодий.

Мама в это время вела активный образ жизни. В 1927 году предусмотрительно окончила курсы бухгалтеров и других коммерческих наук Н. Семениченко. Сдала также при центральных курсах украиноведения экзамен за окончание 1-го цикла украиноведения и была взята на учет как счетовод 1-й категории. Занималась общественной работой — в 1928 году она была выбрана в подкомиссию «культурных разваг» и принимала в связи с этим участие в организации и устройстве небольших концертов и вечеров в Доме ученых. Собиралась поступить в медицинский институт.

Мама и вся наша семья были в то время счастливы. Но счастье это длилось недолго.

Осенью 1929 года, в ноябре, папу арестовали и поместили в тюрьму — в ДОПР. Для нашей семьи это был страшный удар, мама ежедневно ездила на Лукьяновку, где находился в те годы дом предварительного заключения. Дважды ездила в Харьков, где даже добилась приема у прокурора ОГПУ Украины.

Но все в ГПУ было решено заранее. Арест длился два месяца. Срок ареста был не случаен. Два месяца в тюрьме автоматически исключали отца из состава армии. В январе 1930 года отца выпускают на свободу с подпиской о невыезде. Более того, ожидалась ссылка в Казахстан. Но сработало знакомство, письмом из Харькова подписка о невыезде была снята.

Однако покой и счастье в доме уже не могли восстановиться из-за не покидавшей теперь тревоги по поводу возможности нового ареста. Надо было уезжать из Киева. Но куда? И вот из Москвы к нам приехала одна из сестер мамы — Вера Афанасьевна с советом от себя и другой сестры Надежды Афанасьевны, перебраться папе на время в Москву. Там, по их мнению, он мог бы жить и работать в безопасности, им казалось, что никому не придет в голову, что отец может оказаться в столице.

А пока нужно было искать работу. В апреле мама сдала экспертизу на счетовода 1-го разряда и через три месяца ожидания в бюро труда вакансии получила в июле место счетовода-делопроизводителя на Киевском заводе «Большевик».

А папа уехал летом в Москву, где устроился на работу сначала экономистом в Союзкино, а потом, последовательно, преподавателем экономики промышленности в Политехникуме, затем преподавателем военного дела в Высшем Химико-Технологическом институте.

Казалось, что все позади, ситуация стала налаживаться, отец уже стал подыскивать квартиру для семьи в Москве, но в ночь с 13 на 14-е января

1931 года он был вновь арестован и отвезен в центральную тюрьму ОГПУ на Лубянку. Затем 25 мая 1931 года его перевели в Бутырки.

Мы с мамой и бабушкой приехали в Москву в надежде на свидание с ним.

Каким образом маме удалось добиться этого свидания с мужем, я не знаю, но мы (мама, бабушка и я) виделись с папой. Это была ужасная сцена — мой отец и другие заключенные стояли по одну сторону решетчатого коридора, а мы и другие родственники, по другую.

Между двумя стенами, по коридору непрерывно ходил надзиратель, стоял шум, все присутствующие кричали, надеясь, что их услышат.

10 июня 1931 года отец был осужден на 5 лет в ИТЛ по ст. 58 «Контрреволюция» по пунктам: 7 — экономическая контрреволюция (саботаж, вредительство на заводах и транспорте), 10 — участие в антисоветских организациях и 11 — агитация (антисоветская пропаганда).

Папа был сослан в Сибирь, в лагерь для заключенных, город Мариинск.

Перед отправкой в лагерь отец получил большую посылку от мамы со многими продуктами и полезными вещами, которые оказались нужными, да и просто необходимыми в арестантском вагоне в долгом пути. Как только мама ухитрилась все это быстро приобрести и организовать?

Более того, она как-то смогла проникнуть на Ярославском вокзале к арестантскому вагону и увидеться на прощание с мужем, передав ему записку — «Любимый мой, помни, что вся моя жизнь и любовь для тебя».

Отца увезли в Сибирь, а мы вернулись в Киев.

Мама всегда была энергичным, трудолюбивым и деятельным человеком. В тяжелые времена, которые переживала наша семья из-за ареста папы, или в годы Отечественной войны, она не падала духом и всегда находила выход из положения.

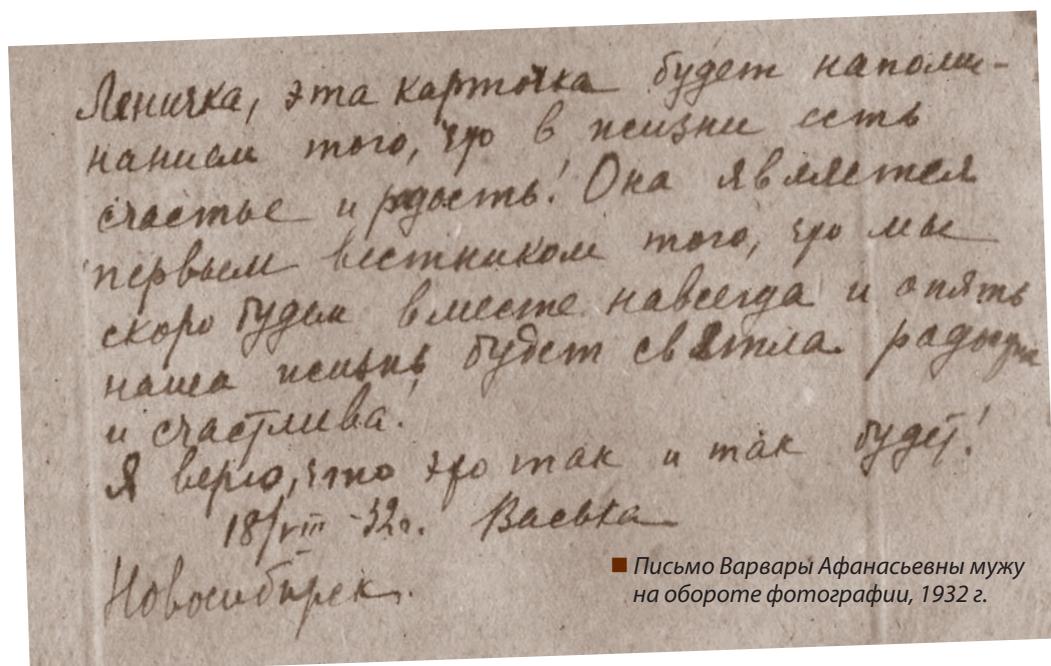
Во время ареста мужа мама за одну ночь превратилась из жены комбрига Красной армии в жену «врага народа», за одну ночь мы лишились квартиры, оказались втроем — мама, бабушка и я, в маленькой комнате, без кормильца, и мама сумела вывести семью из создавшегося положения. А время было очень тяжелое — начало тридцатых годов, голод на Украине, репрессии, коллективизация.

В Киеве в это время была введена карточная система. И чтобы кормить семью, мама никогда не ела на работе обед, который она получала на заводе «Большевик», а привозила его домой для свекрови и меня. Иногда я сама приходила к маме на завод обедать, мне запомнились ложки заводской столовой, в которых во избежание их кражи были просверлены отверстия. Эти ложки выдавали на входе в столовую — в дверях, а на выходе — забирали.

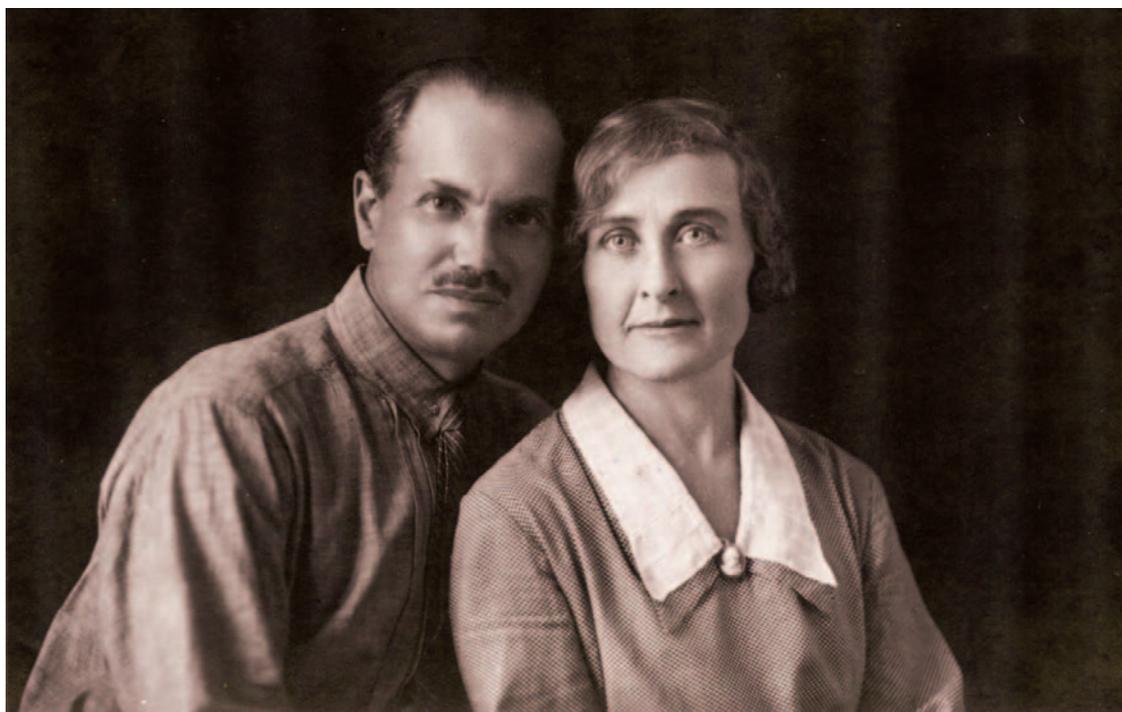
Кроме того, мама, помимо основной работы на заводе «Большевик», давала частные уроки музыки и работала музыкальным работником в детском саду.

Летом 1932 года мама ездила в Новосибирск, куда к тому времени перевели отца, навестить мужа. В это же время она подала прошение об его освобождении. По дороге из Новосибирска мама в Москве посетила прокурора на Лубянке и убедилась, что дело в рассмотрении. Но в итоге из рассмотрения не вышло ничего. Конечно, отказ.

Отца освободили 16 июля 1934 года. Через 3,5 года после ареста. С учетом зачетных дней.

■ Письмо Варвары Афанасьевны мужу на обороте фотографии, 1932 г.

■ Встреча в Новосибирске, 1932 г.

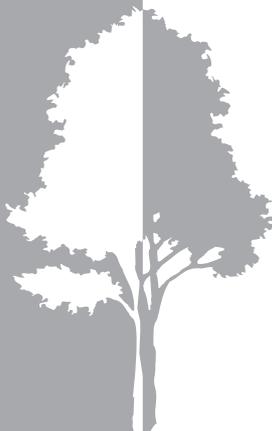
Папа сообщил маме, что решил остаться в Сибири, так как в Киеве вряд ли его оставят в покое. Мама полностью согласилась с мужем. Она к тому времени уже была старшим бухгалтером на заводе «Большевик» и работала преподавателем немецкого языка в школе при этом заводе. Кроме того, она в течение трех лет, с октября 1931 по апрель 1933 года, училась на Киевских государственных 3-годичных курсах иностранных языков. Боясь, что не справится с колоссальной нагрузкой, мама не сообщала об учебе мужу. Но у нее была исключительная память и огромная энергия. Мама блестяще окончила эти курсы и получила свидетельство, что знает немецкий язык и имеет квалификацию переводчика, а так как училась очень успешно, получила дополнительно квалификацию преподавателя немецкого языка.

«Теперь, — писала она в Сибирь, — уже не страшно поехать куда бы то ни было. У меня две квалификации: бухгалтера и преподавателя немецкого языка. Что-нибудь да выручит».

Помимо того, завод «Большевик» дал ей прекрасные рекомендации по этим должностям.

Мама после освобождения отца моментально решила ехать к нему в Новосибирск. Я до сих пор не могу понять, как она справилась с переездом — было очень много различных трудностей, но мама вынесла все, она была необыкновенной женщиной, верной и преданной женой и ради папы была готова на любые лишения. Будучи очень энергичным человеком и исключительной труженицей, мама умела выходить из любых труднейших ситуаций. При этом она всегда оставалась красивой, обаятельной, доброй и ласковой, всегда и неизменно располагала к себе людей.

При переезде в Сибирь мама проявила удивительные организаторские способности и невероятную, ошеломляющую энергию. Получила вагон для перевозки вещей. Одна, без посторонней помощи, поменяла комнату в Киеве на комнату в Харькове, проведя за нос домоуправление, препятствовавшее такому обмену. Дело в том, что жилой фонд Киева в это время был на строгом учете, так как именно летом 1934 года Киев был объявлен столицей Украины вместо Харькова и требовалось изыскать много жилья для размещения огромного числа служащих центральных учреждений Украины.

Получив за эту операцию денежную компенсацию, мама переехала для видимости на две недели в Харьков, предварительно отправив вещи в Сибирь.

В конце лета мы получили письмо от папы, в котором он писал, что одна знакомая ему семья в Новосибирске предложила устроить нас на некоторое время в собственном доме.

Из Киева мы выехали в один из теплых, солнечных дней, когда город утопал в золоте осенних листьев киевских деревьев. Мы были счастливы от сознания того, что едем к папе, хотя не имели понятия, что ждет нас в далекой, холодной Сибири и что представляет собой неизвестный нам город Новосибирск. Но все сложилось по тем обстоятельствам хорошо.

По приезду в Новосибирск, мама устроилась на работу в школу завода Горного оборудования преподавателем немецкого языка. Папа на этом же заводе получил место экономиста.

Этот же завод дал жилье — две комнаты в 3-комнатной квартире.

■ Новосибирск, 1930-е

Но в 1936 году завод Горного оборудования был переориентирован в военный авиационный, и отец, как бывший заключенный, с секретного завода был уволен и перешел на службу в Крайплан.

Наступил 1937 год. Аресты, ссылки. Отец ушел из Крайплана в Крайсобес старшим экономистом, чтобы не быть особенно на виду. Не помогло. Придравшись к тому, что контрольные цифры были составлены с запозданием (не по вине отца), папу объявили «врагом народа» и уволили. Сразу же уволили с работы и маму, так как ей, как «жене врага народа», нельзя было доверять воспитание юношества. Из квартиры мы были выселены в течение трех дней. Это были настоящие лишения для семьи. С трудом нашли на Бурлинской улице сырую хибарку в одну комнату, куда втиснулись все. Некуда было поставить кровать, со стен текло.

В конце 1937 года мама была реабилитирована и через месяц нашла себе место бухгалтера. А в начале 1938 года она была восстановлена в правах как учительница средней школы и получила место сразу в двух школах. На штатном месте — в 9-й, одной из «сильных» и авторитетных школ города, которая сумела предоставить нам небольшую квартиру, рядом со школой, в зеленом районе города и недалеко от центра, и, по совместительству, в 41-й.

В это время все держалось на маме. Отец долго (полгода) не мог найти работу. Только в марте 1938 года он получил место экономиста в буфете станции Новосибирск-Южный.

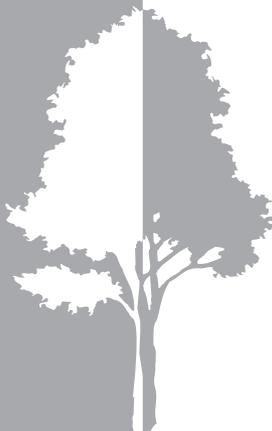
В 1938 году папа очень хорошо закончил 3-летние курсы немецкого языка, что дало ему право помимо квалификации переводчика получить право преподавания немецкого языка. И он получил работу преподавателя немецкого языка в школе 56 и в медицинском институте. (В 1943 году он стал заведующим кафедрой иностранных языков в этом институте).

Мама вскоре поступила учиться заочно в Новосибирский педагогический институт на немецкое отделение факультета иностранных языков и успешно его окончила. Высшее образование позволило

■ В.А. Булгакова, 1940-е

ей устроиться на работу в этот же педагогический институт, где она стала преподавать немецкий язык на историческом и географическом факультетах, и даже одно время была деканом факультета и председателем месткома. Работу в школе мама из-за служебной квартиры не оставляла.

Все почти уравнилось, и было почти что и хорошо, но тут пришел 1941 год, принесший вместе с войной новые лишения и испытания.

Во время войны в Новосибирск приехала сестра мамы Леля с мужем Михаилом Васильевичем Светлаевым и дочкой Варей. Михаил Васильевич уехал из Новосибирска в 1942 году, а Леля с дочкой жили у нас около двух лет.

Войну пережили очень тяжело. Хлебный паек был для папы и мамы — по 300 г/день, а для бабушки — Марии Федоровны — 200 г/день. Сажали картофель. На улицах города (но тут картофель воровали) и в поле. Выезжали летом с учениками на сельхозработы, на месяц, а то и на два. Мама и с этим хорошо справлялась.

Все вынесла на своих плечах моя мама, оставаясь очень добрым, отзывчивым и не озлобившимся человеком. Но жизненные невзгоды и удары, а также постоянный, вплоть до изнурения, труд (что в Киеве на заводе «Большевик», когда она уезжала на работу очень рано, а возвращалась очень поздно, что в Новосибирске, когда она часто до 4-х ночи сидела над тетрадями) не прошли для мамы бесследно.

В пятидесятых годах мама тяжело и неизлечимо заболела и в сентябре 1956 года умерла.

*Ирина Леонидовна Карум
Новосибирск, 1998 г.*

■ *Варвара Афанасьевна с группой преподавателей
и выпускников пединститута, 1946 г.*

Из воспоминаний Леонида Карума

...Вдруг называют мою фамилию.

— Вам передача, — говорит конвойный, — и передают мне большой мешок и корзину.

Я ушам и глазам своим не верю. При передаче — записка с перечнем содержимого. Какой-то царственный подарок. Это от Вареньки, я узнал ее почерк, почерк моей любимой, энергичной Вареньки, сумевшей найти меня в этом скопище людей, узнавшей, что я в Бутырках и что меня буквально на днях отправляют в Сибирь.

<...>

Но, куда везут? Опытные люди находятся и они говорят, что везут в город Мариинск Западно-Сибирского края. Там главный распределительный пункт Сибирских лагерей. Ехать не меньше четырех суток, если повезут с пассажирским поездом. А если с товарным, то полмесяца.

Я убежден, что мы и с пассажирским поездом не доедем до места. Мы задохнемся в пути.

И вдруг я слышу Варенькин голос.

— Леня, Леня, где ты?

С трудом и мольбой я пробираюсь к оконному отверстию и вижу мою Вареньку, которая каким-то чудом сумела пробиться через вокзал к вагону.

Я кланяюсь и ... скрываюсь в глубине купе, так как больше одной секунды никто не хочет никого пускать к месту у окошечка. Но все равно мы видели друг друга.

Вдруг конвойный открывает дверь в наше купе.

— Кто здесь Карум?

— Я.

— Вам записка.

Конвойный сует мне маленький клочок бумаги. На одной стороне написано «Карум», а на другой незабвенные, незабываемые слова: «Любимый мой, помни, что я вся моя жизнь и любовь для тебя».

Я прочел это дорогое послание и мне стало легко. Я не один в этом мире. За моей судьбой зорко следит Варенька. Я знаю, нам еще будет хорошо.

Вагон трогается. Мы отправляемся в путь, в Сибирь, к новой жизни, жизни тревог, несправедливостей и волнений.

<...>

■ Надпись на обороте фотографии 1932 года, адресованная Варваре Афанасьевне («Васеньке»)

Приближалось лето 1932 года, когда должна была приехать в Новосибирск, чтобы навестить меня, Варенька. Нужно было найти комнату, где она могла бы остановиться. Но это оказалось сложнее, чем я думал. <...> От кого-то я услышал, что комната есть в Кривошеково, теперь Новосибирск-Западный, куда надо было ехать на поезде и тратить на поездку около часу, если не больше. Но я был готов и на это. Поехал по нужному адресу и снял там комнату. Но это был жест отчаяния и страховки. На тот случай, что не найду ничего лучше.

Как вдруг кто-то из моих «соратников» по заключению, он был из местных, фамилию его не помню, посоветовал мне обратиться к его соседке по квартире, которую он сам снимал до своего ареста. Я помчался к ней. Меня встретила очень милая дама, немного простоватая, лет под 50, и сказала, что у нее самой поместиться негде, но у нее есть брат, Каргашин, который живет за рекой Каменкой в своем домике, состоящем из трех комнат, у которого комнату снять можно. Хотя Закаменка, как назывался район, где он жил, тоже не была рядом с управлением, но все же она была втрое или даже вчетверо ближе к нему, чем Кривошеково. <...> Каргашин отказался взять что-либо с меня и сказал, что комнату он уступит мне на время приезда жены даром.

<...>

Милой, родной Васеньке, которая в августе 1932г. была проездом кривошево, где занесайтесь на каргожке. Злобными дошиградом.
Но мамаша о днях, которые не засудитал. Ассиз
18. III. 32.
Новосибирск.

■ Мост через Каменку; на нижнем снимке — вид из центральной части города на Закаменский район

■ Новосибирский «Дворец труда». Впоследствии здание было надстроено

■ Леонид Сергеевич Карум на могиле жены

И вот поезд подошел, и я увидел после почти двухлетней разлуки мою Вареньку. Она очень похудела и даже постарела. Эта была женщина, у которой молодость уже прошла, хотя ей было всего 37 лет. Сказалась тяжелая жизнь.

Мы поцеловались. Тогда в Новосибирске еще ни автобусов, ни трамваев и троллейбусов не было, не было и такси. В городе существовали лишь служебные средства передвижения, поэтому мы должны были идти за Каменку пешком. Пошли через центр мимо Дворца профсоюзов (теперь институт водного транспорта). Перед оригинальным по архитектуре зданием был раскнут сквер с памятником Ленину. Мы сели там отдохнуть. Варя мне рассказывала мне об Ирочке, маме и о себе. О том, как к ней хорошо относятся на службе.

Посидев с полчаса, мы двинулись дальше. Вещей с собой у Вари было немного и нам было не тяжело. Прошли мимо Дома Ленина, перешли мост через Каменку, поднялись на левый ее берег и очень скоро оказались у домика Каргашина, на одной из поперечных улиц, имевших тогда, как и вся Закаменка, совершенно сельский вид с одноэтажными домишками, куда вход был только со двора, с запертыми заборами и цепными собаками.

<...>

Месяц пролетел быстро. Настало время прощаться. Было грустно, новой встречи надо было ждать еще два года. Мы утешали себя тем, что они пройдут быстрее, чем предыдущие и ... Варенька уехала.

Ваши белые могилки рядом,
Ту же песнь поют колокола
Двум сердцам, которых жизнь была
В зимний день светло расцветшим садом.

Обо всём сказав другому взглядом,
Каждый ждал. Но вот из-за угла
Пронеслась смертельная стрела,
Роковым напитанная ядом.

Спите ж вы, чья жизнь богатым садом
В зимний день, средь снега, расцвела...
Ту же песнь вам шлют колокола,
Ваши белые могилки — рядом.

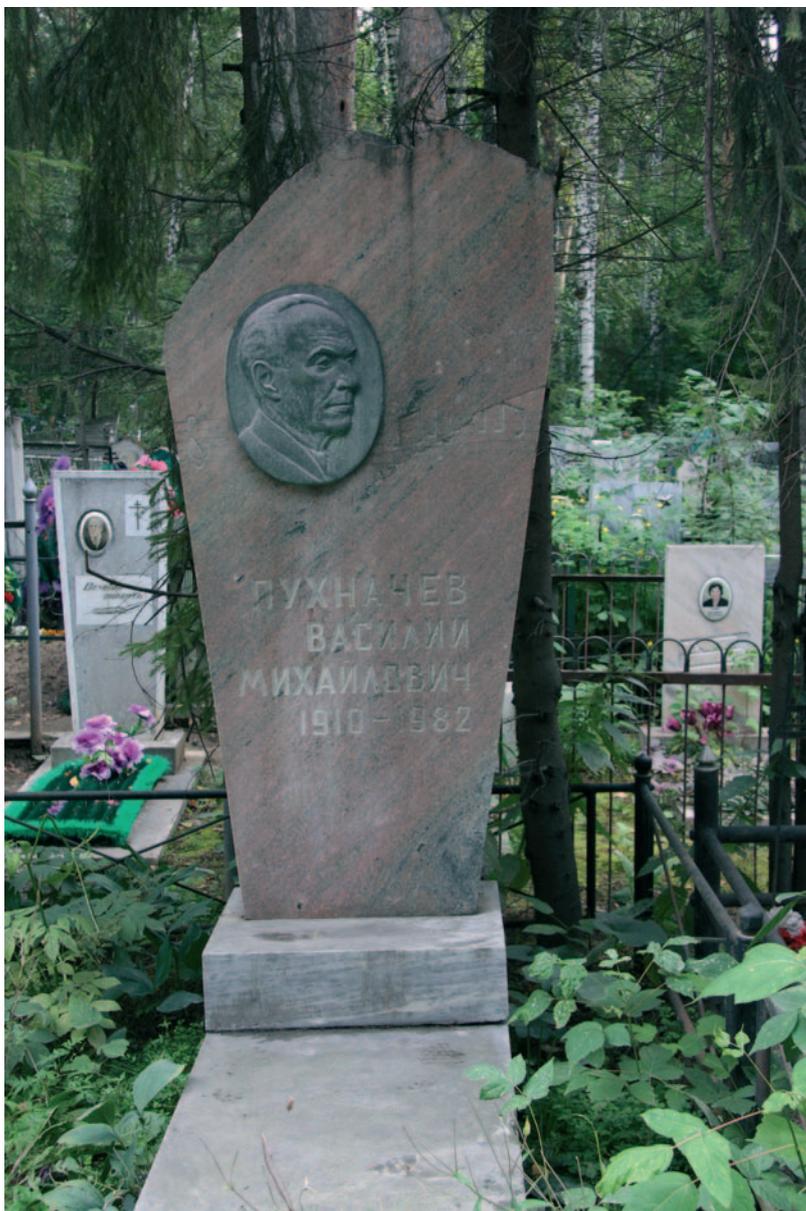
Марина ЦВЕТАЕВА

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

ПУХНАЧЕВ
Василий
Михайлович
(1910–1982) —
поэт-песенник

Родился в семье учителя, в 1926 г. окончил школу второй ступени с педагогическим уклоном в г. Камень-на-Оби, стал сельским учителем. Заведовал школами в алтайских деревнях и коммуне «Стенька Разин».

В ноябре 1931 г. был призван в Красную Армию, службу проходил на Дальнем Востоке, в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии под командованием В. К. Блюхера. Редактировал полковую газету, в которой начался его путь писателя. В августе 1932 г. демобилизовался и возвратился в Новосибирск.

Руководил рядом учреждений культуры, занимал должности заместителя председателя крайкома Союза работников искусств, председателя краевой Военно-шефской комиссии, работал в профессиональных союзах.

В конце 1939 г. получил приглашение перейти на работу в политуправление СибВО, где в это время создавался ансамбль песни и пляски округа,

начальником которого стал Пухначёв, художественное руководство ансамблем принял композитор А. П. Новиков. 22 февраля 1940 г. ансамбль дебютировал исполнением хоровой сюиты на слова Пухначёва и музыки Новикова.

После начала Великой Отечественной войны ансамбль выступал перед воинскими частями на Карельском и Северо-Западном фронтах. В. Пухначев служил в политуправлении 2-го Прибалтийского фронта, где и встретил день Победы.

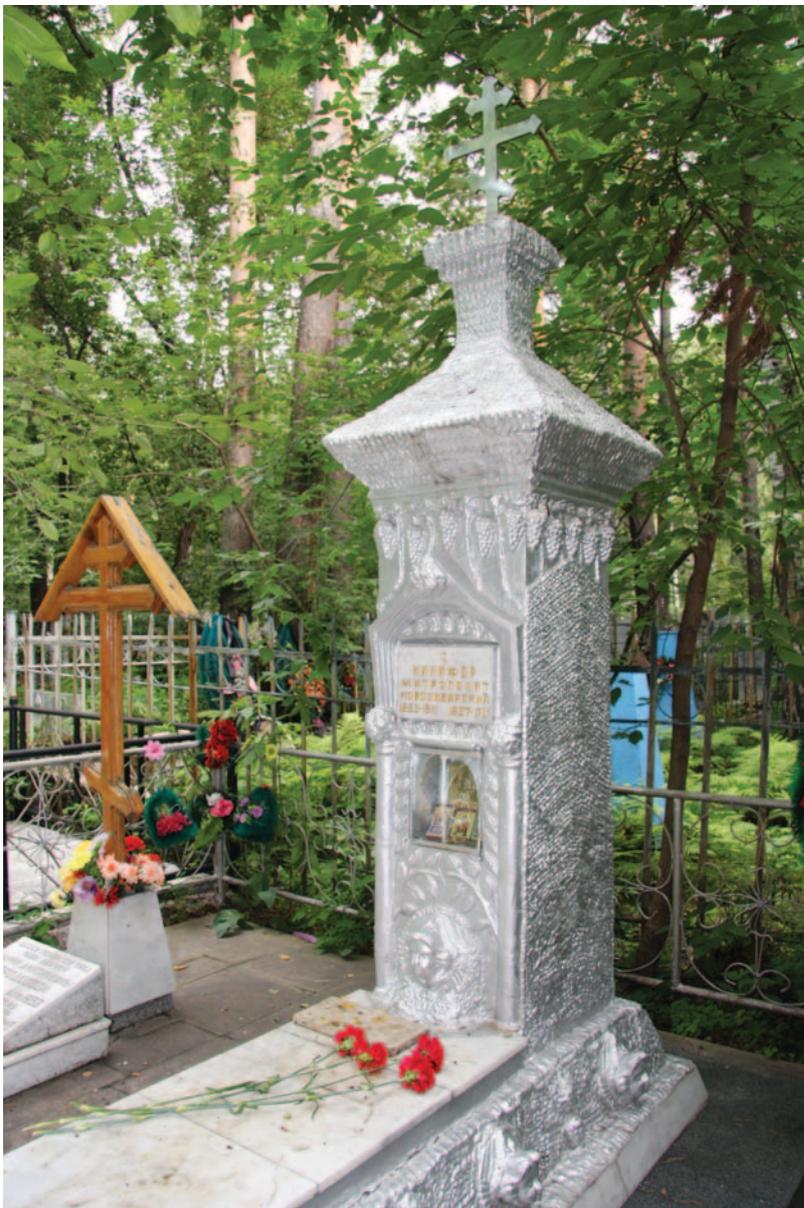
После окончания войны был демобилизован, работал начальником Новосибирского управления культуры.

С 1947 г. — на творческой работе. Среди сотрудничавших с ним композиторов — А. Новиков, В. Левашев, В. Мурадели, Т. Хренников, И. Дзержинский, Г. Иванов, А. Долуханян.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

НИКИФОР

[Асташевский
Николай Петрович]
(1848–1937) —
Митрополит
Новосибирский,
первый
управляющий
самостоятельной
Новосибирской
епархией

Родился в семье священника. В 1864–1870 гг. учился в Томской семинарии. В 1874 г. окончил Казанскую духовную академию, получил степень кандидата богословия, был рукоположен во священника; с конца 1880-х годов преподавал в Томской духовной семинарии; с 1897 г. — ректор Красноярской духовной семинарии; с 1914 г. — ректор Тобольской духовной семинарии.

В 1917 г. будучи протоиереем принял монашеский постриг с именем Никифор и был возведён в сан архимандрита. 15 сентября 1924 г. хиротонисан во епископа новообразованной Новониколаевской епархии.

С епископа Никифора в Новониколаевск началось массовое возвращение духовенства вместе с прихожанами из обновленческого раскола.

С 18 апреля 1932 г. — митрополит Новосибирский и Барнаульский.

12 марта 1934 г. было принято Постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного при нём Патриаршего Священного Синода, согласно которому полномочия областного архиерея предоставлены Преосвященным архиереям главных городов областей, в Западно-Сибирском крае — Новосибирска.

Управлял епархией до мая 1935 г. когда ушёл на покой.

Скончался 17 (30) апреля 1937 г. в Великую Пятницу. Был похоронен близ Успенской церкви Новосибирска, в 1961 г. после её закрытия и сноса останки владыки были перенесены на Заельцовское кладбище Новосибирска.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

ЕГУДИН
Валерий
Григорьевич
(1937–2007) —
оперный певец,
профессор

Родился в городе Котовске в Одесской области.

В 1965 г. окончил Новосибирскую государственную консерваторию имени М. И. Глинки (класс А.П. Здановича и Л. Я. Хинчин).

С 1961 по 1963 годы — артист вспомогательного состава, с 1963 по 1992 годы — солист оперы НГАТОБ. Всего исполнил около 60 партий. Один из лучших исполнителей оперной партии Отелло в России.

С 1976 по 1992 годы — заведующий кафедрой сольного пения Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки, с 1984 года — профессор; разработал курс «История вокального искусства».

Проводил мастер-классы в Академии музыкальных и сценических искусств в Брно, в Высшей школе музыки Гейдельберга-Мангейма (Германия).

С 1992 по 2001 год — директор Новосибирского государственного академического театра оперы и балета.

Под его руководством театр достиг значительных творческих успехов, получил категорию «Ведущий театр России», был удостоен престижных премий и наград.

Являлся председателем Правления Новосибирского Отделения Союза театральных деятелей России, членом правления Союза театральных деятелей России. Заслуженный артист РСФСР (1970), Народный артист РСФСР (1976), Народный артист СССР (1983).

Похоронен на Заельцовском кладбище Новосибирска.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

МУРОВ

Аскольд

Федорович

(1928–1996) —
русский
композитор,
Заслуженный
деятель
искусств РСФСР
(1983), лауреат
Государственной
премии России
(1990)

В 1946 г. Аскольд Муров поступил в Новосибирский инженерно-строительный институт, где учился по специальности «Теплогазоснабжение и вентиляция», а с 1948 по 1951 — параллельно учился в Новосибирском музыкальном училище (ныне — Новосибирский музыкальный колледж имени А. Ф. Муро́ва) на дирижерско-хоровом отделении. В 1951 г., получив диплом инженера-строителя, уехал по распределению в Сталинск (ныне — Новокузнецк), где до 1958 г. проработал в качестве инженера-проектировщика. Наряду с основной работой в это время А. Ф. Муров писал музыку к спектаклям.

Но вскоре он решает заниматься только музыкой и поступает в Новосибирскую консерваторию.

Ещё в годы учёбы А. Ф. Муро́ва его произведения начинают звучать в различных городах страны. Дипломная работа Муро́ва — Первая симфония (1961) — была отмечена не только местной, но и столичной прессой. К этому периоду относится и знакомство А. Ф. Муро́ва с Д. Д. Шостаковичем, с

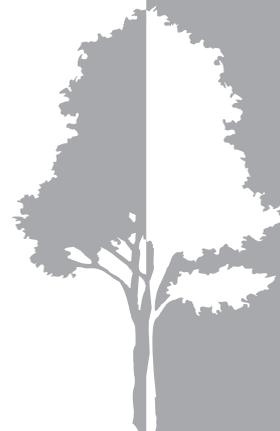
которым его впоследствии связывали дружеские и творческие контакты.

Наряду с творческой А. Ф. Муров вёл большую преподавательскую и общественную работу. Возглавлял Сибирскую организацию Союза композиторов РСФСР, стал доцентом кафедры композиции Новосибирской государственной консерватории имени М. И. Глинки, где преподавал более тридцати лет, и доктором искусствоведения (1978).

Аскольд Фёдорович Муров — первый сибирский композитор-симфонист. Как педагог он вырастил целую плеяду композиторов и уделял большое внимание пропаганде сибирской музыки.

На доме №25 по ул. Ядринцевская в Новосибирске в память о нём установлена мемориальная доска.

В 2006 г. имя Аскольда Муро́ва было присвоено Новосибирскому музыкальному колледжу, в котором композитор учился в молодости.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

**ГРИЦЮК
Николай
Демьянович**
(1922–1976) —
известный
российский
художник. Его
яркое творчество,
высоко оцененное
как в нашей стране,
так и за рубежом,
стало своего
рода одним из
знаковых явлений
в Новосибирске
второй половины
XX века

Николай Грицюк родился в деревне Преображенка Приморского края в семье служащих. В 1937 г. семья переехала в Новосибирскую область, на станцию Посевная к родственникам матери, откуда в ноябре 1940 г. Николай был призван на срочную службу в Красную Армию.

Окончил училище связи, на фронте с 1942 г. Командир огневого взвода, лейтенант. Участвовал в обороне Сталинграда, освобождении Украины, Венгрии, Румынии, Австрии. Вернувшись с войны недолго работал учителем рисования в школе. Окончил Московский текстильный институт (1951, факультет по оформлению текстильных изделий), ученик В. В. Почиталова. Работал в Ленинградском, а с 1952 г. — в Новосибирском доме моделей.

В 1955 г. без кандидатского срока принят в члены Союза художников СССР. В 1957 г. оставил работу в Доме моделей в связи с переходом на творческую работу.

Один из создателей Новосибирской картинной галереи (ныне — Новосибирский государственный

художественный музей) вместе с Х. Аврутисом, Л. Огибениным и искусствоведом П. Муратовым.

Создавал циклы живописных акварелей и темпер, изображающих природу и городские пейзажи. Знаковой для Грицюка стала созданная в 1959 г. акварель «Закат. Новосибирск».

В 1966 г. состоялась первая персональная выставка работ Грицюка, организованная по инициативе директора картинной галереи Дома учёных Новосибирского Академгородка Михаила Макаренко.

Работы Грицюка представлены в собраниях Третьяковской галереи (Москва), Русского музея (Санкт-Петербург), Альт-музеума (Берлин), есть Мемориальный зал Николая Грицюка в Новосибирском художественном музее.

Открыта мемориальная доска на доме №16 по Красному проспекту.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Сергей Бондаренко:

«БОЖЬЯ НИВА В ЗАПУСТЕНЬЕ БЫТЬ НЕ МОЖЕТ...»

*Дымилась роща под горою,
А вместе с ней горел закат,
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят...*

Эта песня, одна из самых пронзительных о Великой Отечественной войне, прочно живет в народной памяти.

Но не все, к сожалению, знают о том, что связана она с нашим городом, с нашим заводом «Сибсельмаш» (в военное время — комбинат № 179), с нашими славными героями, которые добровольцами ушли на Великую Отечественную.

На их нелегкую солдатскую долю выпала Безымянная высота, которая стала символов мужества, отваги и верности солдатскому долгу. Один из них — Константин Николаевич Власов. Чудом выживший в адском пекле неравного сражения с фашистами, он вернулся после войны в родной Новосибирск, работал на заводе и никогда не стремился быть знаменитым, известным, наоборот, предпочитал скромно оставаться в тени. Хотя, время от времени, газеты писали о его подвиге, а в школе № 24 Заельцовского района даже создали музей, он все равно сторонился публичного внимания. В этом человеке, так мне видится, по-особому ярко было проявлено одно из лучших качеств нашего национального характера: воспринимать испытания, в том числе и смертельные, на войне, как некую необходимую работу, которую нужно сделать, а когда она сделана, не кричать о ней и не хвалиться. Он ушел из жизни так же скромно, как и жил. И город, к сожалению, почти и не заметил этого ухода, а после, когда наступили иные, лихие, времена, стал забывать своего героя.

Горько об этом говорить, но, увы, так было.

... И вот зашел ко мне журналист Алексей Шамо́в и рассказал, что в школе № 24 Заельцовского района есть такая замечательная женщина, Галина Игнатьевна Вишне́вская, которая заведует школьным музеем, и что она собирает и бережно хранит все материалы и сведения о героях Безымянной высоты и, разумеется, о Константине Николаевиче Власове, чья могила находится на Заельцовском кладбище в весьма неприглядном состоянии.

Мы созвонились с Галиной Игнатьевной, договорились о встрече, но день у меня выдался суетный, как всегда в таких случаях бывает, навалились какие-то срочные и неотложные дела, и освободился я только к вечеру, так что до кладбища мы доехали, когда уже начало темнеть. И вот стоим с Галиной Игнатьевной перед могилой героя, а могила... Ну, скажем так, не прибрана и неухожена... Не буду перечислять, что удалось разглядеть в сумерках. Скажу о другом — было невероятно стыдно, а в памяти звучали слова песни: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят...»

Именно тогда я решил для себя, что сделаю все возможное, но такое положение дела исправлю. А вскоре родилась идея Аллеи Героев.

Но сначала был Константин Николаевич Власов. С самого начала стало ясно, что нужно будет перезахоронение, а на новом месте, на Аллее Героев, необходимо поставить памятник. Подготовили обращение к мэру Новосибирска Анатолию Евгеньевичу Локтю. Но все никак не удавалось попасть к нему на прием. Помог случай. По инициативе гуманитарно-просветительского клуба «Загни свечу» мы посадили памятное дерево возле дома, где живет

Почетный житель Новосибирска, Народный артист России, любимый всеми Иван Андреевич Ромашко. Приехал на это мероприятие и Анатолий

■ Большая семья Власовых (Могочино, Томская область, 1929 г.); на фото справа — могила К.Н. Власова на Заельцовском кладбище

Евгеньевич Локоть. А письмо к нему лежало у меня в машине. Хватаю его и — к мэру. Тот прочитал и говорит: согласен, но как я подпишу... На улице, надо сказать, ветер, холод, дождик накрапывает... А вот, говорю, вам авто-ручка, Анатолий Евгеньевич, и моя спина... Так, на моей спине, это письмо и было подписано. Ничего, ради доброго дела можно и спину согнуть!

Кажется, всё; необходимые бумаги подписаны, вопрос с городскими властями согласован — теперь, как говорится, за работу, товарищи? Ан нет! На перезахоронение нужно разрешение ближайших родственников. А где родственники? Стали разыскивать — нет, не можем найти в Новосибирске родственников Константина Николаевича!

Что делать?

Искать!

И нашли...

В Томской области, в Молчановском районе, в селе Могочино. Там проживает племянница Константина Николаевича — Зинаида Емельяновна Глебова. На тот момент ей было уже девяносто два года, но она замечательно

■ Племянница героя Зинаида Емельяновна с дочерью Маргаритой Викторовной (фото справа); на нижнем снимке — открытие мемориала

все помнит, о многом смогла рассказать и, конечно, подписала необходимые документы, дав разрешение на перезахоронение. И еще... Как выяснилось, дочь Зинаиды Емельяновны, Маргарита Викторовна Попкова, работает в местной школе и там существует музей, посвященный героям Безымянной высоты.

Не могу не рассказать о том, что поездку эту в глухой уголок Томской области нашей работнице Анечке Водопьяновой и сопровождавшим ее ребятам пришлось совершать уже глухой осенью, в бездорожье, под снегом, в один только конец — почти шестьсот километров, а главное — нужно было успеть и попасть на паром, который совершал свой последний рейс через Обь, если бы опоздали, пришлось бы делать огромный крюк. Но, к счастью, все обошлось. Успели записать на камеру рассказы Зинаиды Емельяновны и Маргариты Викторовны, успели оформить бумаги, и успели на паром. Мне в этом видится некий особый знак — когда занимаешься благим делом, всегда сопутствует удача, которой, казалось бы, и не ожидал...

Аллея Героев была торжественно открыта в День Победы, 9 мая. Рядом с Константином Николаевичем обрел свой последний приют и Герой Советского Союза Леонид Николаевич Пономаренко.

Теперь, я в этом убежден, в городе появилось еще одно святое для всех нас, новосибирцев, место — Аллея Героев.

У НЕЗНАКОМОГО ПОСЕЛКА, НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

После войны немецкий генерал Гудериан писал: «112-я пехотная дивизия натолкнулась на свежие сибирские части, одновременно была атакована танками со стороны Дедилово. Дело дошло до паники, охватившей участок фронта до Богородицка. Эта паника, возникшая впервые со времени начала русской кампании, явилась серьезным предостережением».

Английский военный историк П. Карелл в своей книге «История германского поражения на Востоке» считает одной из причин разгрома фашистов под Москвой прибытие на фронт сибирских дивизий.

Воинский подвиг сибиряков — иркутских, красноярских, томских, омских, кузбассовских, алтайских, новосибирских полков и дивизий — увековечен в мемуарах полководцев и в исторических работах, советских и иностранных.

Всей стране известны слова из песни «На Безымянной высоте»: «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят». Но далеко не все знают, что из этих восемнадцати ребят, отстоявших высоту Безымянную, семнадцать были новосибирцы, и десять из них — с «Сибсельмаша». Так что это песня о новосибирцах, о сибсельмашевцах.

И мы сейчас вновь обращаемся с памятью к подвигу восемнадцати героев-сибиряков, в числе которых были десять сибсельмашевцев. Оставшиеся в живых после памятного их сражения в сентябре 1943 года сержант Константин Николаевич Власов и рядовой Герасим Ильич Лапин не дожили до наших дней. Власов умер в 1978 году и похоронен в Новосибирске. В декабре 1987 г. на 82-м году жизни умер в г. Донецке Лапин.

■ Константин Власов

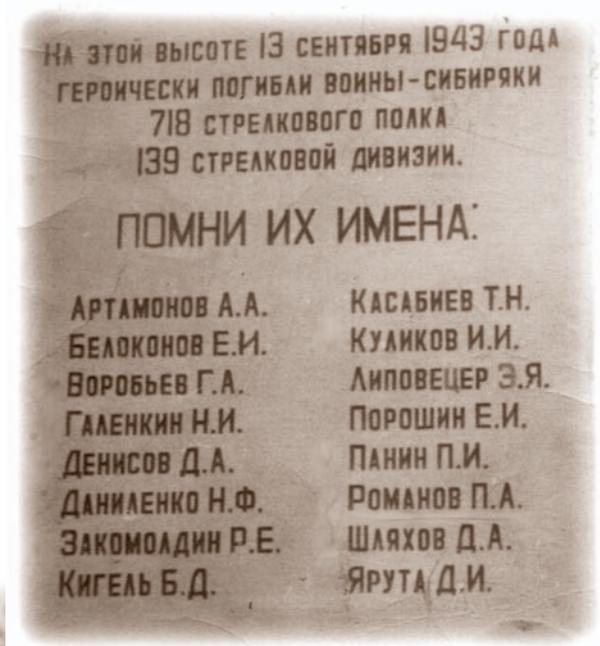
■ Герасим Лапин

Подробности героического подвига воинов-сибиряков в ночь с 13 на 14 сентября 1943 года были изложены в 1966 году бывшим командиром 139-й Краснознаменной ордена Суворова Рославльской стрелковой дивизии, гвардии генерал-майором запаса И. Кирилловым, которая приводится ниже.

Уже много лет у нас в стране люди с большим чувством поют полюбившуюся им песню «На Безымянной высоте», написанную поэтом М. Матусовским и композитором В. Баснером. Эту песню

нельзя слушать без волнения, особенно тем, кто пережил суровые испытания фронта. В ней рассказывается о героизме и мужестве 18 воинов-патриотов, храбро сражавшихся с врагом в чрезвычайно тяжелых условиях неравного ночного боя, о высоком моральном духе советских солдат, их фронтовой дружбе.

... Все, о чем говорится в песне, происходило в сентябре 1943 года во время Смоленско-Рославльской

наступательной операции Западного фронта, в состав войск которого входила и наша дивизия, действовавшая на направлении главного удара 10-й армии. Общая обстановка на фронте была сложной и трудной.

Вот почему с первого же дня наступления в полосе дивизии развернулись упорные и тяжелые бои. В этих боях воины 139-й стрелковой дивизии проявили исключительное мужество и героизм.

Особенно отличались своим мастерством и бесстрашием сибиряки-коммунисты, прибывшие в дивизию во второй половине августа. Их было около 250 человек — добровольцев, главным образом из города Новосибирска и Новосибирской области. Первое боевое крещение сибиряки приняли на реке Снопоть, в бою за населенный пункт Козловка. Первой ворвалась в этот опорный пункт группа из восьми коммунистов-сибиряков под командованием старшего сержанта Д. А. Денисова из 718 стрелкового полка.

Когда дивизия, преодолевая упорное сопротивление врага, вышла на подступы к реке Десне, именно в этом полку родился смелый план вылазки в тыл противника. Инициатором его была группа отважных воинов-сибиряков во главе с младшим лейтенантом Евгением Ивановичем Порошиным. Они попросили направить их в тыл врага с тем, чтобы утром с началом наступления дивизии облегчить бои за высоту 224,1 и близлежащие безымянные высоты. План Е.И. Порошина был прост: ночью при нашем очередном огневом налете пробраться в тыл врага, занять выгодное место для наблюдения и замаскироваться, а на рассвете, уточнив расположение огневых средств и живой силы противника, корректировать огонь артиллерии и минометов, нарушать линии связи, дезорганизовать управление противника, посеять панику в его рядах и при выгодной обстановке захватить высоту 224,1.

Операцию решили провести глубокой ночью, с 13 на 14 сентября.

...Младший лейтенант Е. И. Порошин доложил командиру полка о том, что его боевая группа в составе восемнадцати коммунистов-добровольцев готова к выходу на исходное положение. После короткого разговора командира полка с младшим лейтенантом Е.И. Порошиным, а потом со всей группой, в которую входили старшие сержанты Д.А. Денисов и Р.Е. Закомолдин, сержанты Н. Ф. Даниленко, Б. Д. Кигель и К. Н. Власов, рядовые Н.И. Куликов, Г.А. Воробьев, Э.А. Липовицер,

Д.А. Шляхов, Т.Н. Касабиев, П.А. Романов, Д.И. Яруев, П. Н. Панин, Н.И. Галенкин, А.А. Артамонов, Г.И. Лапин и парторг взвода Е.И. Белоконов, было дано разрешение занять исходное положение. Смельчаков сопровождали саперы и разведчики 718-го стрелкового полка, на участке которого и проводилась эта необычная вылазка.

Через некоторое время, когда командир полка подполковник Е.Г. Салов

и начальник разведки дивизии подполковник Н.С. Семин доложили, что группа готова к выполнению боевой задачи, был дан сигнал начала операции. Одновременно, разрезая ночную тишину, загрели сотни орудий и минометов. Шквал огня длился несколько минут. Затем на заранее подготовленном участке, в разрывах снарядов и мин, был образован коридор, по которому и двинулись отважные воины-сибиряки.

Артиллеристы и минометчики сопровождали их все дальше и дальше в глубь неприятельской обороны. Враг молчал. Но спустя 15–20 минут в воздухе стало появляться все больше осветительных ракет.

Мы усилили огневую активность на других участках, с тем, чтобы больше отвлечь внимание противника от того места, где действовала группа. От Е.И. Порошина был получен сигнал: «Прекратите огонь». Все, словом, поначалу шло, как и было предусмотрено планом. Казалось, что все самое опасное — скрытый переход переднего края обороны

противника — уже осталось позади. Но вдруг от Е.И. Порошина поступил тревожный сигнал: — Нас, кажется, обнаружили...

После такого сообщения радиста на командном пункте воцарилась мертвая тишина...

Медленно проходили томительные минуты. Вдруг радист оживился, вскочил на ноги. В наушниках послышался взволнованный голос: — Я — «Луна»... Мы обнаружены. Принимаем бой...

Звуки взрывов не дали закончить передачу — «Луна» вновь умолкла. Мы поняли, что наша группа смельчаков преждевременно обнаружена врагом и вступила в неравный бой. Мы пытались определить место завязавшейся в тылу врага схватки по звукам выстрелов, по направлению трасс огня. Но подобное определение было далеко не точным. Ждали светового сигнала, установленного таблицей связи, но и его не было. Думали, что Е.И. Порошин примет решение вернуться назад по одному из маршрутов, предусмотренных вариантами плана. Но и этого не последовало.

А тем временем бой в глубине вражеской обороны разгорался все сильнее и заметно переместился в район высоты 224,1. Мы открыли огонь по артиллерии и минометам противника, по пунктам управления, ставили заградительный огонь на предполагаемых флангах нашей группы. По силе боя можно было понять, что гитлеровцы бросили против нас до двух рот

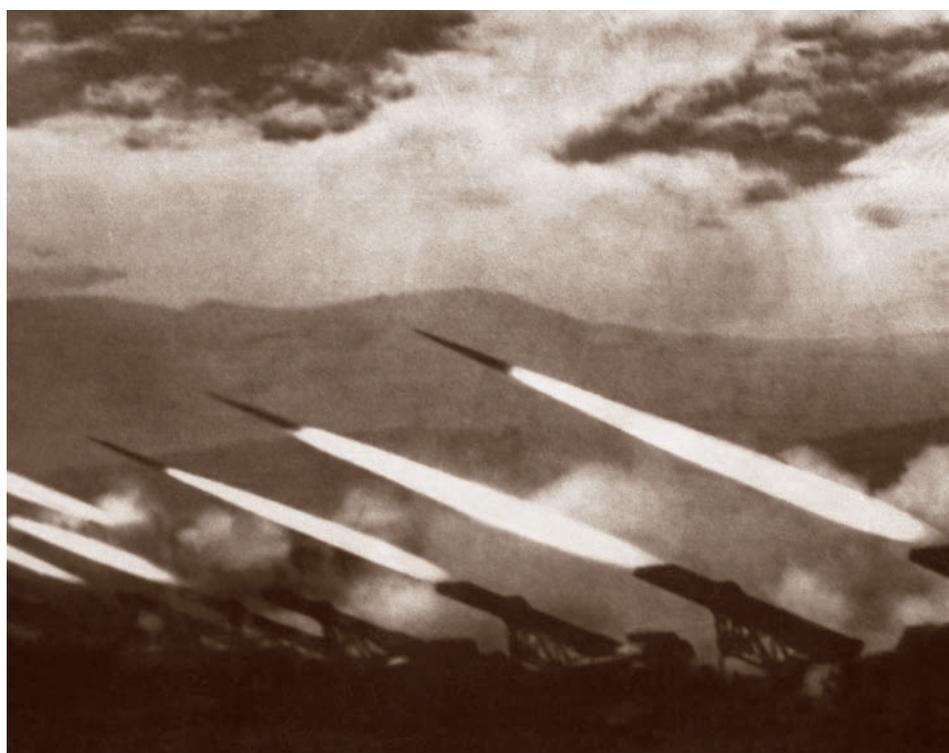

пехоты. Всю ночь на Безымянной высоте шел неравный и напряженный бой. Несмотря на многократное превосходство в силах, фашисты так и не смогли овладеть этой высотой, оставив на поле боя около сотни своих солдат убитыми и ранеными. И только когда у наших смельчаков были израсходованы все боеприпасы и в группе из 18 человек остались в живых всего семеро, и те по несколько раз были тяжело ранены, фашистам удалось учинить над ними расправу — зверски расстрелять истекающих кровью, мужественных, до конца преданных своей Родине патриотов.

Буквально чудом двоим из восемнадцати воинов группы Е.И. Порошина удалось остаться в живых — сержанту Константину Николаевичу Власову и рядовому Герасиму Ильичу Лапину. Первый из них, будучи тяжело ранен, сначала попал в плен, а затем бежал к партизанам. После войны Константин Николаевич Власов жил в Новосибирске, работал на металлургическом заводе. Г.И. Лапин в бою на Безымянной высоте взрывной волной был отброшен в кусты, где ему, контуженному, удалось пролежать рядом с погибшими товарищами, — и при подходе наших войск вновь встать в строй. После войны Герасим Ильич жил и работал в Донецке.

Подвиг восемнадцати отважных сынов Родины навсегда останется в сердце нашего народа. И одно из свидетельств тому — прекрасная песня «На Безымянной высоте», ставшая своеобразным памятником отважным патриотам...

■ Рисунки героев Безымянной выполнил народный художник РСФСР фронтовик И. Титков

НА БЕЗЫМЯННОЙ ВЫСОТЕ

Музыка В. Баснера, слова М. Матусовского

Дымилаь роща под горою,
И вместе с ней горел закат...
Нас оставалось только трое
Из восемнадцати ребят.
Как много их, друзей хороших,
Лежать осталось в темноте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Светилась, падая, ракета,
Как догоревшая звезда...
Кто хоть однажды видел это,
Тот не забудет никогда.
Он не забудет, не забудет
Атаки яростные те —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Над нами «мессеры» кружили,
И было видно, словно днем...
Но только крепче мы дружили
Под перекрестным артогнем.
И как бы трудно ни бывало,
Ты верен был своей мечте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

Мне часто снятся все ребята,
Друзья моих военных дней.
Землянка наша в три наката,
Сосна сгоревшая над ней.
Как будто вновь я вместе с ними
Стою на огненной черте —
У незнакомого поселка
На безымянной высоте.

The musical score is written in G major and 4/4 time. It consists of three staves of music with lyrics underneath. The first staff begins with a dynamic marking of *mf* and includes chords *E_m*, *A_m*, and *Fis_m⁵*. The second staff includes chords *H₇* and *E_m*. The third staff includes chords *A_m*, *Fis_m⁵*, *H₇*, and *E₇*. The lyrics are: "1. Ды-ми-лась ро-ща под го-ро-ю, и вме-стес ней го-рел за-кат... Нас о-ста-ва-лось толь-ко тро-е из во-сем-на-дцати ре-бят. Как мно-го".

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

ТИТКОВ

Иван

Васильевич

(1905–1993) —
живописец,
член Союза
художников РСФСР,
Заслуженный
деятель искусств,
народный
художник РСФСР,
участник Великой
Отечественной
войны.

Свой творческий путь Иван Васильевич начал как художник-исследователь. В этом направлял его известный ученый-этнограф, энциклопедист, член-корреспондент Императорской Академии наук М. А. Круковский, основавший в Камне-на-Оби краеведческий музей. В 1924 г. юный рисовальщик отправляется в свою первую научную экспедицию по Горному Алтаю. Его рисунок алтайского шамана 20-х годов, более поздние темперы «Поет богатырь Альеп-Манаш» и «Сказание о Хакасии» — подлинные жемчужины.

Значительную роль для развития мастерства Титкова сыграла учеба в 1926-1929 гг. в Омском художественно-промышленном техникуме имени М. Врубеля.

Иван Васильевич ушел добровольцем на фронт. За ратный труд на фронтах разведчик-артиллерист Титков награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и

медалями. Тема Великой Отечественной продолжалась в творчестве художника и спустя десятилетия после ее окончания. Важнейшие его работы: «Опаленные (Курская битва)», «Через Брянские леса», «Кончили войну, теперь за пахоту» и др.

Около 15 лет Иван Васильевич был председателем Новосибирского отделения Союза художников. Иван Васильевич провел несколько десятков персональных выставок, в т. ч. в Чехословакии в 1967 г., в Новосибирске в 1987 г. Именно он был инициатором создания районных картинных галерей в сельской местности. Переданные Титковым безвозмездно картины становились началом создания картинных галерей нашей области — в Краснозерском, Сузунском и других районах, на дизель-электроходе «Обь» и т. д.

В 2000 г. Титков Иван Васильевич признан «Гражданином XX века Новосибирской области».

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

ГНЕДКОВ
Вадим
Николаевич
(1932–2000) —
режиссер
кино, театра и
телевидения,
педагог.

На Новосибирскую студию телевидения В.Н. Гнедков пришел в первый же год ее работы в 1957 г. — был рабочим склада, ассистентом режиссера, а с ноября 1957 г. — режиссером. С июля 1960 г. он осуществлял руководство всей режиссерской работой студии, сочетая ее с творческой деятельностью: ежегодно выпускал в эфир несколько десятков наиболее сложных передач, снимал свои первые фильмы.

После окончания Высших режиссерских курсов при ГИТИСе (мастерская народного артиста СССР Н.П. Охлопкова, 1964 г.) ставил спектакли в ТюЗе, в театре «Красный факел».

Вадим Николаевич стоял у истоков создания студии «Новосибирсктелефильм» и первым в Новосибирске начал снимать игровое, в полном смысле художественное кино. Первый же игровой фильм «Сказки правды» получил Диплом I степени на Всесоюзном конкурсе по телевидению и радиовещанию в 1960 г. Полнометражный художественный фильм «Сердце» удостоен Диплома

Союза кинематографистов СССР на зональном смотре в Новосибирске. Фильм «Не потеряйте знамя» на конкурсе в 1970 г. в Ленинграде был награжден призом и Дипломом как лучший фильм на военно-патриотическую тему для детей. В.Н. Гнедков также снял художественные фильмы: «У нас есть дети» (1966), «Ночной сеанс» (1975), «Однажды осенью» (1977), «Сват» (1980), «Перед свадьбой» (1987).

В.Н. Гнедковым было снято более 50 документальных картин. Фильмы, созданные им в середине 1980-х гг., неоднократно транслировались по центральному телевидению: «Дорога через шесть рек», «Следствия и причины», «Зодчие».

В последние годы жизни Гнедков много сил отдавал педагогической деятельности, был одним из организаторов и ведущих преподавателей двухгодичных курсов при Западно-Сибирском отделении Союза кинематографистов России (1993–1994), педагогом отделения кино и телевидения Новосибирского колледжа культуры и искусства (1995–1999).

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

СНЕЖИНА

(настоящая фамилия
— Печенкина)

Татьяна

Валерьевна

(1972–1995) —

поэтесса,
певица, автор и
исполнитель своих
песен

В начале 90-х в одном солидном ресторане Новосибирска, прослушав Татьяну, сделали ей одолжение, разрешив исполнять несколько раз в неделю эстрадные шлягеры для их посетителей. Исполненная однажды собственная песня вызвала гром аплодисментов и... постепенно репертуар песен Снежиной почти полностью вытеснил традиционный. Ресторан стал переполняться в вечера её выступлений.

В феврале 1995 г. аудиоматериал Татьяны Снежиной получил для прослушивания музыкальный продюсер и руководитель студии «M & L Art» Сергей Бугаев. В марте 1995 г. певице поступило от Сергея Бугаева предложение о сотрудничестве. Вскоре состоялся дебют её новой песни «Музыкант».

В мае Сергей признался Татьяне в любви. 15 августа 1995 г. радиостанция «Европа плюс» сообщила о предстоящей 13 сентября их свадьбе.

18 августа 1995 г. состоялась презентация нового проекта Татьяны Снежиной. Настоящим потрясением для собравшихся на этой «тусовке»

были неожиданно исполненные Татьяной, вместо эстрадных песен, два собственных романса под гитару «Звезда моя» и «Если я умру раньше времени».

Тем же вечером 18 августа 1995 г. Сергей Бугаев с Татьяной и друзьями поехали в Горный Алтай. А три дня спустя на обратном пути, на 106-м километре трассы Барнаул — Новосибирск их микроавтобус столкнулся с грузовым автомобилем «МАЗ». В результате этого дорожно-транспортного происшествия погибли все шесть пассажиров микроавтобуса.

В 1996 г. вышел ее первый поэтический сборник. Песни Снежиной пели звезды российской эстрады. Был выпущен двойной альбом, включавший 22 лучшие песни Снежиной.

В Новосибирске в 2011 г. в честь Татьяны Снежиной названа одна из улиц, на которой позднее установлена бронзовая пятиметровая стела, посвящённая певице и поэтессе.

НОВОСИБИРСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

СОЛЛЕРТИНСКИЙ

Иван Иванович

(1902–1944) —
выдающийся
музыкальный
и театральный
критик, музыковед

Родился в семье председателя окружного суда, в 1921-1924 гг. учился в Петроградском университете, где изучал романо-германскую филологию и испанскую классическую литературу. Параллельно Соллертинский изучал историю театра в Институте истории искусств, который окончил в 1923 г., в 1926-1929 гг. прошёл в нём же аспирантуру.

С 1923 г. Соллертинский преподавал историю музыки, литературы, театра, психологию, эстетику и ряд других дисциплин в различных вузах Ленинграда, в том числе, с 1936 г., в Ленинградской консерватории; в 1939 г. получил звание профессора.

С конца 1920-х Соллертинский был лектором Ленинградской филармонии и её советником по репертуару. В 1934-1941 годах он работал также в издательстве при филармонии, впоследствии стал её художественным руководителем, совмещая эту

деятельность с работой в Театре оперы и балета им. Кирова. Долгие годы Соллертинского связывала дружба с Дмитрием Шостаковичем, повлиявшая на развитие творчества композитора.

Во время Великой Отечественной войны вместе с коллективом филармонии был эвакуирован в Новосибирск, работал в здании Дома культуры имени Октябрьской революции.

Скоропостижно скончался на квартире композитора А. П. Новикова.

В Новосибирской консерватории существует Студенческий симфонический оркестр имени И.И. Соллертинского под управлением заслуженного деятеля искусств РФ Виктора Минасяна.

Погост

Осеняют осень кресты.
Придает память прошлого силы.
Золотыми слезами листы
С веток капаят на могилы.
Дождь осенний идет и идет.
И зима на могилах промокла.
Кедром дедушка Петр восстает
И березкою бабушка Фекла.
Потемнел на могиле гранит.
Дерн ковровый поднялся над глиной.
И отец бодрым кленом стоит.
Мать взошла молодою рябиной.
Знать, не даром пахали поля
И кормили они государство.
Стала пухом родная земля,
Стало храмом Небесное царство.
И слова здесь сердечно тихи.
Пахнут осенью, листиком павшим.
На погосте слагаю стихи
Между прошлым и будущим нашим.

Владимир РОМАНОВ

ПО ВЫСОКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ СЧЕТУ

Начну с цитаты.

«У русских людей есть четыре вероисповедания.

Первое — это святое православие, которое позволяет нам черпать из небес непрерывные потоки лазурных светоносных Фаворских сил.

Второе — это русская природа, от которой мы не отпали и которая божественно воспета в прозе и стихах русских поэтов Есенина, Тургенева, Тютчева.

Третье вероисповедание — это сама русская словесность, божественный русский язык, на котором говорят ангелы в небесах. Язык, на котором будет начертано на могильном камне имя каждого из нас, родившегося в России и почившего в этой чудной земле.

И, наконец, государство, государственная идея, которая для русского человека равносильна религиозному представлению. Ибо, когда русский народ теряет свое государство, для него наступают неисчислимые беды и траты. Поэтому, каким бы оно ни было несовершенным, как бы сложно ни складывались отношения народа и государства, поддерживать государство в трудные минуты — это необходимость всего нашего народа.

Сегодня у России очень трудные времена. В атмосфере холодной войны главная задача наших противников — сломать государство, израсходовать его необильные силы, отвлечь от главных направлений на ложные цели.

Служение государству для русского человека является частью его религиозного сознания».

Не люблю длинных цитат, но в данном случае эти слова известного писателя Александра Проханова, взятые мной из журнала «Изборский клуб» (№6-7, 2016 год), показались мне наиболее точными и верными, отражающими суть нашей темы и нашего разговора.

Может быть, кто-то усомнится и скажет: а при чем здесь пафосные утверждения Проханова и программа «Белый тополь»? Дело в том, что всем четырем направлениям вероисповедания, о которых говорит писатель, как раз и соответствует «Белый тополь» и устремления людей, занимающихся осуществлением этой программы.

Она живет, она работает, она зрима...

Стоит прекрасный памятник на могиле одного из основателей нашего города, инженера-путейца Николая Михайловича Тихомирова, долгое время почти забытого земляками. А ведь именно он, Николай Михайлович, построил последний пролет моста, который дал жизнь нашему городу, руководил строительством собора Александра Невского, создал первое пожарное общество в деревянном Ново-Николаевске, когда любое неосторожное пламя угрожало большими бедами. Благодарные новониколаевцы похоронили безвременно ушедшего из жизни Николая Михайловича Тихомирова на территории собора, справедливо считая это воздаянием за праведные труды. Однако новые поколения забыли о нем и могилу снесли. Но справедливость теперь восстановлена, и замечательный памятник Н. М. Тихомирову стал неотъемлемой частью нынешнего Новосибирска.

На воинском кладбище в Заельцовском районе создана Аллея Героев. А началом ее стало перезахоронение одного из героев Безымянной высоты, нашего земляка Константина Николаевича Власова... Не буду рассказывать более подробно, в книге об этом написано, скажу о другом — эта книга, прежде всего, и призвана рассказать о тех благородных идеях, которые осуществлены в рамках программы «Белый тополь».

■ Торжественная церемония перезахоронения К.Н. Власова

Подчеркну — уже осуществлены, а не озвучены и заболтаны, как это у нас частенько бывает...

Совсем недавно, в декабре 2016 года, по инициативе клуба «Зажги свечу» и, опять же в рамках программы «Белый тополь», в самом центре Новосибирска, на улице Депутатской, была установлена мемориальная доска Народной артистке СССР Анне Яковлевне Покидченко. Анна Яковлевна была потрясающим человеком, актрисой, на творчестве которой воспитывались, сужу по своей семье, три поколения новосибирцев.

И это не единственная мемориальная доска, сооруженная мастерами предприятия ИМИ. На этом же доме, давно уже названном артистическим, все тот же клуб «Зажги свечу» при деятельной поддержке предприятия ИМИ открыл мемориальную доску Народному артисту СССР Валерию Егудину.

Проходит время, и имена, которые знал весь город, начинают забываться. А ведь об этих людях можно слагать легенды. Александр Метелица... Чуть хриловатый голос этого журналиста знал Новосибирск и Новосибирская область. Он писал пьесы, стихи, прекрасно играл

на гитаре, но главным для него оставалась все-таки радиожурналистика, в которой он был непревзойденным мастером. И снова — ИМИ. Мемориальная доска Александру Метелице была открыта у входа в Дом радио на улице Вертковской.

Коротка, к сожалению, человеческая память, особенно о тех, кто строил город, благоустраивал его, озеленял, обихаживал и любил. Именно

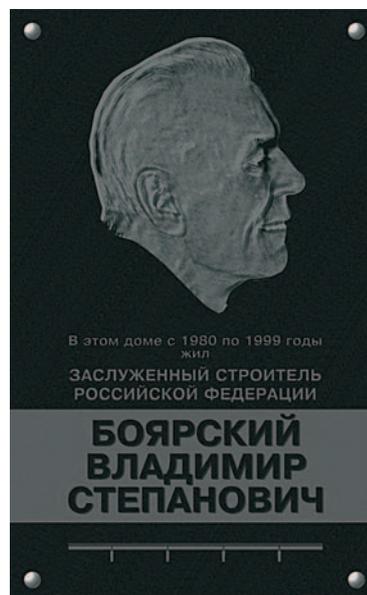
■ Клуб «Зажги свечу» на открытии мемориальной доски в память о Народной артистке СССР А.Я. Покидченко; на снимке справа — мемориальная доска на доме, в котором жил журналист Александр Метелица

таким человеком был Владимир Степанович Боярский, много лет возглавлявший управление благоустройства Новосибирского горисполкома, а позже — областное управление. Мемориальную доску этому замечательному патриоту нашего города установил все тот же равнодушный коллектив ИМИ, который возглавляет Сергей Валентинович Бондаренко, депутат Новосибирского городского совета.

Как депутата его хорошо знают в школах Новосибирска. И учителя, и ученики. И не только потому, что он, как депутат, бывает на всех школьных праздниках, но и потому, что по-крупному «следит», в смысле оставляет след, в школах. В гимназию № 13 он привез в полном составе для встречи с ребятами гуманитарно-просветительский клуб «Зажги свечу», во дворе школы № 4 построил фонтан, возле гимназии № 1, перед фасадом, на Красном проспекте, установил стелу в память об учительнице Варваре Афанасьевне Булгаковой. Уже много лет Сергей Валентинович проводит соревнования борцов, в которых участвуют школьники города, а совсем недавно, как подарок к новому, 2017 году, построил на собственные средства новую хоккейную коробку, над которой теперь звучит всем хорошо известная песня: «В хоккей играют настоящие мужчины, трус не играет в хоккей...»

Мне вспоминается открытие памятника «Вовка в тридевятом царстве» на улице Крылова, рядом с Рябиновым сквером, который был посажен депутатом Бондаренко и его коллегами напротив школы. Прекрасный памятник! Эдакий ленивец развалился в царском кресле, в царской одежде, улыбается, подмигивая своим сверстникам, подсказывая им, что «по-щучьему велению, по моему хотению» освоение наук бывает только в сказках. Огорчен я был на церемонии открытия лишь одним обстоятельством, когда позвал всех Вовок сдернуть покрывало с памятника. Из числа собравшихся вышло пять-шесть моих тёзок,

■ Мемориальная доска в память о В.С. Боярском

а из мальчишек — никого! «Надо же, — подумал я, — немодным стало имя!» Но от сценария не отступился, спросил у одного хлопчика, румяного от легкого морозца: «Хочешь быть Вовкой?» Тот согласно кивнул, и я предложил ему дернуть за веревочку.

С тех пор совсем не удивляюсь, когда иду рядом с Сергеем Валентиновичем по улице, а с ним здороваются ребяташки со школьными рюкзаками за спиной...

■ Памятный знак рядом с деревом, посаженным в честь юбилея Народного артиста России Игоря Юдина; внизу — Народный артист России И.А. Ромашко (в центре) в окружении семьи и друзей по клубу «Зажги свечу» возле посаженной в честь его 80-летия елки.

Наш гуманитарно-просветительский клуб «Зажги свечу» горазд на выдумки. Например, придумали посадку деревьев в честь юбиляров, заслуженных людей нашего города. Пусть новосибирцы при жизни знают своих героев. Такие деревья посажены в честь юбилеев Народных артистов России Ивана Андреевича Ромашко, Игоря Викторовича Юдина, многолетнего ректора Сибстрина профессора Аркадия Петровича Яненко (посажены елки, а рядом установлены памятные знаки), Народного артиста России дирижера Владимира Поликарповича Гусева (небольшая аллея из пяти лип и также памятный знак).

Практической реализацией всех этих добрых дел занимались Сергей Валентинович Бонадренко и сотрудники предприятия ИМИ.

Вы скажете: невероятно, что ИМИ занимается еще и выпуском книг... Но, тем не менее, это так. Выпущено уже несколько изданий. Конечно, особое

место в этом ряду занимает «Новосибирский некрополь» — первая и пока единственная книга, рассказывающая о новониколаевских и новосибирских погостах, богато иллюстрированная фотографиями, в том числе уникальными.

Государственной работой занимается предприятие «Похоронный Дом ИМИ», возглавляемое Сергеем Валентиновичем Бондаренко. Ведь человеческая память — это нравственное мерило нас, ныне живущих. Именно эта мысль и сподвигла членов гуманитарно-просветительского клуба «Зажги свечу» наградить С.В. Бондаренко одной из своих главных наград — орденом «Белой вороны». Орден этот вручается людям неравнодушным, умеющим жить наособицу, творить то, что издревле творили на Руси «чудаки» с государственной жилкой в характере, с нежной любовью к родимой земле и людям, ее населяющим, имя которым — русский народ.

*Владимир ШАМОВ,
писатель,
вице-президент гуманитарно-просветительского
клуба «Зажги свечу»*

■ В рамках программы «Белый тополь» многое делается для увековечивания в Новосибирске памяти о воинах и тружениках тыла Великой Отечественной войны

Содержание

...А вечность — это просто наша память	3
«Божья нива в запустенье быть не может...»	5, 25, 67, 127, 153
Екатерина Савинова: грани таланта	8
Звезды светят из прошлого (Н.М. Тихомиров)	30
Погосты, кладбища и братские могилы	70
«Мы по свету ее разнесли...» (Алексей Ачаир).....	100
«Вся моя жизнь и любовь для тебя...» (Варвара Булгакова и Леонид Карум)	130
У незнакомого поселка, на безымянной высоте (К.Н. Власов)	157
По высокому гражданскому счету	170

При подготовке издания использованы следующие источники:

Фонды Музея города Новосибирска
Фотовидеотека Похоронного Дома ИМИ
Фонды Новосибирского музея книги
Личный фотоархив В.В. Шамова
Фотоархив гуманитарно-просветительского клуба «Зажги свечу»
Электронные ресурсы:
Библиотека сибирского краеведения
Сайт НГТУ
Новосибирский Краеведческий портал
«Памятные доски Новосибирска»

Литературная карта Новосибирска и Новосибирской области

Книги:

Свет погасшей звезды: Екатерина Савинова. — Барнаул: АЗБУКА, 2011
Левобережье Новосибирска. Страницы истории. — Новосибирск: Издательский Дом «Сибирская горница», 1999.
Новосибирск. Железнодорожный район. — Новосибирск: Культурное наследие, 2006.
Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области.
Лица сибирской литературы. Очерки и эссе. — Новосибирск: РИЦ НПО СП России, 2006.

Фотографии Елены Шамовой

Отпечатано:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, Россия, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

Телефон: +7(383) 363-09-28. E-mail: knigosibirsk@yandex.ru

Тираж: 500 экз.